

Основан в 1969 году

Учредители: Академия наук СССР, Институт Латинской Америки

Латинская Америка № 7/2021

Ежемесячный научный и общественно-политический журнал РАН

Издается под руководством Отделения глобальных проблем

и международных отношений РАН

Включен в список ВАК

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

ISSN 0044-748X Индекс 70497 Москва

Главный редактор В.Л.ХЕЙФЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АЛЬКАНТАРА САЭС М. (Ун-т Саламанки (Испания), Боливарианский Папский ун-т Медельина, Колумбия); БАТТЬЯНИ К. (Ун-т Республики (Уругвай), Генеральный секретарь Латиноамериканского совета по общественным наукам; ДАВЫДОВ В.М. (ИЛА РАН, Москва); ЖЕБИТ А. (Федеральный ун-т Рио-де-Жанейро, Бразилия); ИВАНОВСКИЙ З.В. (ИЛА РАН, МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва); КОВАР-РУБИАС ВЕЛАСКО А. (Колехио де Мехико, Мексика); КОНСТАНТИНОВА Н.С. (ИЛА РАН, Москва); КОФМАН А.Ф. (ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, Москва); ЛЕОНОВ Н.С. (Москва); МАРТИНЕС ПЕРЕС Х. (Национальный автономный ун-т, Мексика); МАРТЬИНОВ Б.Ф. (МГИМО МИД России, Москва); МАССОН СЕНА К. (Кубинский ин-т культурных исследований им. Хуана Мари-ельо, Куба); НОЛЬТЕ Д. (Немецкий ин-т глобальных проблем, Германия); ОКУНЕВА Л.С. (МГИМО МИД России, Москва); РУВИНСКИЙ В. (Ун-т ИСЕСИ, Колумбия); СЕРБИН А. (Региональный центр координации экономических и социальных исследований, Аргентина); СУДАРЕВ В.П. (ИЛА РАН, Москва); ТИКНЕР А. (Ун-т Росарио, Колумбия); ХЕЙФЕЦ В.Л. (главный редактор журнала «Латинская Америка», Москва); ХЕЙФЕЦ Л.С. (СПбГУ, Санкт-Петербург); ШЕСТОПАЛ А.В. (МГИМО МИД России, Москва); ШКОЛЯР Н.А. (ИЛА РАН, Москва); ЩЕЛЧКОВ А.А. (ИВИ РАН, Москва); ЩЕТИНИН А.В. (МИД России, Москва); ЯКОВЛЕВ П.П. (ИЛА РАН, РЭУ им. Г.В.Плеханова, Москва); ЯНКЕЛЕВИЧ П. (Колехио де Мехико, Мексика)

КОРРЕСПОНДЕНТЫ: И.М.КУРГУЗОВ — В САНТЬЯГО, kim-la@mail.ru
А.Ю.ЧУРИКОВ — В КАРАКАСЕ, achurikov@list.ru

Над номером работали: С.Е.АЛЕКСАНДРОВ, К.Э.ДАБАГЯН, А.Б.НОВИКОВА, А.Э.САЛТАЙС (зав. редакцией)

Адрес редакции: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21
Телефон: 8-495-951-01-67; электронная почта: revistala@mtu-net.ru

© Российская академия наук, 2021.

© Составитель: Редакционный совет журнала «Латинская Америка», 2021.

Latinskaya Amerika N 7/2021

(Latin America)

Founded in 1969

Established by

Academy of Sciences of the Soviet Union

Institute of Latin America

Scientific, social and political journal of Russian Academy of Sciences

Issued monthly

Published under the authority of the Global Problems

and International Relations Department of the RAS

Included in the list of the Higher Attestation Commission

Included in Science Index, Russian Science Citation Index on the base of Web of Science

ISSN 0044-748X Index 70497 Moscow

Chief Editor VICTOR L.HEIFETS

EDITORIAL BOARD:

ALCANTARA SAEZ M. (Salamanca University (Spain), Bolivarian Pontifical University of Medellin, Colombia); BATTHYANY K. (University of Republic, Uruguay), the Latin American Council of Social Sciences; DAVYDOV V.M. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); COVARRUBIAS VELASCO A. (College of Mexico, Mexico); ZHEBIT A. (Federal University of Rio de Janeiro, Brazil); IWANOWSKY Z.V. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KHEIFETS V.L. (editor in chief, Russia); KHEIFETS L.S. (Saint-Petersburg State University, Russia); KONSTANTINOVA N.S. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KOFRMAN A.F. (Institute of World Literature and Arts, RAS, Russia); LEONOV N.S. (Russia); MARTINEZ PEREZ J. (National Autonomous University, Mexico); MARTYNOV B.F. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); MASSON SENA C. (Cuban Institute for Cultural Studies Juan Marinello, Cuba); NOLTE D. (German Institute of Global Affairs, Germany); OKUNEVA L.S. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); ROUVINSKY V. (ICESI University, Colombia); SCHELCHKOV A.A. (Institute of General History, Russia); SCHETININ A.V. (Ministry for Foreign Affairs of Russia, Russia); SERBIN A. (Regional Coordinating Center for Economic and Social Studies, Argentina); SHESTOPAL A.V. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); SHKOLNIK N.A. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); SUDAREV V.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); TICKNER A.B. (University of Rosario, Colombia); YAKOVLEV P.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); YANKELEVICH P. (College of Mexico, Mexico)

Correspondents: I.M.KURGUZOV — in SANTIAGO, kim-la@mail.ru

A.Yu.CHURIKOV — in CARACAS, achurikov@list.ru

The present issue of journal by S.E.ALEKSANDROV, K.E.DABAGIAN, A.B.NOVIKOVA, A.E.SALTAIS (managing editor)

Editorial address: 21 Bolshaya Ordynka Str., 115035 Moscow, Russia
Phone number: +7 495 951 01 67; e-mail: revistala@mtu-net.ru

© Russian Academy of Sciences, 2021.

© Compiler: Editorial Board of «Latinskaya Amerika», 2021.

В НОМЕРЕ:

ПОЛИТИКА

-
- 6** Н.Ю.Кудеярова. **Миграционная трансформация в Мексике. Вызовы и новые возможности для правительства А.М.Лопеса Обрадора**
- 22** Альберто Хавьер Ольвера. **Кризис или укрепление популизма в Мексике?**

ЭКОНОМИКА

-
- 38** Хорхе Альберто Лопес Аревало. **Экономическая политика так называемой четвертой трансформации**

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ

-
- 53** Хуан Пабло Прадо Лальянде. **Внешняя политика президента Мексики Андреса Мануэля Лопеса Обрадора. Растущая значимость vs строгий отбор в период 4-ой трансформации**

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

-
- 69** В.Е.Баглай. **Доиспанская история мексиканской Калифорнии. Путь в Месоамерику, который так и не был пройден**

КУЛЬТУРА

-
- 83** К.Р.Буйнова. **Марио Варгас Льоса в Советском Союзе. К 85-летию писателя**

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОЧИТАННОМ

-
- 94** А.Н.Боровков. **Важный вклад в российскую латиноамериканистику**
- 105** А.А.Андреева. **Комплексный взгляд на «новые старые» проблемы безопасности «по ту сторону Пиренеев»**
- 110** Прием в аспирантуру ИЛА РАН

SUMARIO

POLITICA

- 6 Nadezhda Kudéyárova. **La transformación migratoria en México. Desafíos y nuevas oportunidades para el gobierno de A.M.López Obrador**
22 Alberto Javier Olvera. **¿Crisis o consolidación del populismo en México?**

ECONOMIA

- 38 Jorge Alberto López Arévalo. **La política económica de la llamada cuarta transformación**

VINCULOS INTERNACIONALES

- 53 Juan Pablo Prado Lallande. **La política exterior mexicana del Presidente Andrés Manuel López Obrador. Ascendente relevancia vs estricta selectividad en tiempos de la 4-a transformación**

ANTIGÜEDADES

- 69 Valentina Baglay. **La historia prehispánica de la California mexicana. El camino hacia Mesoamérica que nunca ha sido recorrido**

CULTURA

- 83 Kristina Buynova. **Mario Vargas Llosa en la Unión Soviética. Dedicado al 85 aniversario del escritor**

REFLEXIONANDO SOBRE LO LEIDO

- 94 Anatoly Borovkov. **Un importante aporte en los estudios latinoamericanos en Rusia**
105 Arina Andréeva. **Un enfoque complejo hacia los “nuevos viejos” problemas de la seguridad “por el otro lado de los Pirineos”**

CONTENTS

POLICY

- 6 Nadezhda Kudayarova. **Migration transformation in Mexico. Challenges and new opportunities for the A.M.Lopez Obrador government**
22 Alberto Javier Olvera. **The crisis or consolidation of populism in Mexico?**

ECONOMY

- 38 Jorge Alberto Lopez Arevalo. **The economic policy of the self-proclaimed 4th transformation in Mexico**

INTERNATIONAL TIES

- 53 Juan Pablo Prado Lallande. **The Mexican foreign policy of President Andres Manuel Lopez Obrador. Increasing relevance vs strict selectivity during 4T era**

ANTIQUITY

- 69 Valentina Baglay. **The pre-Hispanic history of Mexican California. The road to Mesoamerica that was never completed**

CULTURE

- 83 Kristina Buynova. **Mario Vargas Llosa in Soviet Union. Dedicated to Llosa's 85th anniversary**

THINKING ABOUT READ

- 94 Anatoly Borovkov. **Important contribution to Russian Latin American studies**
105 Arina Andreeva. **A comprehensive look at the “new old” security issues “on the other side of the Pyrenees”**

ПОЛИТИКА

Н.Ю.Кудеярова

Миграционная трансформация в Мексике

**Вызовы и новые возможности для правительства
А.М.Лопеса Обрадора**

Региональная миграционная система, включающая в себя США, Мексику и государства Центральной Америки, в настоящее время находится в состоянии турбулентности. Мексика стала территорией, по которой передвигаются караваны мигрантов, где концентрируются беженцы, ожидающие решения о предоставлении убежища в США, а мексиканско-американская граница превратилась в рубеж, притягивающий сотни тысяч мигрантов, надеющихся на удачу. Постоянное изменение принципов миграционной политики со стороны США повышает уровень неопределенности и хаоса на границе. Во втором десятилетии XXI в. роль Мексики в региональной миграционной системе радикально изменилась. Она становится не только донором трудовой силы, но и ключевым государством миграционного транзита и первой безопасной страной, предоставляющей убежище и международную защиту. Произошедшая трансформация повлияла на изменение статуса Мексики в отношениях с государствами региона. В статье рассматриваются ключевые изменения миграционной модели Мексики: рост числа иммигрантов и беженцев, управление транзитной миграцией, инициативы, направленные на формирование инструментов социально-экономического развития в государствах Северного треугольника, — Гватемале, Гондурасе, Сальвадоре.

Ключевые слова: Мексика, США, миграционный кризис, миграционный транзит, миграционная реформа, миграционная система.

DOI: 10.31857/S0044748X0014988-5

Статья поступила в редакцию 03.03.2021

Надежда Юрьевна Кудеярова — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б. Ордынка, 21, <https://orcid.org/0000-0002-6899-0763>, n.kudeyarova@yandex.ru).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00023.

Современная миграционная ситуация в Мексике и круг проблем, решаемых в период правления президента Андреса Мануэля Лопеса Обрадора (2018 — н/в), представляют собой взаимосвязанные элементы многогранного процесса. Его формирует не только миграционная активность жителей страны, но также политика США и проблемы развития в государствах Центральной Америки. Все они создают единую миграционную систему, где Мексика является центральной географической частью. Рассмотрение обозначенных государств в качестве системы дает возможность опереться на такие базовые принципы системного подхода, как целостность, иерархичность конфигурации, структуризация. Эту систему характеризует наличие доминанты — США, фокусирующих на себе около 90% субрегионального миграционного потока. Поскольку при современном типе миграции ключевая регулирующая роль ложится на страну приема, то именно США заняли господствующую позицию в определении стратегии в миграционной сфере. Наличие нескольких государственных акторов, реализующих в той или иной степени целенаправленную политику в отношении мобильности людей, позволяет детализировать функции государств в единой миграционной системе. Так, для уроженцев центральноамериканских стран Мексика является транзитной территорией, что накладывает на государство специфические функции.

Целью данной статьи является выявление изменений в миграционной модели Мексики, ее роли в сложившейся системе и влияние этих изменений на действия современного мексиканского правительства. Автор использует методы структурно-функционального анализа, логически связанные с системным подходом в части ключевых понятий и видения разнотипных связей. Выделение Мексики в качестве элемента системы позволяет проследить изменения, происходящие на разных уровнях, и вытекающие из этого функциональные трансформации. Отправным тезисом исследования становится наличие связи между объективными характеристиками миграционной модели Мексики и направлениями политики руководства страны. С позиции функционализма особенности дискурса мексиканского правительства будут проявлением не только личностных качеств президента, но и объективного изменения обстоятельств в миграционной панораме страны. При этом функциональный анализ позволяет учитывать «живые» социально-психологические аспекты деятельности политических субъектов, обычно выходящие за рамки количественных исследований.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В МЕКСИКЕ

На протяжении нескольких десятилетий миграционный вопрос был болевой точкой мексиканско-американских отношений [1] [2]: миллионы мексиканцев представляли большую часть испаноговорящего населения США, а сама латиноамериканская страна воспринималась как территория управляемого исхода населения [3, с. 238]. Миграционная модель страны в качестве донора рабочей силы сложилась во второй половине XX в., когда демографический рост создал давление на рынке труда в сегментах малоквалифицированной рабочей силы [4, с. 60]. Еще в начале XXI в. Мексика была донором

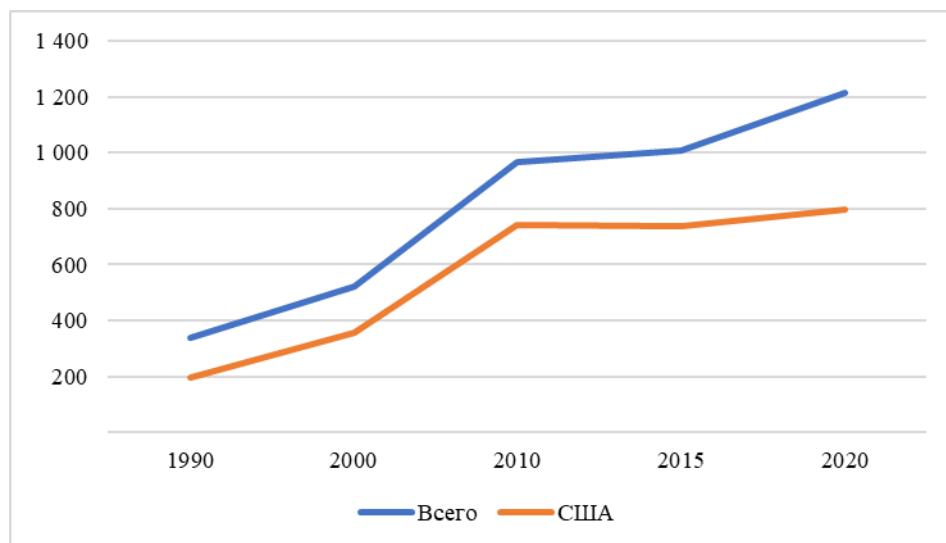
Надежда Кудеярова

мигрантов, ежегодный отток в США достигал 770 тыс. человек [5]. Как следствие, во всей системе доминировали отношения между США и Мексикой с характерным для них соподчинением политики донора и реципиента миграции. Пиковые показатели мексиканской волны пришли на 2000—2005 гг., далее последовало стремительное снижение.

В настоящее время в самой Мексике структура мобильности усложняется. Поворотным стал 2011 г., когда в миграционном балансе впервые было зарегистрировано отрицательное сальдо — объем оттока из США превышал приток [5]. Этому способствовал отток мигрантов из-за роста безработицы и ухудшения экономической ситуации в США, произошедших после кризиса 2008—2009 гг. Внесли свой вклад и многочисленные депортации мигрантов. Как показали результаты «Опроса о миграции на Северной границе Мексики», проводимого мексиканскими учеными, среди депортируемых более двух третей были резидентами Мексики. В 2019 г. желание любой ценой вернуться в США уже не было доминирующим [6, с. 21]. Происходившие изменения все нагляднее прорисовывали новые контуры миграционной модели страны, а вслед за ними — новые проблемы и вызовы.

Актуальной характеристикой стало увеличение иммиграционного притока в саму Мексику (график 1). На протяжении своей современной истории латиноамериканская страна не играла значимой роли в качестве реципиента миграции, в отличие от ряда южноамериканских государств.

График 1. ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ИММИГРАЦИОННОГО НАСЕЛЕНИЯ В МЕКСИКЕ (тыс. чел.)



Источник: составлено автором по данным: CONAPO [7]; INEGI [8].

Иммиграционный тренд проявился с 1990-х годов. На начальном этапе выделялись выходцы из Сальвадора, что отражало последствия центральноамериканского конфликта 1980-х годов. Постепенно эта волна сошла на

нет, часть людей вернулась обратно, другая перебралась в США. Наиболее высокий темп роста численности иммигрантов пришелся на «нулевые» годы, когда количество иммигрантов выросло в два раза — с 492 тыс. до 961 тыс. человек. К 2020 г. общая численность иностранного населения достигла 1 212 тыс. человек. Начиная со второй половины 1990-х годов, уроженцы США вышли на первое место среди иностранцев, проживающих в Мексике, они составили 77% (2010 г.) и 66% (2020 г.) [9]. Если в «нулевые» годы XXI в. увеличение иммиграционной группы происходило за счет уроженцев США, то во втором десятилетии более активную роль играли выходцы из латиноамериканских стран, вынужденные покинуть родные места из-за политических и экономических кризисов. Так, заметно выросло число гватемальцев, колумбийцев, венесуэльцев, аргентинцев, гондурасцев, кубинцев.

За 25 лет Мексика стала страной, где проживает самая многочисленная условная американская «диаспора». Объяснение роста числа американцев, живущих в Мексике, было противоречивым. Этот феномен нередко связывали и с бизнес-миграцией под влиянием Североамериканского соглашения о свободной торговле (*North American Free Trade Agreement, NAFTA*), и с тем, что Мексика стала привлекать американских пенсионеров. Однако детальный анализ данных мексиканского Национального совета по населению (*Consejo Nacional de Población, CONAPO*) показывает глубокий разрыв между стереотипом и реальными характеристиками. Парадоксально, но «американская» миграционная группа — самая молодая из всех, находящихся в Мексике: 67% из них — дети в возрасте до 14 лет (график 2). Значительная их часть — это дети мексиканцев, родившиеся на американской земле. Они — «граждане США, но прибыли в Мексику вместе с вернувшимися или депортированными родителями» [10]. Пенсионная миграция более свойственна канадцам и европейцам, но их вклад в общую численность мигрантов незначителен. На этом фоне выделяются потоки трудовой миграции, сформированные жителями государств центральноамериканского Северного треугольника и Южной Америки. Очевидно, что основу этих потоков составляют молодые люди активного трудоспособного возраста. Латиноамериканский сегмент, вкупе с американским компонентом, стали ядром трансформации базовых функций страны в региональной системе.

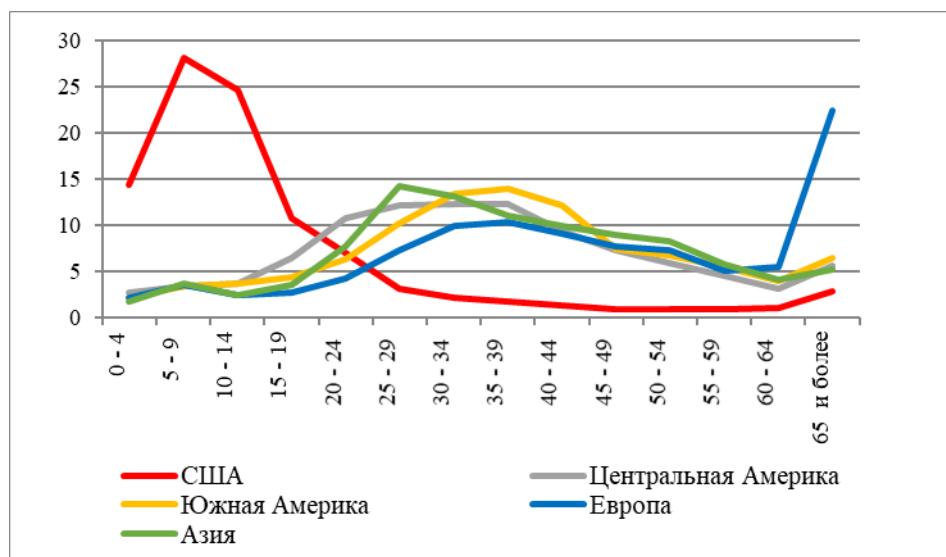
Несмотря на «мексиканские» корни иммигрантов, вклад собственно американцев весьма заметен. Причины этой миграции разнообразны. Например, в период правления администрации Дональда Трампа (2017—2021 гг.) часть людей покинула США из-за усилившихся расовых противоречий. Кроме того, росло число молодых людей, приехавших по туристической визе и оставшихся в стране. Возможность дистанционной работы, появившаяся еще до пандемии, позволила многим выбрать именно такую форму организации рабочего процесса. Фриланс, дистанционная работа и сетевые технологии способствовали увеличению данного миграционного компонента. В таких случаях речь шла о квалифицированных работниках. (график 3). Как следствие, более трети американцев работали на высоких позициях, в том числе управленческих.

Профессиональные характеристики наглядно отражают социальное положение миграционных сообществ. Большая часть экономически активной американской группы это — специалисты с высоким уровнем образования.

Надежда Кудеярова

Так, 41% американцев в возрасте старше 15 лет имели образование уровня бакалавра, у 32% — специалитет (*licenciatura*) и выше. Для сравнения: большинство иммигрантов из соседней Гватемалы имели низкий уровень квалификации — 28% людей не закончили школу и у 29% было неоконченное начальное образование [7]. Указанные характеристики влияли на политику государства в отношении мигрантов.

График 2. ВОЗРАСТНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МИГРАНТОВ (%)



Источник: построено автором по данным CONAPO [7].

График 3. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЭАН (%)



Источник: построено автором по данным CONAPO [7].

Благоприятный режим жизни и работы в Мексике выходцев из США отмечался на уровне руководства страны. Оно придерживалось довольно гибкого подхода к мигрантам из Соединенных Штатов вне зависимости от того, есть ли у них официальные документы на пребывание в Мексике. «Мы никогда не оказывали на них давление в вопросе оформления документов», — подчеркивал министр иностранных дел Мексики Марсело Эбрард [11]. Это контрастировало с подходом мексиканских властей к данному вопросу в отношении транзитных мигрантов

В 2000-х годах казалось, что устойчивая тенденция роста иммиграционного населения Мексики будет продолжаться. Однако его численность достигла 1% населения Мексики и как бы уперлась в «потолок» под воздействием кризисов, слабого экономического роста, а также нерешенных социальных проблем. Фактор мексиканско-американской границы приводил к концентрации в стране выходцев из центральноамериканских иカリбских государств, стремящихся попасть в США. В то же самое время негативные процессы в Центральной Америке стали влиять на растущее миграционное давление с Юга. Функции Мексики в региональной системе начали быстро меняться: из промежуточного этапа на пути в США страна постепенно трансформировалась в значимого актора миграционной политики, формулирующего собственное видение региональных проблем.

ПРОБЛЕМА ТРАНЗИТНОЙ МИГРАЦИИ

Территориальная специфика транзитного пространства сформировавшейся системы представляет собой последовательную цепь государств, на юге ограниченных Панамским каналом. Это делало Мексику безальтернативным сухопутным путем к американской границе [12]. Во втором десятилетии XXI в. на первый план межгосударственного взаимодействия вышла тема охраны мексиканско-американской границы и проникновения центральноамериканских мигрантов в США через северную границу Мексики [13, с. 58], [14, с. 44]. Проблема отчетливо проявилась в 2014 г., когда, согласно статистике американского пограничного патруля, число задержанных центральноамериканцев существенно превысило количество мексиканцев [15, с. 323]. В том же году развернулся масштабный кризис «детской миграции», когда американский патруль задерживал тысячи детей и подростков из Гондураса, Сальвадора и Гватемалы без сопровождения взрослых. «Континентальная» часть потока была наиболее массовой, но не единственной. Растущая волна кубинцев и жителей Гаити обостряла пограничную ситуацию, а увеличивающееся число уроженцев азиатских и африканских стран максимально интернационализировало проблемы транзита. Из-за отказа во въезде со стороны США северные мексиканские города Тихуана и Мехико стали принимать тысячи застрявших там мигрантов. Таким образом, с середины 2010-х годов в мексиканско-американских отношениях все большее место стала занимать проблема транзитной миграции, связанная с третьими странами.

Концепция «транзитной миграции» вошла в оборот в 1993—1994 гг., когда она стала использоваться в документах ООН и Международной организации по миграции (МОМ). Рекомендации в отношении транзитной

Надежда Кудеярова

миграции были ориентированы на «усиленные меры миграционного и по-граничного контроля, которые вводят обязательные визы в страны миграции, информационные кампании о миграциях, депортации, соглашения о принудительном и добровольном возвращении мигрантов на родину, программы переселения и иные меры усиления режима для беженцев в странах транзита, а также интеграция мигрантов в странах транзита» [16, с. 16]. Важно отметить, что задача управления рассредоточена между различными субъектами международных отношений, вовлеченными в общую систему мобильности. В таких условиях суть стратегии действий выстраивается вокруг ужесточения пограничного контроля между страной — целью миграции и прилегающим транзитным государством. В региональной миграционной политике активно используется концепция «скрытой границы» — отдаления линии миграционного контроля от физической границы государства. Так, в некоторых источниках южную границу Мексики называли второй границей США, что «иллюстрировало наличие общей для богатых стран назначения [миграции] тенденции к интеграции правительств стран транзита в свою политику и к перемещению барьера, а вместе с ними — ответственности и бремени на юг» [16, с. 23]. Ярким примером этого подхода стала политика администрации Д. Трампа, которая агрессивно требовала от Мексики ужесточения контроля на границе и всей территории страны [17, с. 61]. Однако задача охраны южной мексиканской границы не относится к числу легко реализуемых: это протяженная линия, местами представляющая собой джунгли, которые затрудняют регулярный контроль. Такие условия повышали значение не только контроля, но и работы с собственно причинами миграции.

В Мексике проблема транзитной миграции наиболее остро всталась в 2017 г., когда она обрела форму «караванов мигрантов». По оценкам министерства внутренних дел, в 2017 г. около 300 тыс. мигрантов находились на нелегальном положении [18]. Караваны предопределили последующую трансформацию миграционной политики в субрегионе. Начало острой фазы кризиса в октябре 2018 г. совпало с процессом перехода власти в Мексике от Энрике Пеньи Ньето (2012—2018 гг.) к избранному А.М. Лопесу Обрадору.

Движение караванов, несмотря на невозможность пересечения мексиканско-американской границы, не прекращалось. Согласно данным мексиканского «Опроса о миграции на Южной границе Мексики», для транзита по мексиканской территории многие обращались к услугам «койотов» (*coyote*) и «пойеро» (*pollero*)*, миграционных контрабандистов. Среди гватемальцев, задержанных мексиканскими властями, 63,9% поступали подобным образом; из тех, кто был депортирован в Сальвадор, таких было чуть менее половины (48,5%); а среди возвращенных в Гондурас — лишь 17,6% [19, с. 41]. Поскольку караваны представляли собой относительно безопасную альтернативу движения по стране, многие гондурасцы, не имевшие средств для найма проводников, ориентировались именно на этот способ транзита.

* В нелегальном трафике «койот» (*coyote*) отвечает за организацию и посредничество, тогда как «пойеро» (*pollero*) осуществляет физическую перевозку мигрантов (например, на грузовике).

Мексиканская сторона предпринимала шаги по нормализации временного пребывания иностранцев на своей территории. 26 октября 2018 г. был объявлен План «Ты — у себя дома» (*Estás en tu casa*), который позволил центральноамериканцам, находившимся в штатах Чьяпас и Оахака, получить доступ к Программе временной занятости. В январе 2019 г. был принят План помощи караванам мигрантов, объединивший работу нескольких мексиканских федеральных агентств для обеспечения мигрантов и беженцев медицинской помощью, продовольствием, водой и информацией в момент въезда в страну [20]. Поддержка Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) позволила Мексиканской комиссии по оказанию помощи беженцам (*Comisión Mexicana de Ayuda a Refugiados, COMAR*) расширить свое присутствие в Монтеррее, Паленке и Тихуане. УВКБ продолжало настоятельно призывать мексиканские власти адаптировать и трансформировать проводимые им мероприятия в государственную политику.

Увеличение количества проблем, связанных со статусом транзитного государства, отразилось в статистических данных. На графике 4 отчетливо виден рост активности Мексики в качестве страны, предоставляющей убежище. В 2019 г. почти 90% заявлений было подано гражданами пяти государств — Гондураса (43%), Сальвадора (13%), Кубы (12%), Венесуэлы (11%) и Гаити (8%). Около 43% заявителей составляли женщины, а 26% — дети. Из 25 тыс. решений, принятых в 2019 г., 49% были положительными [16]. Мексику можно отнести к странам с самым высоким процентным соотношением предоставления убежища. Ожидается, что в 2021 г. в там будет подано около 70 тыс. новых заявлений, что сравнится с рекордными показателями 2019 г. [21].

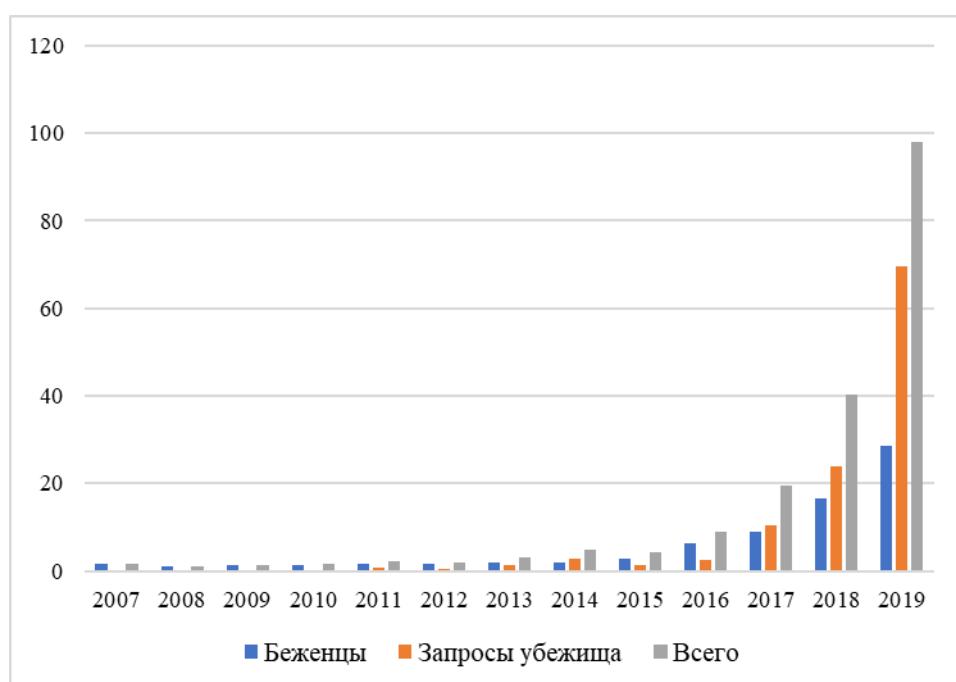
Официальная позиция Мехико в отношении караванов основывалась на законе о миграции 2011 г., который был нацелен на защиту прав мигрантов вне зависимости от их статуса. Нелегальное пребывание на мексиканской территории было отнесено к категории административных нарушений. Вступая в должность президента в декабре 2018 г., А.М.Лопес Обрадор подтвердил приверженность этой линии. Однако давление США и развитие кризиса вынудило искать новый баланс в миграционной политике. Мексика была вынуждена принять изменения позиции США в отношении соискателей убежища и приступила к адаптации своей правовой и институциональной базы для решения этой проблемы.

19 сентября 2019 г. была создана Межминистерская комиссия по комплексной политике в вопросах миграции (*Comisión Intersecretarial de Atención Integral en Materia Migratoria*), призванная координировать миграционную политику и действия федерального правительства. Комиссия должна была взять на себя обязанность по сдерживанию нерегулярной транзитной миграции из Центральной Америки, в то время как все регулярные миграционные потоки оставались под юрисдикцией *SEGOB* [22]. Важным нововведением стало использование с июня 2019 г. вновь созданной Национальной гвардии для усиления операций Национального института миграции (*Instituto Nacional de Migración, INM*). Национальная гвардия могла задерживать нелегальных мигрантов по согласованию с *SEGOB*. Однако такая политика нередко вызывала критику за жесткость действий

Надежда Кудеярова

служб миграционного контроля. Таким образом, усиление транзитной миграции приводило к необходимости более четко разделить функции, связанные, с одной стороны, с ростом секьюризации, а с другой — с очерчиванием конкретных требований к легализации. Эти меры обозначали пути выхода мигрантов из в промежуточного «транзитного» положения

График 4. ДИНАМИКА ЗАПРОСОВ НА ПОЛУЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ В МЕКСИКЕ (тыс. чел.)



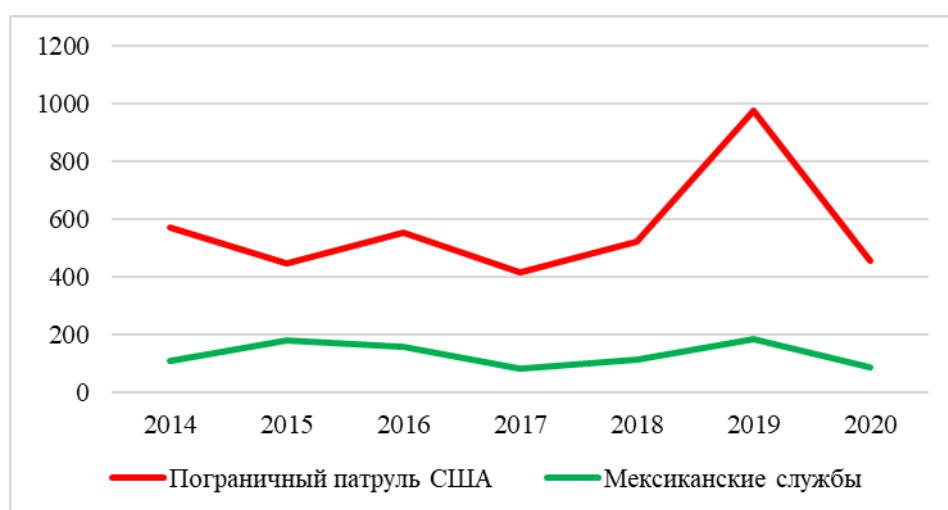
Источник: построено автором по данным UNHCR. Mexico [21].

Хотя Мексика придерживалась подхода декриминализации нелегальной миграции, ежегодно десятки тысяч человек задерживались и депортировались в страны происхождения (график 5). В 2019 г. количество задержаний увеличилось, однако этот показатель находился в привычном диапазоне многолетней практики государства. Статистика пограничной службы США в разы превышала данные мексиканских служб, что отражало специфику государственных стратегий контроля. В совокупности эти данные позволяли косвенно оценить объем миграционного транзита по мексиканской территории.

Американской реакцией на караваны стало одностороннее изменение режима работы с просителями убежища [25]. 25 января 2019 г. было объявлено о введении Протоколов о защите мигрантов (*Migrant Protection Protocols, MPP*), также известных как программа «Остаться в Мексике» (*Remain in Mexico*). На практике это означало возвращение на мексиканскую сторону лиц, искающих убежище в США. Несмотря на изначальное несогласие, мексиканское правительство приняло американскую политику

MPP. На вопросы об угрозе суверенитету министр иностранных дел М.Эбраад отвечал, что Мексика «не хочет конфронтации с США и не считает возможным вмешиваться в их внутриполитическое противостояние» [26]. В конце 2019 г. в мексиканских приграничных городах насчитывалось около 70 тыс. просителейубежища, ожидающих решения американского суда. Тем же, кто хотел остаться в Мексике, были предложены пути для легализации, но для этого было необходимо отказаться от заявления о предоставлении статуса беженца в США [18].

График 5. СТАТИСТИКА ЗАДЕРЖАНИЙ МИГРАНТОВ В МЕКСИКЕ И США (тыс. чел.)



Источник: построено автором по данным: U.S. [23], México [24].

ПОДХОДЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА А.М.ЛОПЕСА ОБРАДОРА К ПРОБЛЕМАМ В РЕГИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ

Официальная позиция мексиканской стороны базировалась на двух основных пунктах: необходимость соблюдения формальных требований при нахождении на территории страны и предоставление людям, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации, возможности решить свои проблемы именно в Мексике. Цель такого подхода состояла в уменьшении риска, которому подвергались мигранты, когда передвигались с неурегулированным статусом. На пресс-конференции в апреле 2019 г. вступивший в должность мексиканский президент подтвердил позиции в этом вопросе: «Мы хотим, чтобы мигрантам, во-первых, предоставлялись варианты работы на юге страны, потому что [иммиграция] — это серьезная проблема, возникающая в основном в Центральной Америке, где отсутствуют возможности развития, и распространено насилие. Во-вторых, мы должны заботиться о них. Для этого надо зарегистрировать мигрантов, чтобы знать, откуда они, чтобы иметь общие данные, особенно в случае миграции семей. Нам важно не допустить возникновения сцепки между мигрантами и теми, кто взимает

плату за их перевозку на северную границу» [26]. Важным направлением действия было расширение информирования мигрантов об условиях легального пребывания. Понимание того, что система караванов не работает, вело к увеличению числа запросов на получение убежища. К февралю 2020 г. число пересечений границы с США сократилось на 74,5%.

Во внутриполитической дискуссии обсуждался вопрос о том, что политика Мексики подчинена требованиям США. Однако мексиканская сторона настаивала на самостоятельной роли в развитии практик работы с мигрантами. Ведь, по сути, за прошедший период правления А.М.Лопеса Обрадора речь шла исключительно о реализации правовых рамок мексиканских законов, и тезис об обязанности любой ценой сократить число пересечений американской границы никогда не звучал. Более того, в сложившейся субрегиональной системе участники придерживались различных подходов в миграционной политике. Так, Мексика осталась на позиции системного восприятия возникающих проблем, в рамках которого наплыв мигрантов объяснялся причинами, возникшими за пределами мексиканской территории [27]. Следовательно, сократить мобильность только с помощью усиления контроля мобильности было невозможно. В противовес этому подход администрации Д.Трампа обосновывался императивом защиты собственной территории вне зависимости от происходящего вовне. Новая администрация в лице вице-президента Камалы Харрис заявила, что миграционная проблема будет рассматриваться комплексно, и работа над устранением причин миграции будет вестись на международном уровне совместно с союзниками [28]. Хотя эта позиция отличается от линии, по-водившейся предыдущей администрацией, делать выводы об эффективности анонсированных шагов пока весьма затруднительно.

Отношения между США и Мексикой в целом всегда отличались высоким уровнем взаимосвязанности, но по серьезным вопросам позиции стран зачастую были полярными [2, с. 248]. Несмотря на различие подходов, двусторонние контакты в миграционной сфере в период синхронизации мандатов Д.Трампа и А.М.Лопеса Обрадора оценивались как конструктивные. С одной стороны, во втором десятилетии XXI в. число депортаций мексиканских граждан из США неуклонно снижалось. Так, если в 2009 г. при администрации Б.Обамы были высланы 550 тыс. мексиканцев, то в 2019 г. — лишь 195 тыс. [6, с. 25]. Существенное сокращение количества депортированных способствовало сохранению позитивного характера отношений. Перед началом пандемии *COVID-19* в числе задержанных американским пограничным патрулем лишь 16% приходилось на мексиканцев. Трансформация повестки двусторонних отношений позволила мексиканскому правительству договориться о значительном увеличении числа рабочих виз с 211 до 303 тыс., предоставляемых США мексиканцам [29]. Однако в рамках более общей повестки позиции стран расходились. Как заметил мексиканский президент, американцы «хотели бы, чтобы мигрантов не было. Но миграция происходит из-за бедности и пренебрежения к проблемам, которые существуют в Гондурасе, Сальвадоре, Гватемале» [26]. Мексиканские власти полагают, что США следует срочно оказать помочь странам Центральной Америки в целях их экономического развития.

В 2019 г. Мексика подключилась к реализации Комплексного плана развития северной части Центральной Америки и Мексики (*Plan de Desarrollo Integral del norte de Centroamérica y México*) [30], инициированного совместно с Комиссией ООН для стран Латинской Америки и Карибского бассейна (*Comisión Económica para América Latina y el Caribe, CEPAL*). План предполагал развитие инвестиционных программ по созданию рабочих мест в Центральной Америке для снижения миграционного давления. Частью этого плана стала мексиканская программа «Сея жизнь» (*Sembrando la Vida*) [31], направленная на решение двух проблем — нищеты в сельских районах и деградацию окружающей среды. Другой важной инициативой стала программа «Молодежь строит будущее» (*Jóvenes Construyendo el Futuro*). Она ориентирована на установление связей между неработающими молодыми людьми в возрасте от 18 до 29 лет с предприятиями и мастерскими для укрепления трудовых навыков и будущего трудоустройства [32]. Планировалось предоставить 12 тыс. стипендий в центральноамериканских странах [33]. Так, к февралю 2020 г. в Сальвадоре было создано 6 тыс. рабочих мест при целевом показателе в 20 тыс. Это составило 45% от общего числа мигрантов, принятых Мексикой с июня 2019 г. по февраль 2020 г. Цель этих инициатив — создать в общей сложности 60 тыс. рабочих мест в этих трех странах [29].

Ограничения мобильности, введенные в связи с пандемией, нарушили хрупкий баланс найденных решений. Американская сторона ввела с 21 марта 2020 г. запрет на пересечения границы (за исключением особых случаев), который впоследствии неоднократно продлевался. Ссылаясь на пандемию, в марте 2020 г. администрация Д.Трампа издала приказ, позволяющий агентам пограничного патруля быстро высыпал мигрантов, которые, по их мнению, представляли опасность для здоровья. Санитарная политика заменила миграционную. Введенные ограничения отразились на составе задерживаемых на границе: в апреле 2020 г. 69% были мексиканцами. Однако во втором полугодии 2020 г. привычные показатели задержаний выходцев из стран Северного треугольника начали расти, что отражало восстановление транзитной мобильности, а в начале 2021 г. показатели уже превышали уровни пикового 2019 г.

Пандемия привела к серьезному социально-экономическому спаду в государствах Северного треугольника, что усилило крайне негативные прогнозы миграции, касающиеся активности так называемых выталкивающих факторов. В январе 2021 г. войска и полиция Гватемалы, применив слезоточивый газ, остановила 9-тысячный караван из Гондураса, двигавшийся к мексиканской границе [34]. Люди, спасающиеся от насилия в Центральной Америке, продолжали рассматривать США как основной ориентир.

Вступление в должность президента Джозефа Байдена в январе 2021 г. сопровождалось очередным изменением принципов миграционной политики. Одним из первых шагов стала отмена *MPP* и ряда других указов Д.Трампа. Изменение установленного регламента всколыхнуло новую волну ожиданий и привело к нарастанию неопределенности. В феврале 2021 г. с отменой *MPP* у 70 тыс. мигрантов появилась формальная возможность въехать в Америку. Тем не менее американские чиновники подчеркнули, что «мигранты не должны пытаться въехать в Америку прямо сейчас, поскольку для восстановления системы предоставления убежища, которая

Надежда Кудеярова

была демонтирована Трампом, требуется больше времени» [35]. В марте 2021 г. на границе были задержаны около 19 тыс. детей и подростков без сопровождения законных опекунов, что было самым большим ежемесячным показателем в истории США [36].

Другой инициативой американской администрации стал анонс новой всеобъемлющей миграционной реформы. В ходе реформы планируется зафиксировать восьмилетний «путь» к гражданству примерно для 11 млн нелегалов, находящихся в США, а также обеспечить защиту молодым мигрантам, которые воспользовались программой отсроченных действий для детей (*Deferred Action for Childhood Arrivals, DACA*), известной как «Мечтатели» (*Dreamers*). «Нельзя не заметить, что со сменой администрации наблюдается всплеск миграции», — комментировал происходящее сенатор-республиканец Билл Кессиди, опасаясь, что обещания Дж. Байдена об иммиграционной реформе приведут к увеличению численности нелегалов [34]. Однако можно предположить, что такая промиграционная политика столкнется с большой оппозицией в конгрессе, как это было с предыдущими инициативами. Все прежние попытки проведения миграционных реформ упирались в непреодолимое противодействие в конгрессе, где представители обеих партий в качестве первоочередного условия утверждения плана этих реформ выдвигали решение вопроса о безопасности Юго-Западной границы страны. Как видно из всего вышесказанного, в настоящее время такая цель не достижима.

Обобщая результаты проведенного анализа миграционной политики Мексики, можно сделать несколько выводов. Структурно-функциональный подход к рассмотрению субрегиональной миграционной системы позволил более четко обозначить изменения функций вовлеченных в нее государств. Происходящая трансформация миграционной модели Мексики — уход от парадигмы исключительно донора рабочей силы и усиление статуса транзитного государства — изменила круг вопросов, решаемых на политическом уровне. Управление процессом транзита вынуждало мексиканскую сторону более конкретно определять линии внутренней политики, разделяя необходимость поддержания порядка и обязанность защиты прав мигрантов. Это создавало определенные сложности, но и новые возможности для внешней политики Мексики.

Важную роль сыграла пандемия, став дополнительным фактором давления на элементы системы. Негативные макроэкономические процессы усилили действие выталкивающих факторов, провоцируя новые волны исхода населения из государств Центральной Америки. Однако мексиканское руководство стремится сохранить системный подход к урегулированию миграционного кризиса, видя ключевую задачу в расширении инвестиций в развитие государств Северного треугольника. Этот подход отличался от позиции администрации Д.Трампа. Приход к власти в США новой команды демократов внес первые корректизы в миграционную политику, но их долгосрочные результаты оценивать преждевременно. Тем не менее, преемственность мексиканской миграционной политики, структурное усложнение миграционной модели этого государства позволило повысить статус страны как в мексиканско-американских отношениях, так и в региональной системе в целом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Súdarev V. EE.UU. - México: vecindad conflictiva, *Iberoamerica*, 2012, № 1, pp. 5-17.
2. Мексика: парадоксы модернизации. Коллективная монография. Отв. ред. В.М.Давыдов, М., ИЛ А РАН, 2013, 336 с. [Meksika: paradoksy modernizatsii. Kollektivnaya monografiya [Mexico: Paradoxes of modernization]. Moscow, ILA RAN, 2013, 336 p. (In Russ.)].
3. Латиноамериканские диаспоры в США. Коллективная монография. Отв. ред. Б.И.Коваль. М., Наука, 2003, 280 с. [Latinoamerikanskie diasporы v SSHA. Kollektivnaya monografiya [Latin American Diasporas in the U.S.]. Moscow, Nauka, 2003, 280 p. (In Russ.)].
4. Кудеярова Н.Ю. Мексика: «демографический взрыв» и массовая миграция. *Иbero-американские тетради*, М., 2017, № 2, сс. 56-62 [Kudeyarova N.Yu. Meksika: «demograficheskii vzryv» i massovaya migratsiya [Mexico: "The Population Explosion" and Mass Migration]. *Iberoamerikanskie tetradi*, Moscow, 2017, N 2, pp. 56-62. (In Russ.)].
5. Passel J., D'Vera Cohn, Gonzalez-Barrera A. Net Migration from Mexico Falls to Zero - and Perhaps Less. Pew Hispanic Center, 23.04.2012. Available at: <http://www.pewhispanic.org/2012/04/23/net-migration-from-mexico-falls-to-zero-and-perhaps-less> (accessed 10.05.2021).
6. Encuesta sobre Migración en la Frontera Norte de México. Informe Anual de Resultados 2019. Tijuana, El Colegio de la Frontera Norte, 2020, 45 p.
7. CONAPO. Inmigrantes residentes en México por región de nacimiento. 2015. Available at: http://www.omi.gob.mx/es/OMI/Cuadros_Inmigrantes_en_Mexico (accessed 10.05.2021).
8. INEGI. Población total nacida en otro país residente en México. Available at: <https://www.inegi.org.mx/temas/migracion/#Tabulados> (accessed 10.05.2021).
9. INEGI. Censo de Población y Vivienda 2020. Migración. Available at: <https://www.inegi.org.mx/temas/migracion/> (accessed 10.05.2021).
10. Rojas, Ana Gabriela. Estadounidenses en México: por qué cada vez más deciden mudarse pese a la campaña de Trump contra el país. BBC Mundo en México, 24.07.2019. Available at: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-48998509> (accessed 10.05.2021).
11. Knobloch, Andreas. Cada vez más estadounidenses se mudan a México. DW, 02.03.2020. Available at: <https://www.dw.com/es/cada-vez-m%C3%A1s-estadounidenses-se-mudan-a-m%C3%A9xico/a-52614792> (accessed 10.05.2021).
12. Филиппенко А.А. Американо-мексиканская граница: стена раздора. *Россия и Америка в XXI веке*, 2019, № S1, с. 8. [Filippenko A.A. Amerikano-meksikanskaya granitsa: stena razdora, Rossiya i Amerika v XXI veke [U.S. - Mexico Border: the Wall of Strife]. *Rossiya i Amerika v XXI veke*, Moscow, 2019, N S1, p. 8. (In Russ.)].
13. Манухин А.А. Мексика и США: есть ли новые решения старых проблем? *Латинская Америка*, М., 2018, № 4, сс. 52-66 [Manukhin A.A. Meksika i SSHA: est' li novye resheniya starykh problem? [Mexico and the United States: Are There New Treats for Old Sores?]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2018, N 4, pp. 52-66. (In Russ.)].
14. Косевич Е.Ю. Приграничные стены: безопасность или угроза для мексикано-американских отношений. *Латинская Америка*, 2019, № 6, сс. 39-48 [Kosevich E.Yu. Prigranicnye steny: bezopasnost' ili ugroza dlya meksikano-amerikanskikh otnoshenii [The frontier's barriers — security or threat for Mexican-American relations]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2019, N 6, pp. 39-48. (In Russ.).
15. Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности. Коллективная монография. Отв. ред. Ивановский З.В., Москва, ИЛА РАН, 2017, 452 с. [Politicheskie konflikty v Latinskoj Amerike: uzyozov stabil'nosti i novye vozmozhnosti. Kollektivnaya monografiya [Political conflicts in Latin America: challenges to stability and new opportunities]. Moscow, ILA RAN, 2017, 452 p. (In Russ.).
16. Дювель Ф., Молодникова И. Сравнительный подход в исследовании феномена транзитной миграции. *Транзитная миграция и транзитные страны. Теория, практика и политика регулирования*. Отв. ред. Молодникова И., Дювель Ф. М., Университетская книга, 2009, 392 с. [Duvell F., Molodnikova I. Sravnitel'nyi podkhod v issledovanii fenomena tranzitnoi migratsii [Comparative approach in the study of the transit migration phenomenon]. *Tranzitnaya migratsiya i tranzitnye strany. Teoriya, praktika i politika regulirovaniya* [Transit migration and transit countries. Regulatory theory, practice, and policy]. Moscow, Universitetskaya kniga, 2009, 392 p. (In Russ.).

17. Кудеярова Н.Ю. Политизация пограничной проблемы: США и Мексика в региональной миграционной системе, США & Канада: экономика, политика, культура. М., 2019, № 11, сс. 55-70 [Kudeyarova N.Yu. Politizatsiya pogranichnoi problemy: SShA i Meksika v regional'noi migrantsionnoi sisteme [The Southwest Border Problem Politicization: the U.S. and Mexico in Regional Migration System] SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. Moscow, 2019, N 11, pp. 55-70. (In Russ.)].
18. *International Migration Outlook 2020*. Paris, OECD Publishing, 2020. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook_1999124x (accessed 10.05.2021).
19. *Encuesta sobre Migración en la Frontera Sur de México. Informe Anual de Resultados 2019*. Tijuana, El Colegio de la Frontera Norte, 2020, 55 p.
20. México activa Plan de Atención a Caravana Migrante con visión humanitaria. 18.01.2019. Available at: <https://www.gob.mx/sspc/prensa/mexico-activa-plan-de-atencion-a-caravana-migrante-con-vision-humanitaria> (accessed 10.05.2021).
21. UNHCR, Mexico. Available at: <https://reporting.unhcr.org/mexico> (accessed 10.05.2021).
22. Decreto por el que se crea la Comisión Intersecretarial de Atención Integral en Materia Migratoria. 19.09.2019. Available at: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5572790&fecha=19/09/2019 (accessed 10.05.2021).
23. U.S. Customs and Boarder Protection. Available at: <https://www.cbp.gov/newsroom/stats/sw-border-migration> (accessed 10.05.2021).
24. *Boletín anual de estadísticas migratorias*. México, Secretaría de Gobernación. Available at: http://www.politicamigratoria.gob.mx/es/PoliticaMigratoria/Boletines_Estadisticos (accessed 10.05.2021).
25. Eremin A.A. U.S. Migration Policy Radicalization (2017-2019): Case of Mexico and Central America. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2021, vol. 21, N 1, pp. 108-118.
26. Versión estenográfica de la conferencia de prensa matutina del presidente Andrés Manuel López Obrador. 23.04.2019. Available at: <https://lopezobrador.org.mx/2019/04/24/version-estenografica-de-la-conferencia-de-prensa-matutina-del-presidente-andres-manuel-lopez-obrador-69/> (accessed 10.05.2021).
27. Vershinina I.M. Honduras: problemas socioeconómicos como causa de la emigración. *Iberoamérica*, Moscú, 2019, N 1, pp. 88-105.
28. México y Estados Unidos acuerdan atender en conjunto causas del fenómeno migratorio. 07.05.2021. Available at: <https://lopezobrador.org.mx/2021/05/07/mexico-y-estados-unidos-acuerdan-atender-en-conjunto-causas-del-fenomeno-migratorio/> (accessed 10.05.2021).
29. Versión estenográfica de la conferencia de prensa matutina del presidente Andrés Manuel López Obrador. 12.02.2020. Available at: <https://lopezobrador.org.mx/2020/02/12/version-estenografica-de-la-conferencia-de-prensa-matutina-del-presidente-andres-manuel-lopez-obrador-255/> (accessed 10.05.2021).
30. CEPAL resaltó el enfoque innovador del Plan de Desarrollo Integral del norte de Centroamérica y México para abordar las causas estructurales de la migración, agudizada por el COVID-19. CEPAL, 08.12.2020. Available at: <https://www.cepal.org/es/comunicados/cepal-resalto-enfoque-innovador-plan-desarrollo-integral-norte-centroamerica-mexico> (accessed 10.05.2021).
31. Programa Sembrando Vida. Available at: <https://www.gob.mx/bienestar/acciones-y-programas/programa-sembrando-vida> (accessed 10.05.2021).
32. Jóvenes Construyendo el Futuro. Available at: <https://jovenesconstruyendelfuturo.stps.gob.mx> (accessed 10.05.2021).
33. Hernández, Enrique. AMLO beca a 11,184 jóvenes y sembradores en Honduras y El Salvador. *Forbes*, 08.02.2021. Available at: <https://www.forbes.com.mx/politica-amlo-becas-11184-jovenes-honduras-el-salvador/> (accessed 10.05.2021).
34. Caravana de Migrantes permanece detenida en Vado Hondo, Chiquimula, y autoridades refuerzan controles. *Prensa Libre*, 18.01.2021. Available at: <https://www.prensalibre.com/guatemala/migrantes/caravana-de-migrantes-permanece-detenida-en-vado-hondo-chiquimula-y-autoridades-refuerzan-controles-breaking/> (accessed 10.05.2021).
35. El Gobierno de EE.UU. ampliará las restricciones fronterizas y de viaje relacionadas con el coronavirus. *CNN*, 19.05.2020. Available at: <https://cnnespanol.cnn.com/2020/05/19/el-gobierno-de-ee-uu-ampliara-las-restricciones-fronterizas-y-de-viaje-relacionadas-con-el-coronavirus/> (accessed 10.05.2021).

Миграционная трансформация в Мексике

36. Child migrants: Massive drop in children held by border officials. *BBC*, 05.05.2021.
Available at: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-56405009> (accessed 10.05.2021).

Nadezhda Yu.Kudeyarova (n.kudeyarova@yandex.ru)

Ph.D. (History), Lead Research Scientist, Center of Political Studies, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences (ILA RAS)
Bolshaya Ordynka Str., 21/16, 115035 Moscow, Russian Federation

Migration transformation in Mexico. Challenges and new opportunities for the A. M. Lopez Obrador government

Abstract. The regional migration system that includes the U.S., Mexico and the Central American countries is currently in a turbulence. Mexico has become a territory where migrant caravans move, where refugees waiting for a decision on the U.S. asylum are concentrated. The Mexican-American border has become a line attracting hundreds of thousands of migrants hoping for good luck. The constant change of the U.S. migration policy principles increases an uncertainty and chaos level at the border. The role of Mexico in the regional migration system has changed radically in the second decade of the XXI century. Now it acts not only as a labor donor, but also as a key migration transit country and the first safe country to provide asylum and international protection. The transformation that took place affected the change in the status of Mexico in relations with the states of the region. The article examines the key changes in the Mexico migration model - the growth of the immigrants and refugees number, the transit migration management, the initiatives aimed at forming socio-economic development tools in the Northern Triangle countries – Guatemala, Honduras, El Salvador.

Key words: Mexico, USA, migration crisis, migration transit, migration reform, migration system.

DOI: 10.31857/S0044748X0014988-5

Received 03.03.2021.

Alberto Javier Olvera

¿Crisis o consolidación del populismo en México?

Resumen: El abrumador triunfo electoral de Andrés Manuel López Obrador en las elecciones presidenciales de 2018 fue el resultado de la crisis de legitimidad y de representación que atravesaba el régimen de transición a la democracia, el cual había impulsado el proyecto neoliberal y falló en la construcción de un Estado democrático. A criterio de López Obrador, sólo por medio de la concentración del poder en las manos del presidente y el restablecimiento de la hegemonía económica y política del Estado se podrá recuperar la perdida de la legitimidad. El autor explica que para lograrlo, el presidente ha pasado por encima de leyes e instituciones vigentes, ha polarizado al país a través de un discurso claramente populista y ha atacado al poder judicial y a los medios de comunicación. Sin embargo, su proyecto es inviable tanto en lo económico como en lo político, lo que incrementa los riesgos de una deriva autoritaria del actual gobierno.

Palabras clave: México, populismo, autoritarismo, crisis política, movimientos sociales.

DOI: 10.31857/S0044748X0015304-3

Кризис или укрепление популизма в Мексике?

Ошеломляющий триумф Андреса Мануэля Лопеса Обрадора на выборах 2018 г. стал результатом кризиса легитимности и репрезентативности режима перехода к демократии, который продвигал неолиберальный проект и не смог построить демократическое государство. Лопес Обрадор считает, что только с помощью концентрации власти в руках президента и восстановления экономической и политической гегемонии государства можно выйти из этого кризиса. Чтобы добиться поставленных целей Лопес Обрадор действует в обход установленного законом порядка, поляризовал страну риторикой откровенно популистского характера и совершает нападки на судебную власть и СМИ. Однако его проект нежизнеспособен как экономически, так и политически. Это повышает риск переворота нынешнего правительства в сторону авторитаризма.

Alberto Javier Olvera es investigador del Instituto de Investigaciones Histórico-Sociales de la Universidad Veracruzana, México (ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3330-2542>, aolveri@yahoo.com.mx).

Ключевые слова: Мексика, популизм, авторитаризм, политический кризис, социальные движения.

DOI: 10.31857/S0044748X0015304-3

Статья поступила в редакцию 20.02.2021

México vive una coyuntura de excepcional importancia histórica: en las elecciones parlamentarias federales y locales de junio de 2021 se disputa entre la profundización o el temprano agotamiento del proyecto político promovido por el presidente Andrés Manuel López Obrador (ampliamente conocido como AMLO). Esta batalla se despliega en el contexto de las terribles crisis simultáneas, económica y sanitaria, creadas por la pandemia de COVID-19, que han sido especialmente mal manejadas por el gobierno. Más de 315,000 muertos oficialmente reconocidos hasta febrero de 2021 convierten a México en el tercer país con más fallecimientos por la pandemia en el mundo. El PIB cayó -8.5% en 2020, y el nivel de PIB per cápita que había en 2018 se recuperará, en el mejor de los casos, en 2024. La pobreza ha aumentado en 10% por lo menos, y más de la mitad de la población se encuentra en esa condición [1]. El gobierno mexicano es uno de los pocos en el mundo que no aplicó ninguna medida anticíclica para apoyar a los trabajadores desempleados y a las pequeñas y medianas empresas en quiebra. La vacunación masiva avanza con una lentitud exasperante. Sin embargo, la popularidad del presidente se mantiene en 60%, una tasa altísima dada la crisis social que viven los mexicanos.

Para entender esta popularidad y hacer un balance objetivo del gobierno de López Obrador, conviene iniciar con una ayuda de memoria. La crisis hegemónica del proyecto neoliberal en México, causa de la derrota electoral en 2018 de los partidos que fueron su base política, el Partido Revolucionario Institucional (PRI) y Partido Acción Nacional (PAN), se produjo cuando la inserción de la economía mexicana en la de los Estados Unidos ya era casi total, y cuando la sociedad había cambiado su composición y cultura a consecuencia de ese proceso. El neoliberalismo transformó a México, convirtiéndolo en un país industrial, altamente urbanizado, profundamente desigual tanto desde la perspectiva social como de la espacial [2]. Al mismo tiempo, se experimentó una tardía transición a la democracia que derivó en una competencia electoral efectiva, pero que dio lugar a una grave fragmentación del poder político, antes concentrado en el poder ejecutivo federal [3; 4]. En los treinta años de la implantación neoliberal y de la transición a la democracia no se crearon los sistemas de representación de intereses y de representación política que dieran cuenta de esta nueva sociedad fracturada, desorganizada, víctima de un cambio drástico de sus patrones de vida. Para colmo, el crimen organizado creció exponencialmente, encontrando nuevos aliados en la clase política emergente. Como consecuencia, México ha padecido ya 15 años de terrible violencia criminal en casi todo el país [5]. La simultaneidad de la democratización, la realización del proyecto neoliberal y la violencia criminal crearon una condición

Альберто Хавьер Ольвера — сотрудник Института социально-исторических исследований Веракрусского университета (Мексика, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3330-2542>, aolveri@yahoo.com.mx).

poco propicia para el empoderamiento de los sectores populares, lo que permitió a la élite política adquirir una gran independencia de la ciudadanía.

La abrumadora victoria de Andrés Manuel López Obrador y de su joven partido personal, el Movimiento de Regeneración Nacional (*Morena*), en las elecciones de julio de 2018 fue el resultado de una elección plebiscitaria, que expresó el rechazo masivo de la ciudadanía a la desigualdad, exclusión, violencia y corrupción que caracterizaron al régimen de transición a la democracia. El mérito de López Obrador fue encarnar simbólicamente tanto la oposición a un neoliberalismo rapaz como la crítica moral a la corrupción generalizada de la clase política que gobernó el país en las primeras dos décadas del siglo XXI [6]. Fue el propio régimen democrático, cuyas falencias y carácter híbrido¹, en el que la democracia nunca trascendió más allá del espacio estrictamente electoral, el que labró su deslegitimación y abrió la puerta a un viejo político profesional que se presentó como un *outsider* justiciero en el momento apropiado.

En 2018 empezó a desplegarse un proyecto que permaneció en estado residual por casi cuatro décadas en la vida política nacional: el nacionalista-desarrollista², pero esta vez en un formato populista. Al igual que en todos los proyectos populistas, hay un líder que aglutina a un bloque político heterogéneo, que crea un piso común de símbolos y demandas y aporta la dirección y el sentido de misión a su gesta³. López Obrador sostiene que su gobierno constituye la “Cuarto Transformación” de la historia de México, después de la Independencia, la Reforma y la Revolución. Pero, como la mayoría de los populismos, el de López Obrador es ambiguo respecto al sentido de su proyecto⁴. En su caso, no se trata de una refundación, sino de una recuperación. AMLO piensa que el error de los priistas neoliberales fue traicionar el legado nacionalista y estatista del proyecto original del PRI como heredero político de la Revolución Mexicana; la misión ahora es recuperar la soberanía del Estado frente a todo poder fáctico y dirigir, desde el Estado, el desarrollo del país. Puede decirse que estamos frente a una especie de “populismo nostálgico” [13].

Como es la regla en los proyectos populistas, hay cierto potencial democrático en el proceso de su desarrollo, en tanto se otorga reconocimiento simbólico a los pobres y los olvidados de la modernización neoliberal. A la vez también hay riesgos de que el proyecto de López Obrador conduzca a un régimen populista autoritario. En este artículo me propongo analizar tanto el potencial democratizante del nuevo gobierno como sus límites fácticos, dictados por la inserción estructural de México en el mercado norteamericano y la profundidad de la transformación neoliberal, así como por los errores propios de conducción política de López Obrador.

He recurrido a métodos cualitativos e interpretativos. Dado que analizo procesos en desarrollo, me he basado en fuentes periodísticas, revistas de debate

¹ Ha habido en años recientes un debate sobre la forma de caracterizar las democracias realmente existentes. Para un excelente resumen, ver [7; 8].

² Sobre el concepto de proyectos políticos, ver [9].

³ Ver [10] para un breve pero excelente resumen del debate contemporáneo sobre el populismo en América Latina. Para la aplicación contemporánea del concepto, ver [11].

⁴ Es preciso insistir en que el “populismo” designa en realidad a una enorme variedad de régimenes y proyectos políticos [12; 4].

político, bibliografía reciente sobre la crisis de la democracia en América Latina, el populismo y el nuevo carácter de los movimientos sociales.

DIMENSIONANDO LA DERROTA NEOLIBERAL

Ante todo, debemos valorar la magnitud de la desastrosa derrota que sufrieron el PRI y el PAN. Andrés Manuel López Obrador obtuvo el 52% del voto popular y una mayoría parlamentaria en ambas cámaras, gracias a una variopinta alianza electoral con partidos oportunistas. La elección tuvo un carácter plebiscitario. El 1 de julio de 2018 no sólo se eligió un nuevo presidente de la República, sino la totalidad de la Cámara de Diputados (300 de elección directa más 200 de representación proporcional) y de la de Senadores (64 directos y 64 de representación proporcional); también 9 gobernadores, incluyendo la Ciudad de México y 4 de los estados más poblados del país; 1613 alcaldías, con sus respectivos síndicos y regidores, que son el 66% de los municipios de México, donde vive el 83% de la población; 972 diputados locales, esto es, casi todo el poder legislativo local en estados donde vive el 90% de los mexicanos. Por ello fue una elección de importancia histórica [14].

El triunfo de López Obrador y de su partido *Morena* se produjo en todas las regiones del país, en todos los grupos de edad y en todos los estratos socioeconómicos. AMLO ganó la elección en 31 de los 32 estados, en 82% de las urnas, en 92% de los distritos electorales y en 80% de los municipios. Morena ganó cinco de las nueve gubernaturas y 13 de las 24 capitales estatales que estuvieron en disputa, y la mayoría de diputados en 19 de 32 congresos locales (estatales), con lo cual AMLO quedó habilitado para conseguir la validación final de cualquier reforma constitucional que se propusiese aprobar en las dos cámaras del Congreso [14].

AMLO formó una coalición electoral que incluyó a partidos abiertamente oportunistas como el Partido Verde, que ha vendido su apoyo a todos los gobiernos desde 1994; al Partido del Trabajo, un extraño engendro en el que se refugian políticos que salieron del PRI y el PRD; y al Partido Encuentro Social (PES), una agrupación de pastores evangélicos ultraconservadores que decidieron aliarse con AMLO al confirmarse en las encuestas su consolidación como candidato ganador. Esta coalición obtuvo sólo el 38% de los votos para el Congreso, lo cual demuestra que la ciudadanía votó por López Obrador, pero no por los partidos que lo apoyaban. Sin embargo, usando hábilmente las reglas que el PRI había creado para dotarse de mayorías artificiales, la coalición se hizo del 52% de los escaños en ambas cámaras [14], una cantidad después ampliada al 62% por medio del transfuguismo de diputados y senadores de los partidos aliados a *Morena* a ese partido. Esta gran sobrerepresentación parlamentaria le ha permitido a AMLO tener la mayoría necesaria para hacer aprobar leyes y presupuestos, y mediante alianzas con los pocos parlamentarios priistas electos, ha logrado mayorías calificadas que le han permitido reformar varias veces la constitución, nombrar tres ministros de la Suprema Corte, así como cambiar la composición de los organismos reguladores y del Instituto Nacional Electoral (INE).

El poder de los gobernadores de oposición quedó muy acotado debido a que *Morena* es hoy mayoría en 21 de los congresos locales, además de que el centralismo fiscal que sigue caracterizando a México le permite al gobierno

Альберто Хавьер Ольвера

federal controlar casi el 90% del gasto público total [15]. Si bien deben transferirse a los estados más del 30% de los recursos públicos, la capacidad del gobierno federal para administrar el ritmo y la forma de entrega de los mismos le otorga un gran poder discrecional sobre los gobernadores.

LA “CUARTA TRANSFORMACIÓN” Y SU NARRATIVA

En sus dos primeros años de ejercicio, el nuevo gobierno ha venido desmantelando los pactos que dieron sustento al régimen neoliberal, pero no ha resuelto la crisis de representación que le abrió las puertas del triunfo electoral. La destrucción parcial de los formatos corporativistas y clientelares del pasado, y de parte del particularismo en la relación con los empresarios nacionales, no se ha traducido en relaciones sociedad-Estado democráticas. En su lugar, se ha entablado una relación directa entre el líder y el pueblo, que se funda en una retórica populista, un discurso polarizador, una presencia abrumadora del presidente en los medios de comunicación, giras por el territorio nacional y una lenta pero constante socavación de la división de poderes⁵.

Para consolidar su aplastante éxito electoral, AMLO construyó una narrativa política eficaz. Según él, los neoliberales se habían constituido en una “mafia en el poder”, que abarcaba no sólo a los partidos PRI, PAN y PRD, sino a los empresarios más grandes del país, beneficiarios de contratos abusivos y de prácticas corruptas; a los medios de comunicación que recibieron jugosos subsidios; así como a la élite intelectual y artística del país, que también se aprovechó económicamente de su cercanía con el poder. Dentro de ese bloque neoliberal AMLO incluyó también a “eso que llaman sociedad civil”, leída por AMLO como un grupo de ONGs profesionales, dedicadas desde hace 10 años a estudiar y denunciar los peores vicios de los gobiernos neoliberales y en general, redes de organizaciones civiles que denuncian violaciones de derechos humanos y exigen una reforma de la justicia, como #PorunaFiscaliaqueSirva. El pecado de estas organizaciones consiste, según AMLO, en ser financiadas por grandes empresarios mexicanos y/o por agencias de cooperación extranjeras. Las embestidas de este tipo contra actores civiles es un rasgo común de todos los gobiernos populistas, pero lo en México sorprende porque fue el trabajo de esas redes el que ayudó a desmoronar la legitimidad del gobierno del PRI y sus aliados. AMLO no les dio ningún crédito y, por el contrario, les ha otorgado el status de enemigos de la 4-a Transformación por continuar exigiendo la construcción de un Estado de Derecho.

La narrativa se acompaña de un método de acción política que conecta directamente al líder con las masas: giras constantes por todo el país, las conferencias de prensa mañaneras, los videos el fin de semana y, en general, la ocupación casi monopólica del espacio público por parte del líder. Para completar el cuadro, se ha establecido un campo político marcado por la distinción amigo/enemigo.

El sujeto de este nuevo/viejo proyecto político es el “pueblo bueno”, una masa indiferenciada de hombres y mujeres que han sido víctimas de la “ambición neoliberal”. Este pueblo carece de organización propia y de representación política. Es por ello que requiere un intérprete, un guía, alguien quien ponga “primero a los

⁵ Todo lo cual es propio de los populismos contemporáneos. Para un análisis del populismo como gobierno, ver [16].

“pobres”, y quien desde el gobierno les garantice “justicia”, entendida como redistribución y protección paternal. El líder habla por ese pueblo, y por tanto su palabra no es cuestionable, pues es la legítima expresión de los deseos populares. López Obrador denuncia todos los días los excesos de la oligarquía neoliberal y de sus acompañantes de viaje, y rechaza como atentados a su misión histórica todas las críticas que se hagan en cuanto a sus decisiones. Es por ello que dedica diariamente al menos una hora de sus “conferencias mañaneras” para denostar a sus críticos, especialmente en la prensa [17]. El tamaño de la intolerancia presidencial contrasta con la pequeñez de la influencia real de los medios que lo critican, que en México tienen un mercado muy reducido⁶.

LAS LIMITACIONES DEL PROYECTO NACIONALISTA-DESARROLLISTA

Un proyecto económico inviable

El proyecto económico de López Obrador se centra en la creación de condiciones para un capitalismo competitivo cuyo eje dinámico sean las empresas de Estado, con colaboración del capital privado nacional, y articulado al mercado norteamericano. El nuevo gobierno reconoce la inevitabilidad de la integración con los Estados Unidos y Canadá, por lo que ha apoyado la actualización del Tratado de Libre Comercio (1994). El nuevo tratado, el T-MEC (2020) es un conjunto de garantías al capital extranjero para que sigan utilizando el territorio y a los trabajadores mexicanos como plataforma de exportación a los Estados Unidos. Ahora bien, el nuevo tratado impone a México la obligación de aplicar realmente la legislación laboral y ambiental ya existente o recién aprobada, con un cierto grado de supervisión extranjera. Los sindicatos estadounidenses y canadienses impusieron reglas estrictas de cumplimiento de las leyes laborales y exigieron garantías de democracia sindical en México. Los ecologistas exigieron asimismo el efectivo ejercicio de la avanzada legislación ambiental mexicana, hasta ahora letra muerta.

El proyecto neoliberal impulsado desde el gobierno de Salinas permitió un crecimiento extraordinario de la industria de exportación, a costa de altísimos costos sociales y ambientales. Según el T-MEC, corresponde ahora al gobierno de López Obrador cumplir con estándares legales hasta ahora ignorados. La pregunta es si un gobierno carente de cuadros calificados y de instituciones sólidas puede ajustarse a las rigurosas normas impuestas por el nuevo tratado.

Como ha sucedido en todos los países en las últimas tres décadas, en México los grandes empresarios nacionales han desarrollado estrategias diversas de evasión y elusión del pago de impuestos, con la anuencia y beneplácito de la tecnocracia neoliberal gobernante. La Secretaría de Hacienda, con absoluta

⁶ Una falla grave de los gobiernos de la transición fue no proteger a los periodistas locales. México se convirtió en el país más peligroso en el mundo para los periodistas en la década pasada. Esta fue una consecuencia más de la fragmentación del poder y del carácter autoritario que asumieron algunos gobiernos estatales y municipales en buena parte del país, así como del fortalecimiento del crimen organizado en vastas regiones del país [18]. En la medida que el nuevo gobierno no tiene aun pleno control del territorio, la violencia contra los periodistas ha continuado, si bien a una escala menor.

Альберто Хавьер Ольвера

discrecionalidad, otorgaba perdones fiscales y se convertía de hecho en un financiador de corto y mediano plazo de la iniciativa privada al condonar y/o posponer el cobro de impuestos y permitir compensaciones de pérdidas y ganancias entre las empresas de cada conglomerado. El Congreso canceló en septiembre de 2019 la posibilidad de que se condonaran impuestos, así como la mayoría de los mecanismos que facilitaban la elusión impositiva. Pero la carga fiscal sobre el PIB sigue siendo del 13%, una de las más bajas de América Latina [19]. Sorprendentemente, aun antes de la pandemia AMLO no planteó una reforma fiscal, lo cual deja al gobierno una condición de grave debilidad financiera.

La lucha contra la corrupción, la promesa más importante de López Obrador en su campaña electoral, implicó en su primer año de gobierno la modificación o renegociación de casi todos los contratos de obras públicas, de mantenimiento y de compras de Estado. En el gobierno de Peña Nieto la corrupción alcanzó dimensiones escandalosas. Se generalizó en todos los niveles del poder público y a todo tipo de intercambio entre gobiernos y empresarios, lo cual llevó al desarrollo de un capitalismo depredador y rentista. Las prácticas de esta índole facilitaron también el lavado de dinero proveniente del crimen organizado, que empezó a usar mecanismos similares a los que empleaba la clase política para lavar el dinero producto de la corrupción. La consecuencia inmediata de este reordenamiento político fue un estancamiento económico en 2019, pues los empresarios dejaron de invertir (el sector privado controla el 85% de la inversión) y la industria de construcción quedó paralizada, afectando gravemente el empleo de cientos de miles de personas. Luego siguió la crisis del Covid-19, empeorando la crisis.

La decisión política de López Obrador en este campo ha alterado la correlación de fuerzas entre el gran capital nacional y el gobierno. En principio, este indispensable ajuste podría permitir un desarrollo más normal del capitalismo mexicano, que debería adaptarse a un escenario de mayor competencia nacional e internacional. Sin embargo, López Obrador y su partido carecen de una tecnocracia económica competente. Los grandes proyectos de desarrollo que el gobierno ha planteado, orientados (correctamente) al sur del país, la región más atrasada, padecen de graves carencias técnicas y falencias de planeación; son considerados económicamente inviables por los especialistas. Nos referimos a una nueva refinería en el estado de Tabasco, a los trenes Maya y Transístmico y al polémico aeropuerto de Santa Lucía que debe sustituir al cancelado aeropuerto de Texcoco.

La apuesta de AMLO al rescate de las empresas paraestatales PEMEX y la CFE para reposicionar al Estado como actor económico principal enfrenta graves limitaciones técnicas y financieras. El combate a la corrupción, si logra consolidarse, ayudará a crear un capitalismo menos rentista y más competitivo, y un Estado menos capturado, lo cual sería un gran logro. Pero ello no afectará la hegemonía del gran capital extranjero y nacional⁷.

La violencia, militarización y violaciones de derechos humanos

Durante los últimos 16 años, la violencia criminal y la respuesta radical del Estado han provocado violaciones masivas de los derechos humanos: decenas de

⁷ Un interesante balance, a pesar de su brevedad, en [20].

miles de asesinatos — unos 350 mil entre 2007 y 2020, el 95% de los cuales no han sido judicializados, y la desaparición forzada de un número indeterminado de ciudadanos, en una cifra cercana a 80 mil personas⁸. Son cifras propias de una guerra civil. Para Schedler [22] vivimos una guerra civil económica, en la que intervienen múltiples actores criminales, cada vez más fragmentados. Múltiples análisis reflejan la descomposición del poder público en la mayoría de los estados del país y la existencia de alianzas y pactos de diverso grado entre líderes políticos y agrupaciones criminales [23].

La violencia criminal tiene también una expresión política. El proceso electoral de 2018 fue el más violento de la historia política mexicana desde 1952. Fueron asesinados 124 políticos en activo o que recientemente habían ocupado cargos en la política local, entre ellos 52 candidatos a puestos de elección popular. Aquellos crímenes, que afectaron a todos los partidos, fueron un indicador de que la disputa por el control territorial se había salido de control del Estado, e involucraba a numerosos grupos delincuenciales que usaban la violencia como un medio de amendrentar a la clase política y a la ciudadanía por igual [24, pp. 59-73]. La fragmentación del poder que resultó del régimen autoritario subnacional⁹ vigente desde mediados de la década pasada, profundizó las fracturas del orden social y debilitó la autoridad del Estado en vastas regiones del país. Esta situación continúa sin cambio hasta la fecha, pues el gobierno federal no ha definido una política coherente destinada a resolver el problema de la violencia política y afrontar el poderío del crimen organizado. La violencia política ha continuado en los dos primeros años de la gestión de AMLO, lo que deja a descubierto la persistencia de disputa por el poder territorial.

Ante la crisis de violencia e inseguridad, el gobierno hizo aprobar un riesgoso paquete de reformas constitucionales que legalizaron el comando militar de la seguridad pública — que ya existía de facto desde 2006, — creando en 2019 una “Guardia Nacional” conformada por militares. Hasta ahora, la ilegal y discrecional intervención de las fuerzas armadas en la seguridad pública, su falta de preparación en esta materia y su débil articulación con las policías estatales y municipales, muchas de ellas cooptadas por la delincuencia, ha conducido al incremento de la violencia y a la comisión de múltiples atentados a los derechos humanos.

Peor aún, conforme ha avanzado el gobierno de López Obrador, el ejército ha ido tomando un mayor protagonismo. El presidente le ha encargado a la Marina el control de los puertos y las aduanas; al ejército, la construcción del nuevo aeropuerto y de tramos de los trenes Maya y Tranísmico, miles de sucursales del nuevo Banco del Bienestar y hasta la distribución de vacunas. Se habla con propiedad de la militarización del Estado mexicano [28]. AMLO usa la institución castrense como un sustituto rápido y leal de un aparato estatal

⁸ Para consultar las cifras oficiales, ver [21]. Sobre la naturaleza moralmente ambivalente y la confusión que genera la violencia criminal, ver [22].

⁹ El estudio de “regímenes políticos subnacionales” se ha convertido en una fructífera vía para complejizar el estudio de la política en países federales. La dinámica nacional/estadual explica en buena medida los límites de la democracia nacional. Sobre la categoría de “autoritarismo subnacional” ver Gibson [25]; para una aplicación del concepto al caso de México, Olvera [26]. Un balance sobre la investigación comparativa a escala subnacional en Giraudy et. al. [27].

Альберто Хавьер Ольвера

disfuncional y poco eficiente, de cuyas cúpulas burocráticas desconfía profundamente. El problema de esta estrategia es que se está ahondando la desinstitucionalización del Estado, sin conseguir que éste funcione con mayor eficacia. El Ejército carece de las capacidades administrativas, técnicas y funcionales para llevar a cabo las complejas tareas que se le han asignado. Para ocultar los enormes costos de esta decisión en términos de ineficiencia, desperdicio de recursos y resultados dudosos, el gobierno utiliza el velo secretivo que la Constitución brinda a las Fuerzas Armadas [29]. Otorgar grandes poderes a un aparato militar que no se halla sometido a ningún tipo de control parlamentario ni civil y tampoco posee ni la experiencia y capacidades para ejercer funciones de gobierno es irresponsable y antidemocrático. Peor aún, el empoderamiento militar impide que se atienda el problema de las violaciones masivas de los derechos humanos que el país padece, puesto que un número importante de las mismas ha sido cometido por las propias fuerzas armadas.

Pero tal vez la derrota más grave en el campo de los derechos humanos ha sido el súbito cambio de política migratoria. Al principio del gobierno de AMLO se abrieron las puertas a la migración centroamericana, ofreciéndole a los migrantes permisos de tránsito que legalizaban su estancia temporal en el país. Esto condujo a que hubiera varias “caravanas” masivas de migrantes, que por su tamaño causaron commoción en México y en Estados Unidos. Pronto la frontera norte se convirtió en el escenario de una emergencia humanitaria, al concentrarse decenas de miles de personas que no podían cruzar la frontera a los Estados Unidos. Este país exigió a México a principios de 2019 detener en la frontera sur la migración centroamericana, bajo amenaza de imponer aranceles a las exportaciones mexicanas. La Guardia Nacional se estrenó así no en el combate al crimen organizado, sino en la detención y deportación masiva de centroamericanos, tarea a la que se asignaron casi 20,000 hombres, casi un tercio de la fuerza, y que la Guardia sigue cumpliendo hasta la fecha. La crisis humanitaria en la frontera sur no está sin atender, dejando mal parado el prestigio internacional de México [30]. De hecho, el gobierno mexicano construyó en el sur del país el famoso muro que Trump prometió levantar en la frontera sur de los Estados Unidos para frenar la migración. A la salida de Trump, se relajaron los controles, pero el presidente Biden ha exigido ahora su restablecimiento, a cambio de donar vacunas anticovid al gobierno mexicano.

La soberanía mexicana ha quedado en entredicho las dos veces, pero la decisión de frenar la migración de tránsito ayudó a facilitar la negociación y aprobación del nuevo tratado de libre comercio con Estados Unidos y Canadá (T-MEC) en 2020 y a obtener vacunas en 2021.

La dificultad de institucionalizar Morena como partido oficial

Morena como partido contradice el mensaje moral que postula López Obrador. Lejos de representar la emergencia de una nueva clase política, es más bien la síntesis de la vieja. Esto diferencia a Morena del Movimiento al Socialismo (MAS) de Evo Morales, que sí fue un partido nuevo y construyó una nueva clase política, y del Partido de los Trabajadores (PT) brasileño, el cual formó también una nueva clase política a lo largo de los años. Ambos partidos tuvieron su origen en grandes movimientos sociales. En Morena hay un reciclamiento

de una parte de la vieja clase política y una separación radical de los movimientos sociales. Morena es más bien un aparato electoral similar al del peronismo kirchnerista, pero sin su fuerza organizacional de base. Y el contexto en que llegó al poder se parece al de Chávez y Correa, quienes triunfaron aprovechando el vacío político creado por una crisis del sistema de partidos precedente.

López Obrador construyó una coalición política y electoral abigarrada que no tuvo ni tiene coherencia ideológica ni puntos de convergencia reales, excepto la figura del líder. El núcleo original de Morena fue completamente rebasado por la urgencia de convertirlo en un partido con presencia territorial nacional en solo cuatro años. El transfuguismo masivo de políticos profesionales de otros partidos a Morena ha causado una división estructural en esa organización. La improvisación de candidaturas trajo como consecuencia que los gobernadores, senadores y diputados federales y locales de Morena tuvieran en su mayoría pocas o escasas aptitudes políticas y técnicas. La mayoría de ellos son políticos impresentables e incompetentes. Este agrupamiento oportunista gobierna a nivel federal y en varios estados, en abierto conflicto con la tecnocracia saliente, lo cual ha provocado una aguda escasez de capacidades de gobernanza¹⁰.

La falta de institucionalización ha producido un ambiente de cizañas y confrontación permanente dentro del partido. Los conflictos se ven agudizados por la controversia en cuanto a las candidaturas a los miles de puestos de elección popular que están en juego en las elecciones locales (20 estados) y federales de diputados en 2021. El problema central es que al no ser *Morena* un verdadero partido político, ni un movimiento social, sino un instrumento al servicio del presidente, el vacío programático del gobierno se acentúa y se bloquean la formación de cuadros y la construcción de carreras políticas.

La centralización del poder y la política social

El presidente López Obrador ha seguido puntualmente la agenda de la toma y consolidación del poder en el ejecutivo, algo muy característico de las democracias populistas contemporáneas. Para ello, en forma disciplinada, y aprovechando la mayoría parlamentaria de que goza, AMLO ha nombrado tres nuevos ministros de la Suprema Corte de Justicia muy cercanos a él, y nuevos responsables de los órganos reguladores de energía, telecomunicaciones y financieros, obviando en todos los casos los procedimientos parlamentarios más elementales, violando así sus promesas de aplicar prácticas de parlamento abierto. El Poder Judicial, nunca completamente autónomo, está bajo asedio del Presidente.

Otra forma de eliminación de contrapesos y de sometimiento es la severa restricción presupuestaria impuesta a los gobiernos estatales y municipales, quienes han perdido los márgenes de discrecionalidad de que gozaron cuando los gobiernos federales de la transición los necesitaban [32]. Para consolidar su control sobre los gobiernos subnacionales, López Obrador creó la figura de los *delegados federales de programas sociales* en los estados (mejor conocidos como “superdelegados”). Las facultades de estos funcionarios son enormes, pues en promedio, el 85% de los recursos de los estados y municipios del país

¹⁰ Sobre la importancia de considerar las capacidades estatales en el estudio de los regímenes políticos, ver Hincapié y Olvera [31].

proviene de “transferencias federales”, es decir, del dinero recaudado por el gobierno federal. Esta situación es consecuencia de la centralización de la recaudación de impuestos, un mecanismo usado históricamente por el PRI para garantizar el control político del presidente sobre los gobernadores y alcaldes [3, pp. 279-296]. Los gobiernos de transición descentralizaron el gasto público, lo cual fortaleció políticamente a los gobernadores, pero no el ingreso vía cobro de impuestos. Además, una proporción importante de la recaudación distribuible a los estados y municipios venía de la renta petrolera, abundante hasta 2014, pero ahora escasa.

Por esta razón, los “superdelegados” se han convertido en gobernadores paralelos, ya que no sólo controlan el gasto público federal en los estados, sino que también asumen una función política como coordinadores de las políticas de seguridad y participan en la toma de decisiones sobre el despliegue de la Guardia Nacional. A su vez, hay un conjunto de 285 “delegados regionales”, cuyo territorio de responsabilidad coincide casi exactamente con los 300 distritos electorales federales. El “superdelegado” y los “delegados regionales” controlan a los “Servidores de la Nación”, funcionarios cuya labor consiste en levantar los censos de beneficiarios de los nuevos programas de subsidios dirigidos a jóvenes, ancianos y campesinos¹¹, y entregarlos directamente en las comunidades, por lo que su papel político-territorial es estratégico.

Por otra parte, la eliminación de programas que intermediaban organizaciones corporativas y clientelares (ante todo “campesinas”) y del Ramo 23 del presupuesto federal, del que se nutría el clientelismo de los gobiernos locales, marca el principio del fin del particularismo generalizado como forma de relación entre el Estado y la sociedad. Este es el mayor aporte democrático del nuevo gobierno, lamentablemente disminuido por el potencial de reconstrucción del particularismo, ahora a través de las nuevas políticas sociales intermediadas por Morena [33].

Los subsidios han sido pensados como remedios temporales y palancas clientelares. La forma en que se han levantado los censos de beneficiarios (por vías informales, opacas y sin reglas de operación) demuestran su sentido político. De hecho, AMLO ha creado una especie de Estado informal, que controla casi el 20% del gasto público — el destinado a los subsidios, — pues está fuera de todo control parlamentario y civil, y puede usarse para fines clientelares.

Se está produciendo así una sustitución gradual de la vieja intermediación corporativa y clientelar por una intermediación híbrida, la de los “Servidores de la Nación”. Los casi 20 mil de dichos “servidores” cumplen una doble función: son agentes partidarios informales y agentes gubernamentales formales. Estos personajes no son actores corporativos, como sí lo eran los mediadores priístas, sino delegados gubernamentales que materializan una relación de dependencia personal de los gobernados en relación al presidente de la República.

¹¹ Los programas sociales nuevos son: *Pensión para Adultos Mayores, Jóvenes Construyendo el Futuro, Beca Universal para Estudiantes de Educación Media Superior Benito Juárez, Pensión para el Bienestar con Discapacidad Permanente, Sembrando Vidas, Tandas del Bienestar, Producción para el Bienestar, Programa de Microcréditos para el Bienestar y Crédito Ganadero a la Palabra*, todos los cuales basan su operación en la transferencia de dinero directa a los beneficiarios sin más requisito que el compromiso de palabra [33]. Pero no son universales, sino que los beneficiarios deben estar inscritos en censos levantados por los “Siervos de la Nación”.

AMLO está construyendo un Estado en la sombra, constituido hasta ahora por dos estructuras distintas pero complementarias: las Fuerzas Armadas, encargadas de ejecutar tareas operativas y funciones estatales básicas; los “Servidores de la Nación” y “súper delegados”, con la misión de aplicar la política social y garantizar las clientelas políticas que el Gobierno actual requiere para ganar elecciones. Ambas estructuras son opacas, carecen de supervisión parlamentaria y civil, y sólo rinden cuentas al presidente. Este empoderamiento será difícil de revertir en el futuro.

La incapacidad política para lidiar con nuevos movimientos sociales

En México, el proyecto neoliberal fue exitoso en mantener desmovilizados a los sectores obreros y campesinos. Los gobiernos panistas se aliaron con las estructuras sindicales priistas para que la clase obrera permaneciera inactiva y desorganizada. Asimismo, se aliaron con organizaciones “campesinas” clientelares de “izquierda” y priistas para someter a los productores agrícolas. Y con los empresarios continuaron la práctica de asignar discrecionalmente contratos y comprar así su lealtad. De esta forma, el régimen democrático neoliberal continuó con las prácticas particularistas propias del régimen priista [3, pp. 279-296].

Dado que no hay en este momento una significativa movilización popular, el gobierno actual no ha requerido construir mecanismos específicos de control sobre movimientos sociales. Puede recurrir a un clientelismo directo, sin mediación, pues no hay amenaza de la movilización social.

Sin embargo, el gobierno no sabe cómo lidiar con el emergente movimiento feminista, que no opera dentro de las lógicas y gramáticas morales del clientelismo. Tampoco puede dialogar con el movimiento indígena, especialmente con el Ejército Zapatista de Liberación Nacional (EZLN), el cual tiene autonomía política y proyecto propios. No llega a entenderse con el movimiento ecologista, que resiste los megaproyectos faraónicos impulsados por el gobierno. Sorprendentemente, tampoco alcanza a responder al gran movimiento nacional de víctimas de la desaparición forzada, a quienes prometió, durante la campaña electoral, atender prioritariamente.

Se trata de un nuevo tipo de movimientos sociales, articulados y autoconvocados por medio de las redes sociales, carentes de organización formal y de representación autorizada, que recurren a la movilización frecuente y en ocasiones a la acción directa. En realidad son muchos grupos dispersos reunidos en coyunturas específicas. Tienen vasos comunicantes importantes, puesto que el movimiento feminista tiene su base en las universidades y libra una lucha al interior de ellas por detener y castigar el acoso sexual y las múltiples formas de expresión de la cultura patriarcal hegémónica. Diversos grupos estudiantiles buscan la democratización de las universidades, se solidarizan con el movimiento feminista y reclaman la incapacidad institucional para atender la demanda de educación universitaria. Ambos movimientos apoyan a su manera y desde sus trincheras a los colectivos de víctimas. Lo relevante de estos tres movimientos es que ellos se salen de la lógica amigo/enemigo y de la cultura clientelar que caracterizó la política del viejo régimen y que, en nueva forma, reproduce el gobierno actual.

En el campo popular se destacan las múltiples luchas contra los megaproyectos, la minería a cielo abierto y, en general, contra la destrucción de la naturaleza. Muchas de estas luchas son protagonizadas por pueblos indígenas que defienden así su autonomía política y su modo de vida. Sin duda, esta clase de movimientos sociales estarán en la línea del frente en los próximos años dada la obsesión del actual gobierno por megaproyectos faraónicos, casi todos desarrollados precisamente en territorios indígenas. Al igual que las anteriores mencionadas, estas formas de resistencia popular desarrollan formas de acción colectiva horizontales, fundadas en asambleas y en la acción directa [34].

LA VIABILIDAD DEL POPULISMO NOSTÁLGICO. A MODO DE CONCLUSIÓN

El presidente López Obrador dirige un proyecto de restauración del nacionalismo desarrollista cuyo fundamento político es el respaldo popular mayoritario al líder. Pero lo hace sin que se estén construyendo bases políticas organizadas ni estructuras formales de gobierno alternas a las heredadas. La destitución de la clase gobernante neoliberal ha avanzado notablemente, pero el vacío de gobernanza así abierto no se ha llenado ni se percibe intención de hacerlo.

El proyecto de reconstitución del Estado como sujeto principal económico y político es fiscalmente inviable, lo cual disminuye su viabilidad política. El presidente López Obrador se ha deshecho de la tecnocracia financiera y administrativa creada en los gobiernos anteriores y ha concentrado en su persona todas las decisiones. Se ha colocado la ejecución de los nuevos programas de política social asistencialista en las Secretarías de Trabajo y de Bienestar, que no disponen de potencial administrativo para ello. Se ha centralizado el gasto público en la Secretaría de Hacienda, convertida en la oficialía mayor de todo el gobierno, sin tener los medios para lidiar con esa responsabilidad. Este rediseño no construye instituciones operativas y apegadas a la ley — que ya eran muy escasas, — sino aparatos informales y precarios. Esta es la razón principal por la cual la respuesta a la pandemia ha sido tan pobre. La negación de López Obrador a reconocer la gravedad del Covid-19, al igual que lo hicieron Trump y Bolsonaro, paralizó al gobierno durante largos meses.

Este proceso ha llevado a la acentuación de la disfuncionalidad masiva del Estado en sectores estratégicos, particularmente en el sector salud [35; 36] y en la educación, y más aun en los campos de la seguridad pública y de los derechos humanos. Las decisiones en materia de grandes obras públicas son claramente improvisadas y tributarias de viejas ideas desarrollistas. Los proyectos de los trenes Maya y Transístmico, el aeropuerto alterno en Santa Lucía, una nueva refinería en Tabasco y la masiva siembra de bosques no cuentan con estudios técnicos, de factibilidad y de impacto ambiental. A pesar de ello, se están llevando a cabo, pasando por alto todo tipo de regulaciones administrativas y legales [37].

Para poder operar el Estado necesita disponer de capacidades administrativas, económicas, represivas, políticas y gerenciales que toma años desarrollar, y someterse a reglas que le den previsibilidad y coherencia a su acción (Hincapié y Olvera, 2019). Esto es precisamente lo que no pudieron hacer los gobiernos de la transición. El voluntarismo personalista propio del populismo que ha desarrollado López Obrador ignora esa verdad elemental. Por ello, AMLO está

destruyendo una parte de la capa gerencial del Estado y desarrollando estructuras paralelas (como son los “Servidores de la Nación” y el aparato militar usado en tareas de la administración pública), creando confusión respecto a líneas de mando y de responsabilidades en el gobierno.

Así, la eliminación del viejo orden administrativo puede tornarse en el desmantelamiento de la escasa estatalidad del Estado, hasta crear un aparato completamente dúctil a los deseos personales del líder. Los riesgos autoritarios de esta tendencia son muy claros, así como como la ineficiencia e improductividad que acarrea.

Los límites económicos al despliegue pleno de una restauración populista del proyecto nacionalista-desarrollista son tanto externos como internos. En el ámbito externo, la firma del T-MEC ratifica la integración de México en el mercado norteamericano. El tratado impone restricciones profundas a la libertad materia de política económica y energética, así como en el campo de las regulaciones laborales y ambientales. La dependencia de la economía mexicana del mercado de los Estados Unidos somete también al gobierno mexicano a las decisiones unilaterales de la administración norteamericana, como el caso del cierre de la frontera sur lo demuestra.

En el ámbito interno, la precariedad fiscal estructural del sector público no tiene visos de poder ser resuelta, menos después de la terrible crisis causada por la pandemia. Si bien se puede aumentar la recaudación mediante el combate a la corrupción y disminuir los gastos superfluos mediante políticas de austeridad, el tamaño del déficit público real no permite financiar los ambiciosos megaproyectos presidenciales y las nuevas políticas sociales simultáneamente.

Si bien el caso mexicano corrobora la hipótesis de la continuidad y complementariedad de la democracia precaria y del populismo, queda claro que el espacio económico y político para la consolidación de un régimen populista en México es muy reducido. La prohibición constitucional de la reelección es un dique a la perpetuación de un régimen personalista-delegativo; la falta de un partido propiamente dicho impide el surgimiento de líderes legítimos que pudieran sustituir al líder e institucionalizar un “nuevo régimen”, si lo hubiere. La popularidad de López Obrador refleja la persistencia de la esperanza en un cambio en la mayoría de la población. Sin embargo, la magnitud de la crisis causada por el Covid-19, la inoperancia gubernamental, la incompetencia probada en materia de salud y la tenaz resistencia a reconocer la existencia de una crisis en los ámbitos de la seguridad y de los derechos humanos acabarán pronto con esa popularidad personal.

BIBLIOGRAFÍA / REFERENCES

1. Héctor Nájera y Curtis Huffman. Informe Postpandemia de la Pobreza en México, Programa Universitario de Estudios del Desarrollo de la UNAM, 2021.
2. Bayón, M. C. (coord.), 2019. *Las Grietas del Neoliberalismo. Dimensiones de la Desigualdad Contemporánea en México*. México, UNAM, 416 p.
3. Olvera, A. J. “La crisis política, los movimientos sociales y el futuro de la democracia en México”, en: *Revista Mexicana de Ciencias Políticas y Sociales*, 2016, Universidad Nacional Autónoma de México. Nueva Época, Año LXI, núm. 226, enero-abril de 2016, pp. 279-296.
4. Olvera, A.J. “México 2018: elección plebiscitaria, crisis neoliberal y proyecto populista”, en: Caetano, G. y F. Mayorga (eds.). *Giros políticos y desafíos democráticos en*

Альберто Хавьер Ольвера

- América Latina. Enfoques de casos nacionales y perspectivas de análisis.* Buenos Aires: CLACSO, 2020, 467 p.
5. Kloppe-Santamaría, G. y Abello C. (eds.). *Seguridad Humana y Violencia Crónica en México.* México, CIDE-ITAM, 2019, 299 p.
 6. Casar, A. *Anatomía de la Corrupción.* 2016. Disponible en: https://imco.org.mx/politica_buen_gobierno/anatomia-de-la-corrupcion-2a-edicion-corregida-y-aumentada/
 7. Cameron, M. "Making Sense of Competitive Authoritarianism: Lessons from the Andes". *Latin American Politics and Society,* 2018, Volume 60, Issue 2, May, pp. 1-22
 8. Schedler, A. *La Política de la Incertidumbre en los Regímenes Electorales Autoritarios.* México, CIDE, 2016, 322 p.
 9. Dagnino, E., A. Olvera y A. Panfichi. "Para otra Lectura de la Disputa por la Construcción Democrática en América Latina", en: Dagnino, E., A. Olvera y A. Panfichi (coords.). *La Disputa por la Construcción Democrática en América Latina,* México, Fondo de Cultura Económica-Universidad Veracruzana, 2016, pp. 15-107.
 10. Peruzzotti, E. "Regime Betterment or regime change? A critical review of recent debates on liberal democracy and populism in Latin America". *Constellations, An International Journal of Critical and Democratic Theory,* 2017, Vol. 24, Num. 3, Septiembre, pp. 389-400.
 11. Rosanvallon. P. *El Siglo del Populismo. Historia, Teoría, Crítica.* Buenos Aires, Manantial, 2020, 348 p.
 12. Urbinati, N. *Me, the People. How Populism Transforms Democracy,* Cambridge, Harvard University Press, 2019, 279 p.
 13. Olvera, A.J. "De la elección plebiscitaria al populismo nostálgico. López Obrador y la "Cuarta Transformación" en México", en: Murakami, Y. y E. Peruzzotti (eds.) *Populismo, Democracia y Resistencias en América Latina.* Xalapa: Universidad Veracruzana, 2021, 498 p.
 14. Casar, A. Morena toma todo. *Nexos,* Mexico, 2018. Disponible en: <https://www.nexos.com.mx/?p=38743>
 15. Centro de Estudios de las Finanzas Públicas. *Evolución y Estadísticas del Gasto Público en México, 1980-2002.* México, Cámara de Diputados, 2003.
 16. Peruzzotti, E. "El populismo como ejercicio de poder gubernamental y la amenaza de hibridación de la democracia liberal". *Revista SAAP,* Buenos Aires, 2017, Vol. 11, Nº 2, noviembre, pp. 213-225.
 17. Olvera A.J. Populismo y religión en Brasil y México. Una breve reflexión // *Encartes Antropológicos, Revista Digital Multimedia.* Vol. 3 Núm. 6 (2020) (sin paginación). Guadalajara, CIESAS-Occidente.
 18. Del Palacio, C. *Callar o Morir en Veracruz. Violencia y medios de comunicación (2010-2016).* Juan Pablos Editor, México, 2017, 421 p.
 19. CEPAL-C. Tello. *Sobre la Baja y Estable Carga Fiscal en México,* Serie Estudios y Perspectivas 163. México, CEPAL, 2013.
 20. Ríos V. El plan económico de AMLO para hacer crecer a México, *New York Times (en español),* 30.VII.2019. Available at: <https://www.nytimes.com/es/2019/07/30/espanol/opinion/lopez-obrador-plan-economia.html> (Accessed 30.08.2019).
 21. Secretariado Ejecutivo del Sistema de Seguridad Nacional de México. – Available at: <https://www.gob.mx/sesnsp> (Accessed: 13.01.2021)
 22. Schedler, A. *En la Niebla de la Guerra,* México, CIDE, 2015, 378 p.
 23. Flores, C. *El Estado en Crisis. Crimen Organizado y Política: Desafíos para la Consolidación Democrática,* México, Publicaciones de la Casa Chata, 2013, 358 p.
 24. Alvarado, A. Violencia política y electoral en las elecciones de 2018. *Alteridades,* 2019, 29 (57): pp. 59-73.
 25. Gibson, E. L. *Boundary Control: Subnational Authoritarianism in Federal Democracies.* Cambridge: Cambridge University Press, 2013, 398 p.
 26. Olvera, A. J. (coord.). *Veracruz en su laberinto. Autoritarismo, crisis de régimen y violencia en el sexenio de Javier Duarte.* Xalapa: Universidad Veracruzana, 2018, 345 pp.
 27. Giraudy, A. E. Moncada y R. Schnider, *Inside Countries. Subnational Research in Comparative Politics.* Cambridge, Cambridge U. Press, 2019, 374 p.
 28. INFOBAE-A. San Juan. *La inquietante militarización de México.* 2021. En: <https://www.infobae.com/america/mexico/2021/01/04/la-inquietante-militarizacion-de-mexico-amlo-le-ha-dado-poder-al-ejercito-en-30-tareas/>. Consultado el 02/03/2021

29. Olvera, A.J. “México 2018: elección plebiscitaria, crisis neoliberal y proyecto populista”, en: Caetano, G. y F. Mayorga (eds.). *Giros políticos y desafíos democráticos en América Latina. Enfoques de casos nacionales y perspectivas de análisis*. Buenos Aires: CLACSO, 2020, 467 p.
30. Reyes Y. Migración en la frontera sur sin freno. Reporte Indigo, 14.XI.2019. Available at: <https://www.reporteindigo.com/reporte/migracion-en-la-frontera-sur-sin-freno-crisis-humanitaria-documentacion-flujo/> Consultado el 31.01.2021.
31. Hincapié, S. y A. J. Olvera. “Capacidades estatales en órdenes mixtos”, *Clivajes. Revista Electrónica de Ciencias Sociales*. Año VI, 2019, número 11, enero-junio. Xalapa, Universidad Veracruzana.
32. Olvera, A. J. (coord.). *Veracruz en su laberinto. Autoritarismo, crisis de régimen y violencia en el sexenio de Javier Duarte*. Xalapa: Universidad Veracruzana, 2018, 345 p.
33. Casar, A. El gran benefactor. 2019. Disponible en: <https://www.nexos.com.mx/?p=41305>
34. Olvera, A.J. “De la elección plebiscitaria al populismo nostálgico. López Obrador y la “Cuarta Transformación” en México”, en: Murakami, Y. y E. Peruzzotti (eds.) *Populismo, Democracia y Resistencias en América Latina*. Xalapa: Universidad Veracruzana, 2021, 498 p.
35. El sector de salud en crisis. *Letras Libres*, 23.V.2019. Available at: <https://www.letraslibres.com/mexico/politica/el-sector-salud-en-crisis> (Accessed: 20.12.2020).
36. La realidad detrás del desabasto de medicamentos para niños con cáncer en México: corrupción, burocracia y desesperación de los padres. *Infobae.com*, 23.I.2020. Available at: <https://www.infobae.com/america/mexico/2020/01/23/la-realidad-detrás-del-desabasto-de-medicamentos-para-ninos-con-cancer-en-mexico-corrupcion-burocracia-y-desesperacion-de-los-padres/> Consultado el 03.02.2021.
37. Escalona N. Megaproyectos de la 4T, entre la defensa de AMLO y el rechazo de afectados. 13.I.2020. Available at: <https://consumidoresorganicos.org/2020/01/15/megaproyectos-de-la-4t-entre-la-defensa-de-amlo-y-el-rechazo-de-afectados/> Consultado el 20.01.2020.

Alberto Javier Olvera (aolveri@yahoo.com.mx)

Professor at the Institute of Historical and Social Research, University of Veracruz, Mexico

The Crisis or consolidation of populism in Mexico?

Abstract: The overwhelming triumph of Andrés Manuel López Obrador in the elections of 2018 was the outcome of the legitimacy and representation's crisis in which the transition to democracy regime had been involved. That regime had promoted a neoliberal project. Finally, it failed to build a democratic State in Mexico. López Obrador deems that only the concentration of power in the presidency and the restoration of the economic and political hegemony of the State can solve the crisis. The author explains that in order to do that, López Obrador has decided to ignore most of the laws and legal institutions, to polarize the country by means of an openly populist discourse and to attack the judicial power and the media. However, his project, according to the author, is unviable both economically and politically, a situation that increases the risks of an authoritarian turn in the Mexican political regime.

Key words: Mexico, populism, authoritarianism, political crisis, social movements.

DOI: 10.31857/S0044748X0015304-3

Received 20.02.2021.

ЭКОНОМИКА

Jorge Alberto López Arévalo

La política económica de la llamada cuarta transformación

Resumen: El gobierno de Andrés Manuel López Obrador despertó muchas expectativas tanto en México como en América Latina. Se pensaba que se dejaría atrás la política económica de corte neoliberal, que había caracterizado a México desde 1983. En aquel año México emprendió el cambio estructural de la economía, caracterizado por tres aspectos básicos: el saneamiento de las finanzas públicas, la restructuración de las empresas paraestatales (privatización de las empresas públicas) y la racionalización de la protección comercial (como se denominó a la liberalización comercial). Esa política económica se mantiene en sus fundamentos básicos y los resultados se vienen a agravar con la pandemia del Covid-19. No se ve por ninguna parte una hoja de ruta que lleve a ir desmontando el modelo neoliberal en México, a pesar de que casi todos los días se le fustiga y responsabiliza de los problemas económicos, políticos y sociales del país.

Palabras clave: Política económica, Neoliberalismo; crecimiento económico; México; AMLO.

DOI: 10.31857/S0044748X0015305-4

Экономическая политика так называемой четвертой трансформации

Приход к власти правительства Андреса Мануэля Лопеса Обрадора породил в Мексике и Латинской Америке ожидания по поводу изменения политики страны; считалось, что с неолиберальной политикой, характерной для Мексики с 1983 г., будет покончено. В 1983 г. мексиканское правительство приступило к реализации структурных экономических реформ. Они проводились по трем главным направлениям: оздоровление государственной финансовой системы; приватизация предприятий государственного сектора либерализация торговли. Однако экономическая политика «4-й трансформации» в основных чертах не претерпела изменений, а ее последствия усугубляются пандемией Covid-19. Нет дорожной карты, которая привела бы к демонтажу неолиберальной модели в Мексике, хотя почти каждый день на указанную модель возлагается ответственность за экономические, политические и социальные проблемы в стране.

Jorge Alberto López Arévalo — Dr. en Economia Aplicada, profesor de la Facultad de Ciencias Sociales, Universidad Autonoma de Chiapas (ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0323-1977>, jalachis@hotmail.com).

Ключевые слова: экономическая политика, неолиберализм, экономический рост, Мексика, АМЛО.

DOI: 10.31857/S0044748X0015305-4

Статья поступила в редакцию 31.01.2021.

A lo largo de su historia México ha experimentado tres transformaciones fundamentales: Independencia de 1810—1821, que acabó con el estatus colonial; la Reforma de 1857—1861, que produjo la separación del Estado y la Iglesia, y la Revolución de 1910—1917, que logró terminar con la dictadura de Porfirio Díaz y fue una revolución social [1, p. 511; 2]. Andrés Manuel López Obrador (AMLO), sostiene que va a llevar a cabo la cuarta transformación de la vida pública del país, que consiste, según él, en un cambio de régimen, con “críticas a las propuestas neoconservadoras (pobreza, elitización de la política, reformas neoliberales — principalmente en el ámbito energético — y corrupción)” [2].

Este trabajo tiene como objetivo demostrar que no hay ruptura con el modelo económico neoliberal, como sostiene AMLO. Lo que hay son más bien la continuidad e intentos de limar las aristas más filosas, pero de ninguna manera se ha propuesto un cambio de régimen. Es decir, el neoliberalismo sigue siendo en lo fundamental la política económica de la llamada cuarta transformación. No hay que olvidar que el neoliberalismo es más que un programa económico y político: para su realización y sostenimiento requiere deslizarse a través de los dispositivos productores de subjetividad [3]. Sin embargo, esos dispositivos no han sido disputados del todo aún en México, la racionalidad neoliberal continúa en pie en el gobierno de AMLO.

El trabajo se compone de tres secciones. La primera está dedicada a los antecedentes del modelo económico neoliberal, que consistió en transitar del modelo de industrialización de sustitución de importaciones (ISI) al modelo neoliberal, y el papel jugado por las cartas de intención firmadas con el Fondo Monetario Internacional (FMI). En la segunda se aborda la política económica de AMLO, para ver si hay ruptura o continuidad; se realiza un análisis de cuál ha sido la política económica del gobierno actual. En la tercera sección se exponen los resultados en los primeros dos años del gobierno de AMLO, que han sido peores, incluso que los de los gobiernos anteriores, en parte por la pandemia, pero también por el modelo económico neoliberal, que no se ha desmontado; las políticas distributivas sin cambios en el patrón de acumulación, lejos de provocar el cambio estructural que se requiere, terminan incluso con entorpecer el modus operandi neoliberal.

En síntesis se trata de un trabajo de investigación que trata de reflexionar sobre el discurso del gobierno de AMLO, confrontarlo con la realidad y los resultados que se han obtenido. A pesar de que el presidente afirma que su gobierno pro-pobres, los pobres van a aumentar.

Хорхе Альберто Лопес Аревало — д-р наук по прикладной экономике, профессор факультета социальных наук Автономного университета штата Чьяпас (ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0323-1977>, jalachis@hotmail.com).

Хорхе Альберто Лопес Аревало

ANTECEDENTES

En 1977 la economía mexicana experimentó un período de notable crecimiento que culminó en 1981, cuando el PIB tuvo un incremento de 8.1 por ciento*. Analizando en retrospectiva, en la actualidad existen dos aspectos básicos del crecimiento de la economía mexicana expresados durante ese lapso, en el que la economía mundial enfrentaba una severa recesión. En primer lugar, la expansión de la plataforma petrolera de exportación, que pasó de 163,000 a cerca de 1'500,000 barriles diarios en 1982, situación fortalecida con el crecimiento sostenido de los precios del petróleo durante todo este periodo; en segundo, el endeudamiento público y privado con el exterior, que pasó de 25,000 millones de dólares en 1976 a 82,000 millones en 1982 [4, p. 204].

En 1976 el gobierno mexicano firmó la primera carta de intención con el FMI, pero la industria petrolera se convirtió en el sector líder y eso le permitió a México sustituir la política de ajuste y recesión por una de expansión de la demanda agregada [5, p. 220]. El petróleo y sus altos precios ayudaron a dejar de lado la carta de intención firmada.

Muchos economistas consideran a la crisis de 1976 como evidencia del agotamiento del modelo de sustitución de importaciones (o desarrollo “hacia adentro”, según la terminología de la Cepal) que sobrevivió artificialmente gracias al petróleo y el endeudamiento externo. Sin embargo, cuando en 1982 se desplomaron los dos puntales que habían posibilitado “el milagro mexicano”, el país vió de pronto reducido el ingreso de divisas como consecuencia de la brusca caída de los precios del petróleo (los ingresos petroleros representaban en 1982 el 77.6% del valor de las exportaciones totales del país) y debido al difícil acceso a los mercados internacionales de capital que se derivó de ello. La situación se magnificó dado que no se modificó el servicio de la deuda externa** y se aceleró la “fuga de capitales” que buscaban seguridad y altas tasas de valorización en el exterior; lo cual se vió alentado por el proceso de nacionalización de la banca en septiembre de 1982 [1; 2].

Este fenómeno provocó la insolvencia del país para hacer frente a los problemas relacionados con el servicio de la deuda externa. Las reservas internacionales de divisas se esfumaron como consecuencia del monto desproporcionado que había adquirido la transferencia neta de recursos al exterior, lo cual llevó al país a la moratoria de hecho el 20 de agosto de 1982 (duró 90 días). Esto condujo a la firma de una carta de intención con el FMI el 10 de diciembre de 1982.

* Esta situación llevó a afirmar al entonces presidente de la república, José López Portillo, que ya éramos ricos y que llegaría el momento de repartir la abundancia. En su *Quinto informe de gobierno*, al hablar de la recesión económica mundial, afirmó “...en este estancamiento cada vez más extendido, el crecimiento de la economía mexicana durante el periodo 1977—1981 desperta asombro, luego envidia y finalmente ambición de compartirlo canalizándonos sus productos excedentes. México surge como figura mundial, sus mercados se expanden y sus volúmenes son cada vez más atractivos.”

** Entonces estuvo presente la posibilidad de formar un club de deudores y, a raíz de la moratoria de hecho, negociar en mejores condiciones con los organismos financieros internacionales para tener mejores condiciones de pago y quitas al capital.

La carta de intención signada con el FMI (y las que le siguieron) impactaron de manera importante la instrumentación de la política económica que habría de aplicar el gobierno de Miguel de la Madrid Hurtado, que profundizó Carlos Salinas de Gortari y siguieron aplicando Ernesto Zedillo Ponce de León, Vicente Fox Quesada, Felipe Calderón y Enrique Peña Nieto [1; 2]*.

Es así, como México en 1983 emprendió el cambio estructural de la economía, caracterizado por tres aspectos básicos: el saneamiento de las finanzas públicas, la privatización de las empresas públicas y la liberalización comercial.

El saneamiento de las finanzas públicas ha sido la piedra angular de la estrategia macroeconómica emprendida desde 1983 y es producto de “las recomendaciones” del FMI. En tales condiciones, los hacedores de la política económica en México se dedicaron en forma obsesiva a reducir el déficit financiero del sector público y lograron hacerlo pasar de 16.9% del PIB a comienzos del período de ajuste en 1982 a una situación cercana al equilibrio en 1991 (OCDE, citado por Guillén [7, p. 314]). Aunque, de acuerdo con la información oficial disponible, no sólo lograron una posición cercana al equilibrio fiscal, como había advertido la OCDE en 1992, sino que durante 1991 y 1992 convirtieron el déficit crónico en superávit.

El balance primario del sector público (no considera el servicio de la deuda) es muy favorable, pues se pasó de déficits crónicos observados hasta 1982 a superávits recurrentes que se dieron a partir del proceso de restructuración de la economía (1983 en adelante), alcanzando en 1991 y 1992 un superávit del 8.7% del PIB [7]**.

Con esta aseveración se puede apreciar que el saneamiento se logró más mediante la reducción del gasto y la inversión públicos que por medio del incremento de los ingresos. El gasto pasó de representar “el 41.4% del PIB en 1983, a sólo el 27.7% en 1991. El gobierno ha aplicado un programa de severa austeridad que afectó los gastos de salud, educación, el mantenimiento de las inversiones, así como los subsidios.” [8]. En 1994 el gasto público representaba sólo el 25.6% del PIB, lo cual significa que en 11 años sufrió una erosión de 15.8 puntos porcentuales en relación con el PIB.

Se culpa al déficit de ser el causante de la crisis económica, de la inflación y del déficit de la cuenta corriente de la balanza de pagos. Por lo tanto, el Estado es el causante del déficit, por lo que se debe contraer el gasto público para restringir la demanda y las presiones sobre la inflación y el sector externo (tal es el punto de vista de la teoría neoclásica, sobre todo del enfoque monetarista de la balanza de pagos) [7, p. 257].

* Cuando se empezó a firmar las cartas de intención con el FMI, en México el gobierno fingía, como señala Stiglitz [6, p. 314], que eran decisiones soberanas.

** Según Héctor Guillén Romo [7], existen varias definiciones del déficit presupuestal: la más general mide la diferencia entre los ingresos nominales (exceptuando el producto de los préstamos) y los gastos totales (incluyendo pagos de intereses sobre la deuda pública). Así, este déficit representa los requerimientos financieros del sector público. El déficit primario sustrae de la medida convencional del presupuesto los pagos de intereses efectuados por el Estado. Como es evidente, para el gobierno mexicano era muy importante demostrar a la comunidad financiera internacional que el déficit persistía, no obstante el “saneamiento de las finanzas públicas”, únicamente en razón de la persistente carga de intereses (internos y externos).

Lo anterior presupone que la aplicación de una política fiscal y monetaria que contraiga los niveles de la actividad económica (política recesiva) para adecuar la demanda a los niveles de oferta*, acompañada de la venta de empresas públicas, significa ingresos extraordinarios a las arcas del Estado que sirven para disminuir la deuda pública (interna y externa), lo cual reduce las tasas de interés, causando un efecto favorable adicional sobre el servicio de la deuda pública y la inflación y se supone que esto debe favorecer la eliminación del déficit de la cuenta corriente de la balanza de pagos (según la lógica neoliberal, se trataría de un círculo virtuoso) [1]. En la disminución del gasto público también influyó la reducción del pago de intereses de la deuda, que en 1988 representaba el 17.7% del PIB, mientras que en 1993 fue de sólo 4.3 [1; 2].

Otro aspecto a considerar es el proceso de privatización de las empresas paraestatales, pues el Estado mexicano optó por cambiar activos por pasivos para reducir las presiones sobre las finanzas públicas; tan es así que Salinas de Gortari, en una lógica propia del economista austriaco Von Mises, sostuvo que “...desde el punto de vista presupuestal la adecuación fiscal y el proceso de privatización de las empresas han sido el eje para alcanzar finanzas públicas sanas y para que el gobierno recuperara su papel en la solución de las prioridades fundamentales: atención a las demandas sociales, infraestructura física y procuración de justicia” [9].

Así, el saneamiento de las finanzas públicas en México descansó sobre dos ejes fundamentales: reducción del gasto público (gasto social y de inversión), del 41.4% del PIB en 1983 al 25.6 % en 1994; venta de las empresas públicas: entre diciembre de 1982 y marzo de 1992, 1,008 empresas de las 1,155 fueron liquidadas, vendidas o fusionadas. Como 76 empresas fueron creadas durante ese periodo, se llegó a un total de sólo 223 públicas (hasta marzo de 1992, pues el proceso de privatización continuó). Además, desde 1989 hasta 1992 los ingresos por privatizaciones representaron el 6.3% del PIB, nivel sólo superado por dos países de la OCDE: el Reino Unido y Nueva Zelanda. Los ingresos por privatizaciones superaron los 19,500 millones de dólares en mayo de 1992. Éstos fueron destinados a un fondo especial para reembolsar deuda pública (cambio de activos por pasivos), lo cual propició que se distensionaran las presiones sobre las finanzas públicas y se redujera la deuda pública como porcentaje del PIB [4].

El saneamiento de las finanzas públicas y la privatización de las empresas paraestatales tienen, desde la lógica neoliberal, objetivos que se concatenan en distintos momentos, pues responden al mismo plan: la política antinflacionaria. “Aquí se tiene que los economistas neoliberales en México descubrieron, aunque tardíamente, la contabilidad inflacionaria. Esto los condujo a calcular el ‘déficit

* Héctor Guillén Romo señala que, aunque la crítica del déficit presupuestal parece evidente, no resiste el más mínimo análisis, pues todos los días las familias se endeudan para comprar un alojamiento o un automóvil. Por otro lado, las empresas contraen deudas para financiar sus inversiones o el crecimiento de su actividad. En este caso se trata de un buen cálculo, si el endeudamiento genera ingresos superiores a las cargas financieras. En cuanto a las familias, el endeudamiento es aceptable si las cargas financieras futuras (capital más intereses) no superan la capacidad de ahorro. Lo mismo sucede con el Estado si el excedente del gasto público sobre el ingreso proviene de la acumulación de capital (inversiones públicas financiadas por el Estado) y no de una administración dispendiosa [8, p. 29-44].

operacional’ o ‘corregido por la inflación’, sustrayendo del déficit convencional el pago de intereses. La utilización de la contabilidad inflacionaria condujo a los economistas ortodoxos mexicanos a descubrir que, contrariamente a lo pensado en el sentido de que el déficit suele provocar inflación, ésta actúa para agrandar el déficit. Ignorar este tipo de hechos condujo, durante varios años, a intentar eliminar el déficit únicamente mediante un aumento de impuestos y una baja de los gastos públicos, y dejar por completo de lado el problema de la inflación.” [7]. Es decir, durante mucho tiempo no concibieron cómo la inflación actúa como ensanchadora del déficit y no al revés; también, cómo las políticas de disminución del gasto tienen efectos recesivos y con ello se erosiona los ingresos tributarios, pues si la economía no crece tampoco los ingresos tributarios y se vuelve un círculo vicioso, ya que para compensar la caída de los ingresos se promueve nuevos recortes del gasto público, lo cual da lugar a escenarios recesivos.

POLÍTICA ECONÓMICA DE AMLO: ¿RUPTURA O CONTINUIDAD?

El Presidente Andrés Manuel López Obrador en sus campañas políticas, desde la primera ocasión que aspiró a la Presidencia de la República en 2006 (donde está comprobado que hubo fraude electoral que le impidió llegar al gobierno) se ha manifestado en contra de la política neoliberal. Ha sido su bandera, al igual que la lucha contra la corrupción, pues considera al neoliberalismo y a la corrupción las causantes de los males de México. Ahora toca examinar, a grosso modo, cuál ha sido la política económica de su gobierno, que desde nuestro punto de vista ha sido la continuidad de las políticas neoliberales y que su discurso anti-neoliberal no se corresponde con el accionar en el ámbito económico.

En la época de Miguel de la Madrid se comenzó a instrumentar el Programa Inmediato de Reordenación Económica (PIRE), que contemplaba la aplicación de una política de austeridad inspirada en las viejas recetas del FMI, sustentada en medidas fiscales y monetarias restrictivas, acompañadas de políticas cambiarias flexibles (devaluación de la moneda), de la liberalización del comercio exterior y de la contención salarial [1]. En el gobierno de AMLO continúan intactos al menos dos de los tres aspectos básicos de la política económica impulsada desde 1983: saneamiento de las finanzas públicas y liberalización comercial que ni siquiera se cuestionan y se anuncian como éxito las finanzas públicas sanas. Se mantiene en pie el Tratado México — Estados Unidos y Canadá (TMEC o USMCA, por sus siglas en inglés), que es la continuidad del Tratado de Libre Comercio de América del Norte (TLCAN), con mayores concesiones a los Estados Unidos.

Como bien señala Valenzuela [10]: ¿Qué pasa con las políticas económicas del nuevo gobierno? Veamos que nos dice.

— En cuanto a la política fiscal, por el lado de los ingresos ni en su nivel ni en su composición hay cambios sustantivos. Por el lado del gasto, cae la inversión pública y sube el gasto social (subsídios y similares). Se preserva férreamente el equilibrio de las finanzas públicas* [10]. Se ha apostado a que

* Impresiona cómo el gobierno reproduce el mito neoclásico. En realidad, el superávit, el déficit o el equilibrio pueden ser malos o buenos. No hay aquí verdades absolutas pues todo depende de la coyuntura económica. En una recesión, por ejemplo, el déficit suele ser recomendable [10].

Хорхе Альберто Лопес Аревало

paguen las grandes empresas que no pagaban o se les eximía de los impuestos. Y han estado pagando, en contra de su voluntad. Sin embargo, dado el comportamiento negativo de la economía mexicana en 2019 y 2020, no se han alterado los ingresos en el nivel. Aumenta el gasto social y cae la inversión pública [10]. No hay una política fiscal de nuevo tipo, solo cambia de forma, pero se mantiene el equilibrio de las finanzas públicas, que es el primer punto del Consenso de Washington y de la carta de intención firmada por México en 1983.

En 2020, el Sistema de Administración Tributaria (SAT) puso en práctica una serie de acciones que generaron recursos adicionales equivalentes a un 2,2 % del PIB aproximadamente. Entre esas acciones se destacan las medidas de fiscalización dirigidas a la evasión y la elusión fiscales que aportaron 1,7 puntos porcentuales del PIB [11], [12, p. 133]. Sin embargo, dada la desaceleración de la economía mexicana, no se tradujo en mayores ingresos fiscales.

A pesar de los importantes proyectos de infraestructura (Refinería de “Dos Bocas”, Tren Maya, Nuevo Aeropuerto Internacional Felipe Ángeles, Tren del Istmo de Tehuantepec, creación de 100 Universidades Públicas, etcétera) y la política social a través de programas como “sembrando vida”, “jóvenes construyendo el futuro”, “pensión para adultos mayores”, “nacional de becas Benito Juárez”, “pensión para personas con discapacidad”, etcétera, que realiza la administración de AMLO, éstos no han logrado modificar la relación del gasto en términos de política fiscal expansiva ni han impactado en los montos de la inversión pública. Se continúa implemetando la férrea disciplina fiscal, que es la piedra angular de la ortodoxia neoliberal.

— No han cambiado las políticas monetarias y cambiarias. Son escandalosamente neoliberales y en la brutal recesión que acompaña al Coronavirus hundirán aún más a la economía [10]. Hubo una tímida baja de las tasas de interés y prestación de créditos al sector financiero, así como apoyo a la micro, pequeña y mediana empresa (MIPYMES). Sin embargo, se ejecuta una política monetaria restrictiva, mientras en el mundo hay exceso de liquidéz y en buena parte de los países desarrollados se trabajan con tasas de interés negativas y casi todo el mundo aplica políticas contra-cíclicas. México es de los países de la OCDE que menos recursos ha destinado al apoyo fiscal para enfrentar la pandemia del *Covid-19*, apenas el 1.1% del PIB de acuerdo a CEPAL [13, p.166], situación que seguramente, en un gobierno que se considera pro-pobre hará que aumente la pobreza como consecuencia de la crisis agudizada por la pandemia.

— Persisten las políticas de relacionamiento externo (de mercancías y de capitales) que se acentuarán con el TMEC. ¿Cómo combinar este aperturismo irrestricto y neoliberal con las declaraciones que hablan de “impulsar el mercado interno”?* [10]. Desde el gobierno TMEC se ve como un éxito, aunque en algunos aspectos es más lesivo que el TLCAN. Se introdujeron porcentajes en las reglas de origen más elevadas, como es el caso de la industria automotriz. Los Estados Unidos, además, logró incluir el artículo 32, dirigido contra China,

* Valga recordar el juicio de un economista mayor: “es posible (...) que el libre comercio entre regiones de diferente desarrollo relativo frene al crecimiento de las menos desarrolladas (...). A un país subdesarrollado con fuerza de trabajo excedente (...) le convendría más proteger su industria por medio de un impuesto a las importaciones, que practicar el libre comercio.” Cf. N.Kaldor, “Ensayos sobre Desarrollo económico”, p. 45. CEMLA, México, 1963 (2º edición, corregida y aumentada) [10].

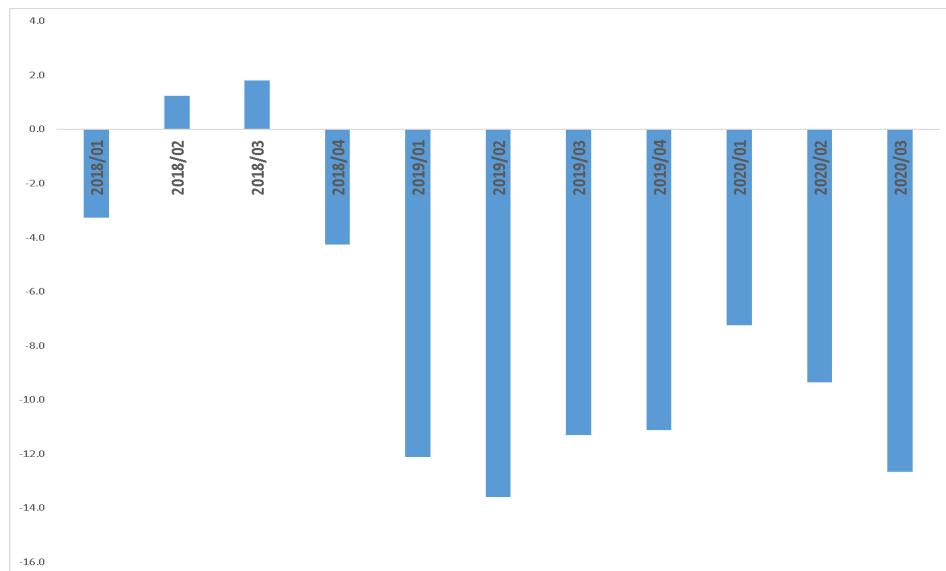
Экономическая политика так называемой четвертой трансформации

пues establece que cada uno de los miembros deberá abstenerse de entablar relaciones con economías que no son de mercado. Se trataría del primer tratado internacional que explícitamente es adverso al país asiático [14].

— En cuanto a la cuestión laboral, destaca el aumento del salario mínimo (SM). Pero crece el desempleo (abierto o disfrazado) [10]. De acuerdo a Sovilla, Morales y Gómez [15], el incremento del sueldo mínimo no es suficiente para acrecentar los ingresos de los ocupados más pobres, porque muchos de ellos no perciben un salario formal (son cuentapropistas). Además, los asalariados más pobres, si encuentran empleo, lo hacen en la economía informal, donde no existe un contrato laboral formal y el SM establecido por ley no es un referente para la determinación de los salarios en general.

— En el decisivo campo industrial tampoco se notan iniciativas relevantes. Más bien, hay un silencio cada vez mayor sobre el tema, el que obviamente está muy ligado a la capacidad para generar un impulso bien fuerte a las inversiones productivas [9].

**Gráfico 1. FORMACIÓN BRUTA DE CAPITAL FIJO PUBLICA,
CALCULADA TRIMESTRALMENTE EN MILLONES DE PESOS
DE 2013 (variación anual en %)**



Fuente: Elaboración propia con base en BIE-INEGI (Consultada el 05/02/2021).

Es decir, la inversión pública se cae en la 4-a Transformación. Ya había comenzado a desplomarse en el último trimestre de Enrique Peña Nieto, pero ahora, con la pandemia, la caída se acelera, a pesar de los megaproyectos anunciados. La inversión privada también se aminora.

México experimenta una caída de la Formación Bruta de Capital (FBK) desde 2016 de 22.8% del PIB, 22.1 en 2017, 22.0 en 2018 y 20.7% en 2019, el primer año de AMLO, muy lejos de países como China que en 2019 tuvo una FBK de 42.8, más del doble de México (Base de datos del Banco Mundial) [16].

Хорхе Альберто Лопес Аревало

Es importante tener en cuenta que “toda transformación de la estructura industrial es producto de procesos de acumulación de capital fijo, planeados o no. En consonancia con contribuciones teóricas y el cúmulo de evidencia empírica, es claro que robustecer la formación de capital fijo es indispensable para salir del marasmo del lento crecimiento y magra productividad que entrampa a la economía” [17, pp. 11-12].

En términos muy generales se podría decir: a) en lo básico, se preservan las políticas económicas neoliberales; b) se busca mejorar la situación de los más pobres con cargo a políticas asistenciales y no por la vía de crear ocupaciones productivas bien remuneradas (lo cual, insistimos, exige un fuerte esfuerzo de inversión, lo que no se ha dado). De hecho, la inversión se cae (gráfico 1). En este aspecto, el trabajo de Sovilla, Morales y Gómez [15] tiene un planteamiento interesante acerca de formalizar el trabajo a través de retomar la recomendación de Minsky: un SM se hace efectivo mediante un programa de garantía de empleo que lo proporcione a todo el que lo necesite. Es decir, el Estado se debe convertir en empleador de última instancia.

El panorama que así se perfila es quizás sorprendente: al modelo neoliberal que se preserva en lo básico, se le agregan políticas redistributivas de corte asistencial que se comenzaron a desarrollar a través de programas focalizados, que cobraron cuerpo en el Programa Nacional de Solidaridad, instrumentado por Carlos Salinas de Gortari, y se han profundizado en la llamada Cuarta Transformación. Dichas prácticas evitan romper con el esquema neoliberal. Funciona aquí, quizás hasta en términos inconscientes, algo así como la caridad cristiana. En suma, nos topamos con una gruesa contradicción (o simple demagogía): mientras casi todos los días se habla contra el flagelo neoliberal, en los hechos se dejan intocadas las bases estructurales del sistema [10].

Se puede decir que ni antes ni durante la pandemia el gobierno de la llamada 4-a Transformación se ha propuesto acabar con las bases del neoliberalismo, sino sólo hacerle unos retoques. Ni siquiera se insinúa una ruta distinta. Valenzuela [10] asevera que las políticas de subsidios y transferencias en favor de los más desposeídos, lejos de lograr el cambio estructural que se requiere, terminan incluso con entorpecer el modus operandi neoliberal. Es decir, si la inversión cae y las políticas redistributivas operan en contra del modelo, pero no afectan sus fundamentos básicos, desembocan en bajas tasas de crecimiento, negativas incluso si no hubiera habido pandemia, resultados que son peores que la media histórica neoliberal. Al cabo, el intento de cambiar el espacio de la distribución sin alterar los basamentos del régimen de producción, debería conducir al colapso del proyecto de la 4-a Transformación [10]*.

RESULTADOS DE LOS DOS AÑOS DE LA GESTIÓN DE AMLO

En el mundo, una de las cosas que tipifica al modelo neoliberal es su bajo crecimiento. Es decir, tiene muy poco que ver con el alto dinamismo que mostró el modelo del Estado del Bienestar que se configuró en la época de la segunda posguerra. Si tomamos el año 1982 como el fin de dicho modelo (aunque algu-

* Sobre las relaciones entre el espacio de la producción y el espacio de la distribución ver: Valenzuela [18].

nos países en el mundo comenzaron antes) se hace notorio el escaso crecimiento que ha acompañado el modelo neoliberal; con la pandemia las secuelas serán mucho peores. Si tuviéramos los datos de 2020, nos arrojarían un menor crecimiento en México y en el mundo tanto en el PIB como en el PIB per cápita.

TASA DE CRECIMIENTO MEDIA ANUAL DEL PIB Y DEL PIB PER CÁPITA EN MÉXICO Y EN EL MUNDO (%)

	PIB		PIB per cápita	
	1960—1982	1982—2019	1960—1982	1982—2019
México	6.5	2.2	3.5	0.6
Mundo	4.3	3.0	2.3	1.6

Fuente: elaboración propia con base en datos del Banco Mundial [16], consultadas el 16 de diciembre de 2020.

Se puede ver claramente que, aunque en México presentan como un éxito el neoliberalismo y la apertura de la economía mexicana los resultados obtenidos no sustentan tal afirmación. Mientras en el período previo al neoliberal, en los años 1960—1982, México tuvo la tasa de crecimiento media anual del PIB del 6.5%, con el neoliberalismo fue del 2.2 %, es decir, ligeramente más que la tercera parte. En términos del PIB per cápita en el periodo previo fue del 3.5 %, y ahora apenas alcanza el 0.6 %, a lo cual se puede tipificar como casi un estancamiento económico. Si analizamos el indicador global de la actividad económica global durante el tiempo que lleva AMLO en el poder, podemos ver que por 20 meses de tasas de crecimiento han sido negativas y sólo por 4 meses han sido ligeramente positivas. Algunos dirán que esto se debe a la pandemia. La verdad es que la pandemia vino a acelerar la tendencia, pero aun antes los datos no pintaban bien, pues hasta marzo de 2020, se acumulaban 12 meses de tendencias negativos (gráfico 2).

Hasta aquí podemos ver como el comportamiento del modelo económico que no ha variado, excepto en algunos matices, laстра el crecimiento económico de México. Es más, según afirma Valenzuela [10], los resultados son peores que el promedio neoliberal de los gobiernos anteriores.

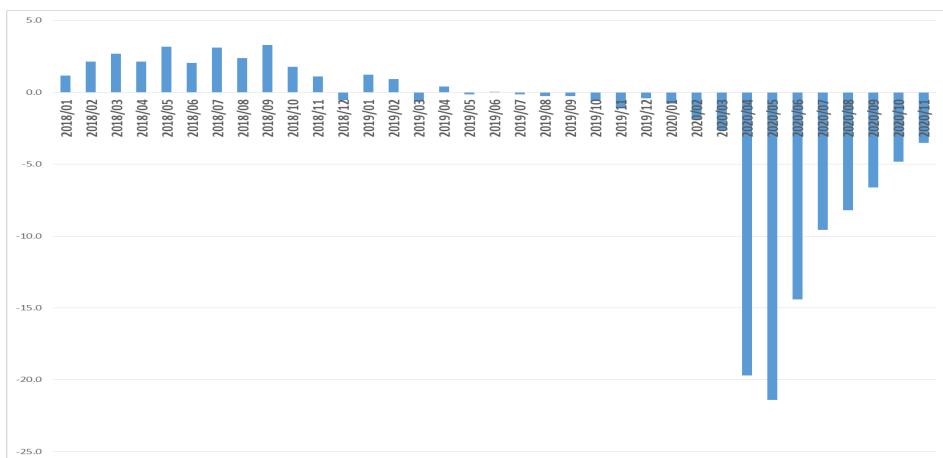
El gobierno de AMLO sigue observando más o menos 9 de los 10 puntos del llamado decálogo del Consenso de Washington, que fueron bautizados así por John Williamson [19].

“Williamson definió diez recomendaciones de política económica:

1. Disciplina fiscal, en cuanto a reducir y evitar grandes déficits en las cuentas públicas.
2. Focalización del gasto público en subsidios dirigidos a los más pobres — incluidos aquellos destinados a la salud primaria y a la educación escolar — y en infraestructura, descartando subsidios universales.
3. Ampliación de la base tributaria, aplicación de un impuesto al valor agregado y reducción de las tasas marginales del impuesto a la renta.
4. Tipos de cambio competitivos.
5. Apertura al comercio internacional, con particular énfasis en la eliminación de las restricciones no arancelarias a las importaciones (cuotas, depósitos previos, tipos de cambio múltiples) y en la aplicación de aranceles bajos y parejos.

Хорхе Альберто Лопес Аревало

Gráfico 2. INDICADOR GLOBAL DE LA ACTIVIDAD ECONÓMICA MENSUAL (variación anual en %)



Fuente: Elaboración propia con base en el BIE-INEGI (Datos consultados 07/02/2021).

6. Apertura a la inversión extranjera directa.
7. Privatización de empresas públicas.
8. Desregulación de mercados, fomentando la libre competencia con especial cuidado en no desechar regulaciones prudenciales a los mercados financieros y otras a favor de la protección del medio ambiente.
9. Liberalización de las tasas de interés.
10. Fortalecimiento de los derechos de propiedad (certeza jurídica)". [20].

Considero que solo el punto 7 cuenta con la oposición de la administración de AMLO. Es decir, no se ha avanzado en lo más mínimo en desmantelar el modelo económico neoliberal. En general, es más o menos lo mismo que ocurrió con los gobiernos progresistas de América Latina, que en vez de atacar los fundamentos básicos del modelo se centraron en políticas redistributivas, que, si bien contribuyen a limar las aristas más filosas del neoliberalismo, no inciden sobre los problemas estructurales. Dichas políticas fomentan tendencias hacia el estancamiento económico, y no genera empleos productivos para la población que se incorpora todos los años al mercado laboral; en el caso mexicano tenemos una tasa de informalidad 1 (TIL1) en el cuarto trimestre de 2020 del 55.6%, lo que evidencia la precarización laboral en México.

No se puede sacar adelante un proyecto de transformación si lo único que se toma en cuenta es el factor distributivo de la riqueza y no se tiene presente el factor de producción que precede a la distribución, que al menos es lo que se ve en el proyecto económico neoliberal de la llamada 4-a Transformación. "Si la variable producción no se mueve y transforma de cuajo, todo intento por mover la distribución con un mínimo de vigor y solidez, estará fatalmente condenado al fracaso... igualar desarrollo a extinción de la pobreza y disociarlo del crecimiento de la productividad y del PIB, es confundir buenos deseos (y juicios de valor bastante mágicos), con realidades objetivas" [21].

En el Plan Nacional de Desarrollo del gobierno de AMLO se sosténía: “El fortalecimiento de los principios éticos irá acompañado de un desarrollo económico que habrá alcanzado para entonces una tasa de crecimiento de 6 por ciento, con un promedio sexenal de 4%. La economía deberá haber crecido para entonces más del doble que el crecimiento demográfico. De tal manera, en 2024 el país habrá alcanzado el objetivo de crear empleos suficientes para absorber la demanda de los jóvenes que se estén incorporando al mercado laboral. Los programas de creación de empleos y de becas para los jóvenes habrán surtido su efecto y el desempleo será mínimo; la nación contará con una fuerza laboral mejor capacitada y con un mayor grado de especialización. Ningún joven que desee cursar estudios de licenciatura se quedará fuera de la educación superior por falta de plazas en las universidades y ninguno estará condenado al desempleo, al subempleo o a la informalidad” [22]. Sin embargo, hasta ahora ha quedado en buenos deseos, ya que el comportamiento del PIB en los dos primeros años de AMLO es negativo, se ha perdido y se ha precarizado el empleo.

A raíz de los pobres resultados en materia de crecimiento económico, en el gobierno de AMLO se insiste en que el PIB no es importante y lo que interesa es la felicidad y el desarrollo. Sin embargo, si bien puede haber un crecimiento empobrecedor, donde los frutos del crecimiento se concentren en la cúspide de la pirámide de ingresos y los pobres sigan igual o peor, también se puede dar un crecimiento con mejor distribución del ingreso, que “si se sostiene en un período razonable de tiempo, puede conducirnos al desarrollo”. [10] Es decir, el crecimiento es una condición necesaria, aunque insuficiente para el desarrollo, pero no puede haber desarrollo sin crecimiento. El problema se viene a profundizar con la pandemia, ya que hasta ahora, en los primeros dos años del gobierno de AMLO se tiene un decrecimiento económico del -0.3% en 2019 y del -8.5% en 2020; la caída del PIB de 2020 es la peor desde 1932 (88 años). Si se sigue por el mismo sendero, seguramente estaremos ante un sexenio perdido y al final de la gestión de AMLO tendremos un decrecimiento del PIB y un descenso aun mayor del PIB per cápita.

En cuanto al tema laboral también tenemos datos negativos. De acuerdo a la Encuesta Nacional de Ocupación y Empleo (ENO), en el cuarto trimestre de 2019 había un total de 55.7 millones de trabajadores ocupados en el país, mientras en el cuarto trimestre de 2020, 53.3 millones. Es decir, se habían perdido casi 2.4 millones de empleos en 2020 [23] En términos de empleo formal registrados ante el Instituto Mexicano del Seguro Social (IMSS), de diciembre de 2019 a diciembre de 2020 se han perdido 647.7 mil puestos laborales, de los cuales 560.5 mil eran permanentes y 87.2 mil eran eventuales [24].

En términos generales se puede decir que sí hay ciertos cambios. No obstante, no tocan el fondo del modelo económico. Más bien tienen que ver con algunos aspectos como, por ejemplo, es la decisión de frenar la reforma energética, que sería la mayor reversión hasta ahora de las reformas de hidrocarburos que terminaron con el monopolio petrolero del Estado en 2013 y 2014. Desde que asumió el cargo en 2018, el presidente ha estado tratando de reducir la apertura de la industria energética de México al sector privado [25]. El mismo AMLO ha declarado, que no va a derogar la reforma energética de Peña, sino a quitarle las “aristas más filosas” [26].

En el asunto de la reforma al outsourcing, implementó cambios a las leyes del Trabajo, del Infonavit, el Código Fiscal, la ley del ISR, del IVA y la Ley Federal

Хорхе Альберто Лопес Аревало

de los Trabajadores al Servicio del Estado, así como al Apartado B del artículo 123 de la Constitución [27]. En este caso se puede afirmar, que hubo cambios importantes, pues se pasa a formalizar a un número considerable de trabajadores subcontratados que no tenían seguridad social ni prestaciones laborales.

De modo que el primer experimento de un gobierno mexicano que se cree de centro-izquierda, no aplica una política económica incluso de corte poskeynesiana o desarrollista, sino que sigue actuando dentro del mismo modelo neoliberal con pequeños arreglos de forma y no de fondo. En menos de 4 años se verá el balance de dicha política económica en materia de crecimiento económico, empleo, desigualdad en la distribución del ingreso y pobreza.

CONCLUSIONES

Los resultados esperados durante el período de AMLO serán los mismos que los de gobiernos anteriores, es decir, mediocres. El gobierno de AMLO tuvo la mala suerte de que le tocara la pandemia, que agrava la situación que impera en los ámbitos económico y sanitario, dados los efectos del confinamiento sobre la economía mexicana y mundial. No se han efectuado acciones contra-cíclicas, a pesar de tener espacio fiscal para hacerlo y que Banco de México pudo haber comprado deuda gubernamental a tasa casi 0%. Se ha basado en la errónea idea de que debido al confinamiento la crisis era de oferta y no una de demanda. Sin embargo, si bien en un primer momento se presentó como una crisis de oferta, luego se convirtió en una de demanda. El desempleo se generó por el confinamiento alcanzando la escandalosa cifra de 12 millones de desempleados en abril de 2020, para los cuáles no hubo seguro de desempleo temporal ni nada por el estilo. Además, muchas pequeñas y medianas empresas cayeron en quiebra.

AMLO sigue teniendo altos índices de aceptación entre la población mexicana. Pero esa popularidad puede irse perdiendo en la medida de que la ciudadanía vea empeoradas sus condiciones de vida por la dureza de la crisis económica y por el incremento de los niveles de pobreza que ya fueron adelantados por Coneval. “El ingreso laboral real mostró una disminución de 2.5% entre el cuarto trimestre de 2019 y el cuarto trimestre de 2020. Lo anterior aumentó la pobreza laboral (porcentaje de la población con un ingreso laboral inferior al valor de la canasta alimentaria) de 37.3% a 40.7% en este periodo” [28].

Sin cambio en la política económica no hay posibilidades de contar con resultados diferentes. Estamos en la antesala de un sexenio perdido para la economía mexicana que puede, a pesar de los buenos deseos del gobierno de AMLO, empeorar los niveles de pobreza y de la distribución del ingreso, de por sí ya muy altos en México. Hasta ahora, se ha demostrado en el mundo que no hay mejor herramienta para disminuir la pobreza y la desigualdad que una política fiscal que impulse el crecimiento con mayor equidad. El crecimiento económico que requiere un fuerte esfuerzo de inversión productiva por parte del Estado es la única forma de enfrentar las causas estructurales de la pobreza. El asistencialismo puede ser un paliativo, pero no resuelve el problema de la pobreza, tiene un sesgo anti-productivo y genera la conciencia social de limosnero. Si AMLO fracasa en la tarea de lograr el crecimiento económico y disminuir la desigualdad y la pobreza, las consecuencias serán nefastas. A ese desgaste está apostando la derecha mexicana que procedería a llevar a

Экономическая политика так называемой четвертой трансформации cabo una reversión autoritaria, como ha ocurrido en los países de América Latina que tuvieron gobiernos de centro-izquierda.

BIBLIOGRAFÍA / REFERENCES

1. López Arévalo, Jorge. *La globalización neoliberal en Chiapas*, Tuxtla Gutiérrez, Chiapas, Editorial Universidad Autónoma de Chiapas (UNACH), 2007, p. 511.
2. de Gori, Esteban, “AMLO y las cuatro transformaciones de México”, CELAG.ORG, 2020, disponible en línea: <https://www.celag.org/amlo-y-las-cuatro-transformaciones-de-mexico/> [Consultado el 23/04/2021].
3. Alemán, Jorge, Horizontes neoliberales en la subjetividad, Buenos Aires, Argentina, Editorial Grama, 2016, 192 p.
4. López Arévalo, Jorge, El sector agrícola de Chiapas frente al Tratado de Libre Comercio de América del Norte, Universidad Autónoma de Chiapas, Tuxtla Gutiérrez, Chiapas, México, 1996.
5. Berzosa, C., Los nuevos competidores internacionales. Hacia un cambio en la estructura industrial mundial, Madrid, España, ediciones Ciencias Sociales, 1991.
6. Stiglitz, J., *El malestar en la globalización*, México, D. F., editorial Taurus, Alfaguara (primera reimpresión, marzo de 2003).
7. Guillén Romo, Héctor, *La contrarrevolución neoliberal*, México, D. F., editorial ERA, 1997.
8. Guillén Romo, Héctor, “El Consenso de Washington en México”, *Investigación económica*, México, D. F., UNAM, Facultad de Economía, N.207, 1994, pp. 29-44.
9. Salinas de Gortari, C., *VI Informe de gobierno, Balance sexenal*, México, D.F., Presidencia de la República.
10. Valenzuela, Feijóo, José, “Sobre a economía moral como núcleo ideológico de AMLO”, Florianópolis, CELA, UFSP, 2020. Disponible en: <<http://ielo.ufsc.br/Sobre%20a%20economia%20moral%20como%20n%C3%A9C3%BAcleo%20ideol%C3%BDgico%20de%20AMLO>> (consultada 5/4/2021).
11. SAT (Servicio de Administración Tributaria), “La recaudación tributaria aumentó durante 2020 pese a la pandemia”, Ciudad de México, 24 de enero [en línea] <<https://www.gob.mx/sat/prensa/la-recaudacion-tributaria-aumento-durante-2020-pese-a-la-pandemia-014-2021>>
12. Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL), Panorama Fiscal de América Latina y el Caribe, 2021 (LC/PUB.2021/5-P), Santiago de Chile, Editorial CEPAL, 2021.
13. Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL), Panorama Fiscal de América Latina y el Caribe, 2020 (LC/PUB.2020/6-P), Santiago de Chile, Editorial CEPAL, 2020.
14. López Arévalo, Jorge, “China y el T-MEC”, *Asia Link América Economía*, 2019, disponible en: <<https://asialink.americaeconomia.com/columna/china-y-el-t-mec>> (Consultado el 18/01/2021).
15. Sovilla, Bruno, Morales Sánchez, Elmar, & Gómez Méndez, K., “Trabajo garantizado y política salarial para reducir la pobreza en México”. Ciudad de México, *El Trimestre Económico*, 88(349), 2021, pp. 5-37.
16. Base de datos del Banco Mundial, “Indicadores de Desarrollo Mundial”, disponible en: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (16 de diciembre de 2020 y el 26 de mayo de 2021).
17. Moreno Brid, Juan Carlos & Jamel Kevin, Sandoval & Valverde, Ismael, “Tendencias y ciclos de la formación de capital fijo y la actividad productiva en la economía mexicana, 1960-2015,” *Estudios y Perspectivas – Sede Subregional de la CEPAL en México 170*, Naciones Unidas Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL), 2016.
18. Valenzuela Feijóo, José, *¿De la crisis neoliberal al nacionalismo fascistoide?* México y Estados Unidos, cap. VIII. UAM-CEDA, México, (2º edic.), 2017.
19. Williamson, John, “What the Washington Consensus Means by Policy Reform”. J.Williamson (ed.) *Latin America Adjustment: How Much has Happened*. Washington D.C.: The Institute for International Economics, 1990.
20. Morandé L, Felipe. “A casi tres décadas del Consenso de Washington ¿Cuál es su legado en América Latina?”. *Estudios internacionales* Santiago de Chile, 48(185), 2016, p. 34, disponible en: <<https://dx.doi.org/10.5354/0719-3769.2016.44553>> (Consultado el 07/02/2021).

Хорхе Альберто Лопес Аревало

21. Valenzuela Feijóo, José, “Distribución, producción, crecimiento. (Articulaciones básicas)”, *Revista Conciencias* del Instituto Nacional de Formación Política de Morena, Ciudad de México, 2020.
22. Presidencia de la República, *Plan Nacional de Desarrollo 2019-2024*. disponible en: <<https://lopezobrador.org.mx/wp-content/uploads/2019/05/PLAN-NACIONAL-DE-DESARROLLO-2019-2024.pdf>> (Consultado 03/01/2021).
23. Encuesta Nacional de Ocupación y Empleo (ENO, Encuesta Nacional de Ocupación y Empleo (ENO), Indicadores Trimestrales (15 años y más), disponible en: <<http://www.stps.gob.mx/gobmx/estadisticas/enoetrim15.htm>> [Consultado el 22/02/2021].
24. IMSS. Puestos de trabajo registrados en el IMSS, 2021, disponible en: <http://siel.stps.gob.mx:303/ibmcognos/cgi-bin/cognos.cgi?b_action=cognosViewer&ui.action=run&ui.object=XSSSTART*2fcontent*2ffolder*5b*40name*3d*27Sito*20STPS*27*5d*2ffolder*5b*40name*3d*271.*20Asegurados*20en*20el*20IMSS*27*5d*2freport*5b*40name*3d*27Total*20de*20Trabajadores*27*5dXSSEND&ui.name=XSSSTARTTotal*20de*20TrabajadoresXSSEND&run.outputFormat=&run.prompt=true> (Consultado el 22/02/2021).
25. de Haldevang, Max, “AMLO envía iniciativa para aumentar poder de Pemex y dar 'golpe mortal' a reforma energética de Peña”, *Bloomberg El Financiero*, 26/03/2021, disponible en línea: <<https://www.elfinanciero.com.mx/economia/amlo-envia-iniciativa-para-aumentar-poder-de-pemex-y-dar-golpe-mortal-a-reforma-energetica-de-peña/>> (Consultado el 23/04/2021).
26. El Financiero, “No vamos a derogar reforma energética de Peña, sino a quitarle las aristas más filosas: AMLO”, El Financiero 29/03/2021, disponible en línea: <<https://www.elfinanciero.com.mx/economia/no-vamos-a-derogar-reforma-energetica-de-peña-sino-a-quitarle-las-aristas-mas-filosas-amlo/>> (Consultado el 22/04/2021).
27. El Financiero (2021a). “Punto final a reforma de subcontratación”, El Financiero 21/04/2021, disponible en línea: <<https://www.elfinanciero.com.mx/economia/2021/04/20/senado-aprueba-en-lo-general-reformas-sobre-outsourcing/>> (Consultado el 23/04/2021).
28. Coneval. “El CONEVAL presenta información referente al índice de la tendencia laboral de la pobreza (ITLP) al cuarto trimestre de 2020”, 2021, disponible en línea: <https://www.coneval.org.mx/Medicion/Paginas/ITLP-IS_resultados_a_nivel_nacional.aspx> (Consultado el 22/02/2021).

Jorge Alberto Lopez Arevalo (jalachis@hotmail.com)

PhD in Applied Economy, professor at the Faculty of Social Sciences, Autonomous University of Chiapas

The economic policy of the self-proclaimed 4th transformation in Mexico

Abstract: The government of Andrés Manuel López Obrador set off many expectations in Mexico and in Latin America about a change of course for Mexico, it was thought that the neoliberal economic policy that had characterized Mexico since 1983 would be left behind. In 1983 Mexico undertook a structural change in its economy, characterized by three basic aspects: the consolidation of public finances; privatization of public companies; trade liberalization. This economic policy remains on its basic foundations and the results are being aggravated by the Covid-19 pandemic. Currently a roadmap that leads to dismantling the neoliberal model in Mexico is nowhere to be seen, even though it is lashed out and held responsible for the country's economic, political and social problems almost every day.

Key words: Economic policy, neoliberalism and economic growth.

DOI: 10.31857/S0044748X0015305-4

Received 31.01.2021.

Juan Pablo Prado Lallande

La política exterior mexicana del presidente Andrés Manuel López Obrador

**Ascendente relevancia vs estricta selectividad en
tiempos de la 4-a transformación**

Resumen: Con base en el axioma de que “la mejor política exterior es la interior” el presidente de México, Andrés Manuel López Obrador, planteó que las relaciones internacionales del gobierno mexicano ocuparían un sitio discreto en su administración. Sin embargo, debido a factores externos, la política exterior ocupa espacios cada vez más relevantes en la agenda presidencial. El propósito del artículo es hacer una revisión de los antecedentes, planteamientos, desafíos, acciones y resultados más significativos de la política exterior de López Obrador del 2019 a abril de 2021. Se sostiene que, a diferencia de lo estipulado, la relevancia de la política exterior en este gobierno es ascendente, aunque aborda temas de manera selectiva, lo cual genera tanto logros como desafíos para este país latinoamericano.

Palabras clave: México, política exterior, Andrés Manuel López Obrador, migración, Centroamérica, Estados Unidos, Covid-19.

DOI: 10.31857/S0044748X0015306-5

Внешняя политика президента Мексики Андреаса Мануэля Лопеса Обрадора

**Растущая значимость vs строгий отбор в период
4-ой трансформации**

Исходя из аксиомы «лучшая внешняя политика — это внутренняя политика», президент Мексики Андрес Мануэль Лопес Обрадор заявил, что международные

Juan Pablo Prado Lallande — profesor-investigador, Benemérita Universidad Autónoma de Puebla, México. Miembro del Sistema Nacional de Investigadores (ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4036-9964>, Juanp.prado@correo.buap.mx).

Хуан Пабло Прадо Лальянде

отношения мексиканского правительства займут отдельное место в политике его администрации. Однако в силу извне приходящих факторов удельный вес внешней политики в президентской повестке неуклонно возрастает. Автор стремится выявить наиболее значимые цели и вызовы, а также проанализировать направления внешнеполитического курса Лопеса Обрадора с 2019 г. по апрель 2021 г. Он полагает, что актуальность внешней политики для нынешнего правительства растет, хотя она носит конъюнктурный характер. Это приводит к ощущенным достижениям, но в то же время порождает противоречия, что ставит Мексику в двойственное положение.

Ключевые слова: Мексика, внешняя политика, Андрес Мануэль Лопес Обрадор, миграция, Центральная Америка, США, Covid-19.

DOI: 10.31857/S0044748X0015306-5

Статья поступила в редакцию 07.02.2021.

Antes y al inicio de su gobierno el presidente Andrés Manuel López Obrador adelantó que la política exterior no sería prioritaria durante su sexenio, dado que los asuntos domésticos concentrarían los esfuerzos gubernamentales, bajo el axioma de que “la mejor política exterior es la interior”. En este sentido, López Obrador planteó que las relaciones internacionales del gobierno mexicano ocuparían un sitio discreto respecto a otras políticas públicas, las cuales tienen como máxima revertir la inequidad en México, así como combatir la corrupción, en aras de fomentar una economía moral a favor de los más vulnerables. Este proyecto quedó denominado “Cuarta Transformación” (4T) del país.

Sin embargo, desde el inicio de esta nueva etapa en México, factores externos provocaron que la política exterior va ocupando espacios cada vez más relevantes en la agenda del régimen gobernante, el cual se caracteriza por un fuerte presidencialismo, encarnado en el Jefe del Ejecutivo. Conforme lo argumenta el Constructivismo, el presidente dirige al país con base en sus constructos individuales, mientras que, con base en los fundamentos del Nuevo Liberalismo de las Relaciones Internacionales, López Obrador representa las preferencias nacionales en el entorno internacional, cuya influencia, es capaz de moldear el comportamiento del gobierno mexicano en el espacio exterior. Tal circunstancia ocasiona que la importancia de la política exterior del gobierno en cuestión aumenta en asuntos y regiones definidas. Es decir, la política exterior del presidente López Obrador se define por su ascendente relevancia vs su estricta selectividad temática y espacial, lo cual genera tanto réditos como elementos de oportunidad.

Con base en esta consideración general el propósito del artículo es hacer una revisión de los antecedentes, planteamientos, desafíos, acciones y resultados más significativos de la política exterior del presidente Andrés Manuel López Obrador, de diciembre de 2018 a abril del año 2021.

La metodología utilizada en este artículo es de corte analítico, histórico, teórico y empírico, que al recurrir al método deductivo, divide al texto en cuatro secciones. En la primera se resumen los antecedentes, percepciones generales, señalamientos en campaña del presidente López Obrador, así como los lineamientos programáticos del gobierno citado sobre la política exterior.

Хуан Пабло Прадо Лальянде — исследователь Автономного университета г. Пуэбла, Мексика (ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4036-9964>, Juanp.prado@correo.buap.mx).

Tras ello, la segunda sección se avoca a contextualizar el convulso entorno internacional que llevó a López Obrador a reevaluar —y reposicionar— el papel de la política exterior mexicana como componente clave de su gobierno, en donde los asuntos comerciales, migratorios y sanitarios ocupan los principales referentes. Dado lo anterior, la tercera parte analiza las acciones con respecto a los ejes programáticos previamente definidos por el gobierno. En las consideraciones finales se sostiene que, a diferencia de lo estipulado al inicio del sexenio, la política exterior en este gobierno configura un componente de ascendente relevancia de la acción gubernamental en el gobierno de López Obrador.

ANTECEDENTES Y EJES PROGRAMÁTICOS DE LA POLÍTICA EXTERIOR MEXICANA DEL PRESIDENTE LÓPEZ OBRADOR

Andrés Manuel López Obrador es un carismático político originario del estado de Tabasco (sureste del país), quien en el año 2000 ganó las elecciones locales para presidir al Distrito Federal, la capital mexicana. Durante aquellos cinco años de ejercicio, Obrador se dedicó a realizar obras de infraestructura y programas sociales. En sentido inverso, la instancia dedicada a atender los asuntos internacionales de la metrópoli fue perdiendo peso en la estructura del gobierno ciudadano, al grado de que la Dirección de Asuntos Internacionales fue eliminada [1, p. 72].

Esta experiencia mostró el reducido interés de Obrador por lo internacional, actitud que tomó fuerza durante la campaña presidencial en el año 2018. Ese enfoque lo reiteró en su primera intervención durante el segundo debate de candidatos presidenciales [2]. Tal estrategia también le distanció del candidato oficial, afín al presidente Enrique Peña Nieto, quien se caracterizó por realizar múltiples viajes alrededor del mundo. La narrativa de Obrador se basa en que resulta imperante lograr un cambio en México, no solo de gobierno, sino de régimen político, en donde el Estado pase a ser el actor principal del desarrollo para promover la justicia social” [3, pp. 102, 63, 136, 141].

Una vez que Obrador obtuvo una avasalladora victoria en las urnas, con más del 53% de los votos, su programa de gobierno, arraigado en los fundamentos políticos e ideológicos sintetizados en el párrafo anterior, decantó en el Plan Nacional de Desarrollo, 2019—2024 (PND). El Plan dedica un limitado espacio de cinco párrafos a la política exterior, cuyo respectivo apartado (“Política exterior: recuperación de los principios”), marca la visión del mandatario sobre este tópico.

En primer lugar, tras criticar al neoliberalismo, el segundo párrafo declara el compromiso para que la política exterior se arraigue en los principios rectores establecidos por la Constitución¹. Destaca que el PND no alude a preceptos convencionales en asuntos internacionales, como la globalización, gobernanza global o multilateralismo. Tampoco lo hace con respecto a los organismos en los cuales México es parte (la ONU, OEA, etc.). A su vez, se omiten lineamientos sobre esquemas regionales, ni tampoco hace lo propio con aquellos mecanismos subregionales que creó México, como el Proyecto Mesoamérica, la Alianza del Pacífico, etc.

¹ La autodeterminación de los pueblos; la no intervención; la solución pacífica de controversias; la proscripción de la amenaza o el uso de la fuerza en las relaciones internacionales; la igualdad jurídica de los Estados; la cooperación internacional para el desarrollo; el respeto, la protección y promoción de los derechos humanos y la lucha por la paz y la seguridad internacionales.

Se dice: “En donde sí se evidencia mayor énfasis es en el compromiso para ofrecer cooperación a América Latina y el Caribe, a favor de la integración, al subrayar que: En este gobierno México ratifica su pertenencia histórica y cultural a esa región e impulsará con énfasis los intercambios económicos, culturales, científicos y tecnológicos que abonen a la causa de la integración latinoamericana. Esta disposición será especialmente marcada hacia las naciones centroamericanas, con las cuales hay estrechos vínculos por vecindad, cercanía, cultura e historia compartida” [4, p. 29].

Se hace referencia a la adscripción geográfica de México como parte de Norteamérica, en donde, junto con los Estados Unidos y Canadá, se mantiene una zona de libre comercio mediante el T-MEC, ratificado por México el 13 de diciembre de 2019 (por cierto, uno de los primeros actos de política exterior del gobierno progresista). Llama la atención el señalamiento en cuanto a que la relación con esas naciones estipula “la principal prioridad de la política exterior” [4, p. 29], aunque también recuerda que, con la Unión Americana, la relación se circunscribe a “...una historia de invasiones, despojo territorial e intervenciones, pero también por un intenso intercambio económico, cultural y demográfico” [4, p. 29].

De acuerdo al documento, “Por tal razón, se plantea que El Ejecutivo federal buscará que la relación bilateral con Estados Unidos se conduzca con base en el respeto mutuo, la cooperación para el desarrollo y la búsqueda negociada de soluciones a problemas comunes, entre los cuales los más significativos son sin duda los fenómenos migratorios de Sur a Norte, las situaciones adversas que enfrentan millones de mexicanos que viven en el país vecino” [4, p. 29].

La sección que sucede a la de la política exterior se denomina “Migración: soluciones de raíz”, lo cual hace ver la íntima conexión entre ambos temas en la política pública del sexenio en comento. Luego de señalar que el gobierno nacional hará lo que le compete para mejorar las condiciones de vida en México y así evitar migraciones forzadas por parte de mexicanos al norte, también adelanta que les defenderá con instrumentos legales mediante su red de consulados en Estados Unidos.

El conector entre política exterior y migración se centra en el espacio centroamericano, en particular respecto a El Salvador, Honduras y Guatemala, principales expulsores de esta tipología de población hacia Norteamérica. El documento programático enfatiza que, para enfrentar este fenómeno, se buscará involucrar a los Estados Unidos y a los referidos tres Estados al sur de la frontera mexicana “en la construcción de mecanismos de reactivación económica, bienestar y desarrollo capaces de desactivar el fenómeno migratorio” [4, pp. 30-31]. Por último, el PND indica que “México ha retomado su tradición de país hospitalario, tierra de asilo e integrador de migraciones” y que, en ese sentido, “El Ejecutivo Federal aplicará las medidas necesarias para garantizar que los extranjeros puedan transitar con seguridad por el territorio nacional o afincarse en él” [4, p. 32].

La visión del presidente López Obrador en materia de política exterior se arraiga en las dos regiones colindantes con el territorio nacional, al Norte y al Sur de sus fronteras, siendo el tema de migración el principal componente de sus relaciones con ellas. Lo señalado confirma que la planificación de la política exterior en el gobierno *lopezobradorista* obedece al criterio del mandatario de que los asuntos internos prevalecen respecto a los externos. Dicho concepto decanta en un ejercicio de carácter selectivo en donde los referentes principales son las

fronteras, el desarrollo y la migración. En consecuencia, el PND omite temas relevantes, como la interacción con Asia, Europa en un concierto internacional multipolar y polisémico, en donde convergen distintos asuntos, retos y objetivos globales (como la seguridad y la Agenda 2030 de Desarrollo Sostenible).

Varios de esos “vacíos” se atienden en el Programa Sectorial de Relaciones Exteriores (2020—2024), cuyo párrafo que sintetiza la sinergia entre los elementos centrales sobre política exterior indica que “México impulsa el Plan de Desarrollo Integral El Salvador-Guatemala-Honduras-México (...) para brindar la debida atención a las causas estructurales de la migración forzada”, por lo que el segundo objetivo prioritario de ese Programa es, precisamente, “Lograr que la política de cooperación internacional para el desarrollo y de promoción de México en el exterior contribuyan al desarrollo humano sostenible de México y de nuestros socios, con prioridad en Centroamérica” [5].

ANTECEDENTES, EXPERIENCIAS Y CARACTERÍSTICAS DE LA POLÍTICA EXTERIOR MEXICANA EN TIEMPOS DE LA 4T

Como ocurre en cualquier país, los lineamientos programáticos de toda política pública se radican en los conceptos ideológicos y políticos del partido en el poder y líder en turno. Sin embargo, deben adaptarse a los cambios internos y externos durante el período de gobierno en cuestión.

En eso se sustenta una de las premisas clave del Constructivismo de las Relaciones Internacionales, al asentar que las estructuras de la política internacional son, en esencia, sociales y no solo materiales. Estas estructuras sociales, al influir en las percepciones de los gobernantes sobre la “realidad” internacional, condicionan los intereses, los valores, la ideología y las percepciones de los actores internacionales. Eso significa que los intereses nacionales de los países son producto de las construcciones sobre lo que sus estadistas perciben respecto al contexto nacional e internacional. Estas estructuras sociales consisten en comprehensions, expectativas y conocimientos compartidos que, en su conjunto, generan las características y naturaleza de las relaciones entre los actores del sistema internacional. Ya que para los constructivistas el elemento moral en las relaciones internacionales distingue a las estructuras sociales, es plausible que los países realicen acciones fundamentadas en valores e intereses, a través de determinados medios y capacidades [6]. De ahí que cooperar con otros actores internacionales conforma una actitud natural — y moral — que conduce el comportamiento de los actores internacionales, incluso de los gobiernos nacionales [7; 8].

En este punto el Nuevo Liberalismo de las Relaciones Internacionales conecta con la premisa anterior, en el sentido de que la clave de análisis se ubica en las condiciones internas de los Estados. Tales factores domésticos son los ingredientes o instrumentos necesarios que inspiran a los gobiernos a definir sus preferencias en el escenario internacional. Ello explica que las preferencias de los Estados, entendidas como el “interés nacional fundamental”, configuran la principal variable para comprender cómo un determinado país se comporta en el contexto internacional, en donde se privilegia la cooperación respecto a los contenciosos [9, 4]. El actuar internacional de un Estado se debe a las preferencias nacionales, las cuales a

Хуан Пабло Прадо Лальянде

su vez se moldean por la influencia externa, haciendo de la interacción entre lo interno y externo un proceso cíclico [10, pp. 159-204; 11].

Como es notorio, ambos planteamientos contribuyen a explicar la visión moral de López Obrador, tanto en el espacio nacional como en el internacional, así como su propensión a colaborar con terceros Estados; tendencia que se refuerza de cara a la influencia proveniente del exterior que le comina adaptar sus programas iniciales de gobierno, a efecto de compatibilizarlos con respecto al proceder de otros países (las presiones provenientes de los Estados Unidos como reacción a la migración centroamericana).

En el caso mexicano, una serie de factores externos modificaron el escenario internacional en el que López Obrador asentó la proyección de su gobierno. Ello ocasionó que su política exterior sea híbrida, en el sentido de instrumentarse, no únicamente con base en los fundamentos principistas y legalistas previamente referidos, sino que recurre también a ejercicios pragmáticos, a efecto de adaptarse a las cambiantes circunstancias y desafíos internos y foráneos.

Fueron dos los principales sucesos que desde el extranjero impactaron de manera determinante en el ejercicio de la política exterior del gobierno en turno. En primer lugar, los agresivos mensajes y amenazas por parte del entonces presidente estadounidense Donald Trump en contra de México. En segundo lugar, como ocurre a escala planetaria, el repentino advenimiento del *SARS Cov-2*, que incidió de manera determinante en la política exterior, cuya veloz propagación cimbró los ideales y perspectivas del gobierno federal en virtud de la crisis sanitaria y económica en el país azteca.

El cúmulo de declaraciones hostiles proferidas por Trump en contra de México por cuestiones de la seguridad, el crimen organizado y los inmigrantes en suelo estadounidense decantó en un ultimatum. El 30 de mayo de 2019 el controvertido mandatario amenazó con imponer un arancel del 5 al 25%, si México no lograba descender el número de migrantes ilegales centroamericanos en su desplazamiento hacia los Estados Unidos (desde el año 2018 los flujos migratorios no han dejado de aumentar, poniendo a México en desventaja, al verse obligado a recibir y asistir a los migrantes de Centroamérica que no logran cruzar la frontera o son devueltos a tierra mexicana por las autoridades norteamericanas) [12, p. 79].

“La cooperación pasiva de México para permitir esta incursión masiva constituye una emergencia y amenaza extraordinaria para la seguridad nacional y la economía de Estados Unidos” [13], señaló la directiva presidencial que, con base en el Acta de Emergencia Económica, sustentó la medida coercitiva.

Fue entonces cuando se encendieron las luces de alarma, no solo en el gobierno, sino en el país entero, dado que el T-MEC, recién ratificado por México, peligraba; en particular si se considera que el PIB de este país latinoamericano depende en cerca de un 70% de su comercio exterior [14], el cual tiene como destino alrededor del 80%, precisamente, a la Unión Americana [15]. En el marco de la interdependencia compleja, de carácter asimétrica entre México y Estados Unidos, las sanciones disminuirían inversiones y, desde luego mermarían al comercio bilateral, en detrimento de ambos países, pero, en mayor medida en el primero, dada su mayor vulnerabilidad.

El gobierno nacional reaccionó, enviando de inmediato al secretario de Relaciones Exteriores, Marcelo Ebrard, a Washington a negociar, en aras de

evitar el temido desenlace. Tras las negociaciones, el gobierno de los Estados Unidos emitió un comunicado, en el cual asentaba que ese país suspende indefinidamente las tarifas propuestas, debido a que “México, a cambio de ello, aceptó tomar duras medidas para bloquear las olas de migración a través de su país y en su frontera Sur. Ello se hará para reducir de manera significativa o eliminar la inmigración ilegal desde México hacia Estados Unidos” [16].

De igual manera se difundió la Declaración Conjunta México-Estados Unidos. Al corroborar lo anterior, el documento añadía que “México incrementará significativamente su esfuerzo de aplicación de la ley mexicana a fin de reducir la migración irregular, incluyendo el despliegue de la Guardia Nacional (GN) en todo su territorio nacional, dando prioridad a la frontera sur”. En ese tenor, se subraya que “... aquellos que crucen la frontera sur de Estados Unidos para solicitar asilo serán retornados sin demora a México, donde podrán esperar la resolución de sus solicitudes de asilo” [17].

Como es claro, más allá de los ejes programáticos de México previamente referidos, en esta ocasión, bajo la presión estadounidense, la política exterior de México de manera pragmática aceptó atender a las disposiciones establecidas por su contraparte, mediante las cuales México se compromete a cumplir con sus leyes migratorias, desplegar a cerca de 27 mil efectivos de la Guardia Nacional para prohibir la entrada de migrantes, así como actuar “de facto” como el receptor de los migrantes rechazados en su frontera norte, a cambio de no ser sujeto de las sanciones comerciales arriba descritas.

Una vez Joe Biden asumió el cargo presidencial, ocurrió otro relevante suceso en virtud de nuevas olas migrantes y de cara a la crisis sanitaria generada por la *Covid-19*. Tras semanas de solicitudes por parte de México para que la autoridad norteamericana le enviara vacunas contra esa enfermedad y frente al incremento de migrantes centroamericanos (muchos de estos niños no acompañados), una hora después de que se desplegaran nuevos efectivos de la Guardia Nacional en la frontera con Guatemala, el gobierno de Estados Unidos anunció que “prestaría” 2.7 millones de vacunas al gobierno mexicano [18]. El 13 de abril de 2021, el tema escaló al grado de que supuestamente Estados Unidos logró un acuerdo con México, Guatemala y Honduras para que esos Estados “blinden” sus fronteras para así evitar escaladas migrantes hacia su territorio. “El objetivo es hacer más difícil la travesía y dificultar aún más el cruce de las fronteras”, expresó la vocera de la Casa Blanca [19]. La visita que Kamala Harris, vicepresidenta estadounidense, hará a México el 8 de junio de 2021, será una evidencia adicional del desafío que le significa a México la tesitura anti inmigrante por parte de la administración Biden. México parece aceptar y cumplir las crecientes exigencias de la nueva administración estadounidense, tal y como lo hizo en la era Trump.

Para afrontar este asunto trascendental para la política exterior mexicana, desde el primer día de su mandato, el presidente López Obrador comunicó que México pondría en marcha el Plan de Desarrollo Integral del Norte de Centroamérica (PDI). Dicha iniciativa había sido elaborada por la Comisión Económica para América Latina y el Caribe [20] y prevé cerca de 50 acciones de distinta naturaleza dirigidas a impulsar mejores condiciones en la región. En ese marco, México se comprometió a poner en marcha dos programas, tendientes a aminorar las brechas de desigualdad y con ello promover la tan necesaria justicia

Хуан Пабло Прадо Лальянде

social. Estos programas son “Sembrando Vidas”² y “Jóvenes Construyendo el Futuro”³, los cuales, de hecho, se incluyen en el PND. La novedad es que estos programas, financiados de manera integral con recursos públicos mexicanos, tendrán un presupuesto anual de 100 millones de dólares, a ser entregados en partes iguales y de manera directa a salvadoreños, hondureños y guatemaltecos; todo ello en línea con los postulados establecidos en el PND antes referido. El que las acciones colaborativas de México estén enfocadas en estos tres Estados, que son los principales expulsores de migrantes, y no en toda Centroamérica, es una muestra de la selectividad de la política exterior mexicana en el gobierno *lopezobradorista*. Tal actuación si bien permite enfocarse en países estratégicos, puede distanciar a México de los demás integrantes de la región.

Otra implicación respecto a ambas intervenciones cooperativas mexicanas en el norte centroamericano es su corta visión, en cuanto al olvido de aquellos factores estructurales que incitan a los beneficiarios a emigrar, como la seguridad, salud, educación, vivienda, instituciones adecuadas, deterioro ambiental, políticas públicas redistributivas, etc.; temas que también aborda el PDI, pero que, al momento actual, el gobierno mexicano no parece incorporar en su estrategia hacia esa triada de países.

Es interesante que en marzo de 2021, Alejandro N. Mayorkas, secretario de Seguridad Interior estadounidense, señaló que, junto con las medidas restrictivas en contra de la inmigración ilegal, la presidencia de su país tiene contemplado suministrar 4 mil millones de dólares a Centroamérica para financiar proyectos de desarrollo que desmotiven a sus pobladores a movilizarse hacia el norte [21].

Como antesala a la cumbre climática, realizada el 22 y 23 de abril de 2021 bajo la égide de los Estados Unidos, el presidente mexicano exhortó a que Washington se sumara al programa “Sembrando Vidas” con el fin de ampliar su instrumentación y, a la par, ofrecer visas de trabajo a los beneficiarios [22]. En respuesta, el representante estadounidense expresó que “aunque la agenda de plantar árboles tiene un enorme valor para el medio ambiente [...] no estamos enfocados en la intersección entre ambos asuntos (medio ambiente y migración). Para nosotros, la agenda climática tiene que ser abordada sola, acorde con sus propios méritos y hacerla avanzar, dado que no se trata de una conversación sobre migración” [23]. Es decir, la propuesta, que no había sido negociada en el ámbito diplomático de manera previa, fue rechazada, lo que representó una apuesta que no favorece a la política exterior mexicana con su principal socio político y comercial. Lo hasta ahora referido da cuenta de un proceso de “migratización” de la política exterior, lo cual es producto de un esfuerzo adaptativo a las presiones que México ha recibido por parte de Trump y Biden.

Como ocurre a escala global, el coronavirus hizo que parte de la política pública en México se reorientara a confrontar la enfermedad y sus secuelas. Con un decrecimiento del PIB en el 10% en el año 2020, el país se halla sumido en una severa crisis sanitaria y humana, que desde luego no estaba contemplada en los planes de López Obrador, por lo que se vio en la necesidad de reformular

² Apoyos financieros, en especie y técnicos para la siembra de árboles frutales, con una cuantía de 250 dólares al mes por beneficiario.

³ Prácticas profesionales en el sector público o privado, con una dotación de 180 dólares mensuales por participante.

distintas acciones oficiales frente a este desafiante escenario. De lo anterior se desprende que la política exterior del gobierno actual es precisamente una experiencia distintiva respecto al fenómeno de la pandemia referido, pasando de ocupar un plano secundario a ostentar espacios estelares en las acciones gubernamentales.

De ahí que la política exterior desde el año 2021 a la fecha se concentra también en la búsqueda del mayor número de vacunas *vs* la Covid-19, para lo cual el canciller Marcelo Ebrard lidera esfuerzos diplomáticos para satisfacer la enorme demanda del medicamento a escala nacional. Es así como la SRE despliega ingentes ejercicios alrededor del mundo en búsqueda del referido antídoto, lo cual le ha permitido a México posicionarse entre los primeros compradores de vacunas procedentes de distintos laboratorios y países. El 22 de abril de 2021, la Cancillería mexicana obtuvo un logro en este asunto: el arribo de más de un millón de vacunas AstraZeneca al país mediante la Iniciativa Covax.

Estas experiencias son ejemplos de la manera en que la política exterior, en congruencia con sus propósitos orientadores, y a la vez, recurriendo a su sentido pragmático, se erige como un mecanismo a favor de las causas, intereses y preferencias nacionales, tal y como lo plantea el Nuevo Liberalismo, oportunamente explicado. Lo anterior es relevante al considerar, que la economía nacional depende en buena medida de la salud de sus habitantes, teniendo en cuenta que México ocupa el tercer lugar a escala mundial por el índice de la mortalidad causada por el coronavirus, solo por debajo de los Estados Unidos y Brasil.

En este mismo sentido, destaca la actuación mexicana en el escenario regional latinoamericano, al ocupar México en los años 2020 y 2021 la presidencia pro tempore de la Comunidad de Estados Latinoamericanos y del Caribe (CELAC), lo cual coincide con los propósitos a favor de la integración, definidas en el PND. Para el gobierno de México, reforzar a la CELAC constituye una prioridad de su política exterior, con miras a fortalecer a la región en el mundo (Cfr. SRE, 4 de febrero de 2020), en donde las acciones colectivas para enfrentar la pandemia han sido uno de los principales ejes de acción de la presidencia mexicana⁴.

Otra muestra representativa de la “covidización” de la política exterior de México se dio el 15 de abril del 2021. Aquel día, durante una reunión virtual de representantes de la CELAC, México propuso entablar colaboración regional orientada a obtener, en el menor tiempo posible, la capacidad e infraestructura necesarias para producir vacunas contra *COVID-19* en laboratorios propios, y, de esa forma, reducir al mínimo la dependencia de insumos extra regionales [25]⁵.

Las compras mexicanas a compañías farmacéuticas de Bélgica, China e India, junto con la rusa Sputnik V, la cual llevó al canciller Ebrard a realizar un

⁴ Por ejemplo, el Plan de Trabajo de la presidencia pro tempore mexicana en la CELAC, en su eje transversal “reactivación económica regional, destaca la “recuperación económica post-pandemia”, a lo que se debe añadir la cooperación mexicana-argentina, cuyo origen fue una reunión virtual de la CELAC, para fabricar y distribuir vacunas para abatir a la *Covid-19* en la región [24].

⁵ Al amparo de la CELAC, México y Argentina celebran importantes acciones de cooperación para, en asociación con la Fundación Carlos Slim, la Universidad de Oxford, producir y envasar vacunas AstraZeneca *vs* la *Covid-19*, tanto para satisfacer sus respectivas necesidades como a efecto de, en su momento, ponerlas a disposición de otros países Latinoamericanos, con excepción de Brasil [24].

Хуан Пабло Прадо Лальянде

viaje de trabajo a Moscú a finales de abril⁶, son pruebas fehacientes de que el grueso de la política exterior nacional se dedica a obtener la ansiada vacuna.

En el plano multilateral la política exterior mexicana anotó un triunfo al ganar asiento en el Consejo de Seguridad de Naciones Unidas, como miembro no permanente en el bienio 2021—2022, gracias al voto unánime de la región. Un hecho que contrasta con esto es que la política exterior mexicana no identifica a la seguridad — y a la cooperación para promoverla — como un eje relevante de su actuar, en particular si se considera que este rubro fue relevante en sexenios previos [27], dada la capacidad del crimen organizado para infiltrarse en distintos ámbitos de la vida nacional.

También en las Naciones Unidas, aunque en esta ocasión desde la Asamblea General, la voz mexicana se alzó para promover la resolución A/RES/74/274 del 21 de abril que exhorta a evitar “...la especulación y la acumulación indebida que puedan obstaculizar el acceso a los medicamentos esenciales, las vacunas, [etc.]” [28]. Esta resolución es también coincidente con los postulados ideológicos y políticos del presidente mexicano, tendiente a promover la inclusión y la justicia social, en este caso desde la perspectiva internacional, en virtud de que, en febrero del 2021, el 75% de las vacunas se concentraron en 10 países [29].

Finalmente, es interesante señalar que el primero y único hasta ahora viaje del presidente López Obrador al extranjero tuvo lugar del 8 al 9 de julio de 2020 a la capital estadounidense para reunirse con Donald Trump. En ese encuentro llamaron la atención sus mensajes y agradecimientos por tratar a México y a su comunidad residente en ese país de manera adecuada, aunque sin olvidar agravios históricos por parte de la Unión Americana a su vecino latinoamericano [30]. La visita fue una expresión del hábil *mélange* de una política exterior programática y pragmática, cuyo fin es evitar contrariedades al país de origen de los migrantes mexicanos, independientemente de las críticas internas que se sucedieron tras el referido encuentro [31].

En sentido inverso, llaman la atención 26 visitas a México realizadas por Jefes de Estado y de Gobierno de distintos países de diciembre de 2018 a mayo de 2021, lo que podría considerarse como un reflejo del relativo poder que ejerce tanto el presidente López Obrador como el mismo México (dada su amplia internacionalización) en distintos Estados⁷. Lo descrito obedece a la postura original presidencial, en cuanto a evitar desplazamientos al extranjero que distraigan la atención de la agenda interna. El argumento, en voz propia del mandatario, en cuanto a que “no voy a hacer turismo político [dado que] tengo muchas cosas que hacer en este país [puesto que] la mejor política exterior es la política interna” [32], es prueba fehaciente de que los asuntos interna-

⁶ Por cierto, a manera de reciprocidad con respecto a la visita oficial que el ministro ruso de Exteriores Sergei Lávrov realizó a México en febrero de 2020, en el marco del 130 aniversario de las relaciones ruso-mexicanas; ocasión en que ambas partes asentaron su interés por profundizar sus vínculos bilaterales [26].

⁷ Sin considerar las visitas a México en ocasión de la ceremonia de toma de protesta del presidente López Obrador, los mandatarios que han viajado a este país provienen de los siguientes países: España, Luxemburgo, Argentina, Bolivia, Colombia, Costa Rica, Cuba, El Salvador, Guatemala, Honduras, Panamá, Singapur y Colombia. A principios de junio de 2021 el mandatario de México recibirá a la vicepresidenta estadounidense.

cionales no ocupan el centro de atención presidencial. Los delega en su brazo derecho, el canciller Marcelo Ebrard, quien gana notoriedad como posible candidato presidencial para el próximo sexenio.

LA POLÍTICA EXTERIOR DE MÉXICO, 2019—2021. COHERENCIA Y CONTRADICCIONES EN UN CONTEXTO CONVULSO

Girar de manera ágil entre las convicciones programáticas hacia el vértigo pragmático, si bien es necesario y recurrente en el ejercicio de la política exterior, genera tanto réditos como complicaciones. Una primera evidencia de ello es el irrestricto apoyo de este gobierno progresista a la propuesta del T-MEC diseñada (e impuesta) por Donald Trump. Es curioso que un presidente anti neoliberal se haya caracterizado por liderar al país que ratificó al Tratado, incluso antes que sus otros dos socios. En línea con lo anterior, la candidatura del entonces subsecretario para América del Norte de la SRE, Jesús Seade (principal negociador mexicano en el T-MEC) para presidir a la Organización Mundial del Comercio no del todo compatible con la tesitura original de la 4T, por principio revisionista respecto a esquemas comerciales multilaterales.

Otra muestra de este tipo de incongruencias descansa en el hecho de que el PND se comprometió a que México aplicaría medidas para garantizar un tránsito seguro de los extranjeros por el territorio nacional o la posibilidad de afincarse en él. Empero, las férreas amenazas de los dos más recientes inquilinos de la Casa Blanca, ya sea aplicando sanciones comerciales o condicionando el envío de vacunas *Covid-19*, propiciaron que las autoridades mexicanas revirtieran tales compromisos hacia una política migratoria restricta, aunque también mediante comportamiento proactivo, como la cooperación enviada a El Salvador, Honduras y Guatemala.

A este respecto, son numerosas las violaciones a los derechos humanos de los migrantes centroamericanos en su paso por México [33], lo cual no coincide con lo inicialmente comprometido. De igual forma, el que México despliegue una jugosa cuantía de recursos en calidad de ayuda externa a los tres principales emisores de migrantes, sin que el presidente Obrador viaje a los mismos para poner en marcha tales ejercicios, no coincide con el convencional uso “político-diplomático” de este tipo de acciones colaborativas, instrumentadas del otro lado de su frontera.

En cuanto a este mismo asunto, el dotar apoyos presupuestales a salvadoreños, hondureños y guatemaltecos, sin que la cooperación mexicana aborde con la debida atención o articulación con otros oferentes aspectos estructurales en la región, como el perfeccionamiento de políticas públicas en salud, vivienda, seguridad, justicia, infraestructuras, etc. no abona a honrar el contenido del PDI de la CEPAL, el cual incluye estos y muchos otros elementos que intervienen en el devenir de las millones de personas que desean emigrar hacia tierras que les brinden mayor certeza. Incluso, limitar movimientos poblacionales a causa de la presión estadounidense contradice elementos centrales del PDI, el cual contempla procesos de integración intrarregional, en donde el comercio y los desplazamientos humanos son esenciales, mismos que, por cierto, están contemplados en instrumentos jurídicos promovidos mediante el Sistema de Integración Centroamericano (SICA).

El evidente apoyo por parte de México a la CELAC no coincide con el secundario respaldo que el país otorga a otros espacios regionales, como a la

Хуан Пабло Прадо Лальянде

Secretaría General Iberoamericana (que celebró su cumbre presidencial en línea el 21 de abril del 2021, sin la presencia del mandatario mexicano) o a la Alianza del Pacífico, espacio de integración con Chile, Colombia y Perú, la cual a finales de abril de este año cumple 10 años de existencia.

El que el PND no haga referencia a la Unión Europea (con la cual permanece pendiente la suscripción y ratificación de la modernización de su Acuerdo bilateral), al resto de Europa (como Rusia), a Asia (en donde se echa de menos países relevantes como China, India, Japón, Corea del Sur, etc.), ni a organismos multilaterales, expresa una limitada visión de esa directriz. Ello en particular de cara a un mundo cada vez más multipolar, interconectado y complejo, en donde es pertinente diversificar alianzas, ya sea en el plano bilateral, regional o global, en particular al tratarse de uno de los países latinoamericanos con mayor internacionalización del mundo y “puente” entre Norte y Sudamérica.

Possiblemente debido a tales omisiones, la pandemia a causa de la *Covid-19* hizo actuar de manera reactiva y desde una postura de cierta desventaja a la Cancillería mexicana respecto a sus “olvidadas” contrapartes en Beijing, Nueva Delhi o Moscú (centros mundiales de producción del medicamento), lo cual en el mundo diplomático acarrea costos políticos que México debe asumir; por ejemplo, al solicitar a estos países su anuencia para adquirir, mediante acciones comerciales, la vacuna en cuestión, bajo condicionantes de diversa índole que establecen los proveedores.

Al tiempo que se señala que la política exterior pasa a un segundo plano, se mantuvo la candidatura mexicana para conseguir un asiento en el Consejo de Seguridad de la ONU (estrategia iniciada por el sexenio anterior), mientras que, tras el triunfo del país latinoamericano, el presidente López Obrador se despotricó con dureza en contra del organismo global, debido a su incapacidad de evitar acaparamiento de vacunas para enfrentar al Coronavirus [34]. El señalamiento se antoja desproporcionado, a sabiendas de que la ONU no cuenta con suficientes atribuciones jurídicas o políticas para ejercer como autoridad ante farmacéuticas privadas y gobiernos de países productores, dado que su función se limita a negociar y aprobar resoluciones en la Asamblea General o el Consejo de Seguridad sobre el tema, sin carácter vinculante.

De igual forma, no olvidar que, al 20 de abril de 2021, la aplicación de vacunas *Covid-19* per cápita en México le posiciona en el lugar 12 mundial, lo cual, desde esta perspectiva, no lo excluye de ser interpretado como “acaparador”; término que cae en el relativismo, cuya connotación obedece a la manera en que se cuantifique el suministro del insumo sanitario, en donde el país ocupa el tercer lugar en Latinoamérica, por debajo de Uruguay y Chile [35].

Lo hasta aquí referido da cuenta de que, a dos años y medio de gobierno del presidente Andrés Manuel López Obrador, su política exterior ocupa crecientes espacios en la agenda pública, misma que se debate entre sus ejes programáticos y el pragmatismo, aunque es también verdad que el presupuesto de la Cancillería, de por sí insuficientes desde años atrás, en los años 2019 y 2020 cayeron 5.2 y 3.1%, respectivamente [36, p. 57], mientras que el año 2021 la tendencia continuó a la baja, con -7.8% respecto a lo aprobado en 2018 [37]. Eso significa que la política exterior durante este período de tiempo se alimenta de una interesante mezcla de sus principios ideológicos y legales, así como de sus facetas reactivas o pragmáticas frente a las irrupciones provenientes del extranjero, que

definieron elementos clave de su conducción, lo cual generó una política exterior de corte selectivo, en buena medida “migratizada” y “covitizada”.

CONSIDERACIONES FINALES: UNA POLITICA EXTERIOR DE ASCENDENTE RELEVANCIA Y ESTRATÉGICA SELECTIVIDAD

Durante los primeros dos años y medio del gobierno de Andrés Manuel López Obrador, inusitados fenómenos externos ocasionaron que la política exterior, en un principio no relevante para el Jefe del Ejecutivo y su proyecto nacional, escalara peldaños en los asuntos presidenciales, en donde asuntos estratégicos en los ámbitos comercial, migratorio y sanitario ocuparon las prioridades de su actuar.

La principal implicación de ello es la generación de una ascendente relevancia de la política exterior selectiva, en los países y temas previamente referidos, cuyo propósito se debate entre sus elementos programáticos y su obligada adecuación al vertiginoso contexto internacional, volviéndola también pragmática, con el fin de promover intereses nacionales e internacionales, en la medida de lo posible, arraigados en los principios doctrinales de la 4T.

Empero, el carácter reactivo del gobierno actual en varios casos no coincidió de manera fiel a los fundamentos gubernamentales definidos en el PND y otros señalamientos en este segmento del gobierno nacional. Se valora en términos positivos la flexibilidad presidencial para, de manera gradual, abrir espacios en su agenda a favor de su involucramiento en determinados escenarios internacionales. El aislamiento provocado por la *Covid-19* ha facilitado al presidente de la República participar en algunos ejercicios internacionales en línea, como la Cumbre del G-20 (21 de noviembre de 2020), la Cumbre de la Alianza del Pacífico (11 de diciembre, 2020), y el 75 período de sesiones de la Asamblea General de la ONU (22 de septiembre, 2020), a lo que hay que sumar cerca de 26 encuentros presenciales en México con Jefes de Estado y de Gobierno provenientes de distintos países del mundo, en especial latinoamericanos.

Todo ello da cuenta de que, a diferencia de lo preliminarmente estipulado, la política exterior del presidente López Obrador de manera paulatina cobra fuerza conforme el paso de los años, aunque su ámbito de acción se circumscribe a temas, regiones y organismos producto de una estricta selectividad, en detrimento de asuntos y Estados en donde la presencia mexicana podría ser mayor, por ejemplo, mediante la experimenta labor de su Servicio Exterior.

Es plausible que lo previamente dicho en términos de selectividad se realice de manera premeditada para, de alguna manera, compensar el referido activismo, al supeditar su marco de actuación en temas y espacios territoriales definidos y cruciales, identificados en función de preferencias nacionales, y, de esa forma, cumplir con la determinación presidencial, en cuanto a que la mejor manera de relacionar a México con el mundo es priorizando los asuntos domésticos por encima de los foráneos, sin estridencias diplomáticas. En una frase, tal parece ser que la política exterior del presidente Obrador se define por su ascendente relevancia *vs* su estricta selectividad temática y espacial.

Con base en este particular patrón de comportamiento, desde una perspectiva optimista la política exterior cumple su función original, en términos de procurar alinearse a las prioridades nacionales, a efecto de contribuir al proyecto gubernamental y, desde luego, a la 4T. Empero, sin menoscabo de lo anterior,

Хуан Пабло Прадо Лальянде

bajo una mirada más crítica, esa selectividad puede limitar el potencial mexicano para tener presencia e incidir de manera más enfática en una gama más amplia de asuntos de interés doméstico, regional y global, sin comprometer los principios rectores de su política exterior y proyecto nacional.

BIBLIOGRAFÍA / REFERENCES

1. Grandas, D. “La cooperación descentralizada y las estructuras institucionales para la internacionalización de los gobiernos no centrales: Los casos de Bogotá y Ciudad de México”, *Estudios Internacionais*, 2019, Belo Horizonte, v.7, no. 2.
2. SDP. “La mejor política exterior es la interior: AMLO”, México, 20 de mayo, 2018.
3. López Obrador, A.M.. *Hacia una Economía Moral*, México, Ed. Planeta, 2019.
4. Gobierno de México. *Plan Nacional de Desarrollo 2019-2024*, México, 2019.
5. Secretaría de Gobernación. “Programa Sectorial de Relaciones Exteriores, 2020-2024”, *Diario Oficial de la Federación*, México, 2 de julio, 2020. Available at: www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5596023&fecha=02/07/2020
6. Wendt, A. Constructing International Politics // *International Security*, Center for Science and International Affairs, Harvard University, MIT Press, 1995, Summer, Vol. 20, no. 1.
7. Roger C. Riddell, *Foreign Aid Reconsidered, Africa*, London. 1988, Overseas Development Institute, Vol. 58, no. 4.
8. Lumsdaine, D. H. *Moral Vision in International Politics. The Foreign Aide Regime 1949-1989*, Princeton, University Press, 1993.
9. Moravcsik, A. “Taking preferences Seriously: A Liberal Theory in International Politics”, *International Organization*, 1997, 51, 4.
10. Moravcsik, A. “Liberal International Relations Theory: A Scientific Assessment,” Colin Elman and Miriam Fendius Elman (Eds.), *Progress in International Relations Theory: Appraising the Field*, Cambridge, MIT Press, 2003, pp. 159-204.
11. Moravcsik, A. “The New Liberalism” in Reus-Smit, C. & Snidal, D., *The Oxford Handbook of International Relations*, New York, Oxford University Press, 2008.
12. Kudeyárova, N. “Caravanas de migrantes: crisis del sistema regional de regulación migratoria”, *Iberoamérica*, Moscú, 2019, no.1, pp. 65-87.
13. BBC. “Trump anuncia aranceles de un 5% para todas las importaciones desde México...”, BBC, Londres, 30 de mayo, 2019. Available at: www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-48455073
14. Banco Mundial. “Comercio (% del PIB)”, Washington, D.C., 2021. Available at: <https://datos.bancomundial.org/indicador/NE.TRD.GNFS.ZS>
15. Banco Mundial. “México Datos comerciales básicos”, Washington, D.C., 2021. Available at: <https://wits.worldbank.org/countrysnapshot/es/MEX/textview#:~:text=M%C3%A9xico%20Principales%20cinco%20socios%20exportadores,de%2076.49%25%20de%20los%20asociados>.
16. Global Trade Alert. “United States of America: Withdrawn threat to impose an escalating tariff on Mexico in immigration dispute”. June 7th, 2019. Available at: www.globaltradealert.org/state-act/37319/united-states-of-america-withdrawn-threat-to-impose-an-escalating-tariff-on-mexico-in-immigration-dispute
17. SRE. “Declaración Conjunta México-Estados Unidos”. Washington D.C., 7 de junio de 2019. Available at: www.gob.mx/sre/documentos/declaracion-conjunta-203701
18. US News. “Mexico to Tighten Borders after U.S offers COVID-19 vaccination help”. March 18th, 2021. Available at: www.theglobeandmail.com/world/article-mexico-tightens-borders-after-us-offers-covid-19-vaccination-help/
19. *El Universal*. “Blindar fronteras, pide EU a México y Centroamérica”, México, 18.III. 2021.

Внешняя политика президента Мексики Андреса Мануэля Лопеса Обрадора

20. CEPAL. *Hacia un nuevo estilo de desarrollo. El Plan de Desarrollo Integral El Salvador-Guatemala-Honduras-México*, México, 2019. Available at: www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/462720/34.Hacia_un_nuevo_estilo_de_desarrollo__Plan_de_Desarrollo_Integral_El.pdf
21. Homeland Security. “Statement by Homeland Security Secretary Alejandro N. Mayorkas Regarding the Situation at the Southwest Border”, Washington D.C., March 16, 2021. Available at: www.dhs.gov/news/2021/03/16/statement-homeland-security-secretary-alejandro-n-mayorkas-regarding-situation
22. “López Obrador propone a Biden sembrar árboles en Centroamérica para detener la migración y el cambio climático”, *El País*, Madrid, 18.IV.2021. Available at: elpais.com/mexico/2021/04-18/lopez-obrador-propone-a-biden-sembrar-arboles-en-centroamerica-para-detener-la-migracion-y-el-cambio-climatico.html
23. US Department of State. “Preview of President Biden’s leaders’ Summit on Climate”, Washington, D.C. April 9th, 2021. Available at: www.state.gov/briefings-foreign-press-centers/preview-of-president-bidens-leaders-summit-on-climate/
24. SRE. “México y Argentina encabezan reunión virtual de la Celac sobre acceso a la vacuna experimental contra COVID-19. *Gobierno de México*, 17 de agosto de 2020. Available at: <https://www.gob.mx/sre/prensa/mexico-y-argentina-encabezan-reunion-virtual-de-la-celac-sobre-acceso-a-la-vacuna-experimental-contra-covid-19>
25. SRE. “México y CELAC impulsan la autosuficiencia de vacunas en América latina u el caribe”, Comunicado no. 177. 15 de abril de 2021. Available at: www.gob.mx/sre/prensa/mexico-y-celac-impulsan-la-autosuficiencia-de-vacunas-en-america-latina-y-el-caribe?state=published&fbclid=IwAR2JVt37XM8BknwAYz7p18WglIx0925_g-QOpHx8YUApUMGTocWe-frUZ6k
26. Borovkov, A. “Rusia-México: Paralelos históricos en relaciones entre los dos países”, *Iberoamérica*, Moscú, 2021, Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias Rusa, no. 4. Available at: <https://iberoamericanjournal.ru/sites/default/files/2020/borobkov.pdf>
27. Prado Lallande, J.P.. “La cooperación internacional en seguridad durante el gobierno de Enrique Peña Nieto. De la colaboración México-Estados Unidos a la incertidumbre en la era Trump”, en Rosas, M.C (Coord.). *La Seguridad Extraviada. Apuntes sobre la Seguridad Nacional de México*, UNAM, México, 2020.
28. Asamblea General. “Cooperación internacional para garantizar el acceso mundial a los medicamentos...”, A/RES/74/274, Nueva York, 21 de abril de 2020.
29. United Nations. “Secretary-General Calls Vaccine Equity Biggest Moral Test for Global Community...” Press Release, SC/14438, New York, February 17, 2021. Available at: www.un.org/press/en/2021/sc14438.doc.htm
30. Presidencia de la República. “Versión estenográfica. Firma de Declaración Conjunta y mensaje a medios de comunicación”, Washington, D.C. 8 de julio de 2020. Available at: www.gob.mx/presidencia/articulos/version-estenografica-firma-de-declaracion-conjunta-y-mensaje-a-medios-de-comunicacion?idiom=es
31. Deutsche Welle. “Lluvia de críticas a López Obrador por cumbre por Trump”, Washington, D.C. 6 de junio de 2019. Available at: www.dw.com/es/lluvia-de-criticas-a-lopez-obrador-por-cumbre-con-trump/a-54068803
32. El Financiero. “AMLO: casi dos años sin salir de México”, México, 4.VI.2019. Available at: www.elfinanciero.com.mx/bloomberg-businessweek/amlo-casi-dos-anos-sin-salir-de-mexico/
33. Human Right Watch. *Like I'm drowning. Children and Families Sent to Harm by the US “Remain in Mexico” Program*, USA, 2021. Available at: www.hrw.org/sites/default/files/media_2021/04/mexico0121_web.pdf
34. El Universal. “ONU: un florero de acaparamiento de vacunas: AMLO”, México, 23.II.2021. Available at: www.eluniversal.com.mx/nacion/onu-un-florero-en-acaparamiento-de-vacunas-amlo?fbclid=IwAR1JFNKLX9BQf_9f_uy0ZOtM5S6ABMMZfO5iRu14gil5Go-qjzPgQCKdQVIQ

Хуан Пабло Прадо Лальянде

35. Our World Data. "Daily Covid-19 vaccine doses administered per 100 people". 20 de abril de 2021. Available at: <http://ourworldindata.org/covid-vaccinations>
36. Schiavon, J. y Figueroa, F.B. "Los recursos y las capacidades de la política exterior de México (2012-2020)", en Covarrubias, V. A., et al., Fundamentos Internos y Externos de la Política Exterior de México, El Colegio de México – CIDE, México, 2020.
37. El Financiero. "Secretarías federales, entre ellas Salud, prevén recortes a su gasto por 7,294 millones", México, 20.IV.2021. Available at: www.elfinanciero.com.mx/economia/2021/04/19/secretarías-federales-entre-ellas-salud-preven-recortes-a-su-gasto-por-7294-millones/

Juan Pablo Prado Lallande (Juanp.prado@correo.buap.mx)
Professor-Researcher, Autonomous University of Puebla, Mexico

**The Mexican foreign policy of President Andrés Manuel López Obrador.
Increasing relevance vs strict selectivity during 4T era**

Abstract. Based on the axiom that "the best foreign policy is the domestic one", Mexican president, Andrés Manuel López Obrador stated that the international relations of the Mexican government would occupy a discrete place in his administration. However, due to external factors, foreign policy occupies increasingly relevant spaces on the presidential agenda. The purpose of the article is to review the most significant background, purposes, challenges, actions and results of the Mexican foreign policy implemented by López Obrador from 2019 to April, 2021. It is argued that, the relevance of foreign policy in this government is ascending, although it addresses issues selectively, which generates both achievements and challenges for this Latin American country.

Key words: Mexico, foreign policy, Andrés Manuel López Obrador, migration, Central America, United States, *Covid-19*.

DOI: 10.31857/S0044748X0015306-5

Received 07.02.2021.

В.Е.Баглай

Доиспанская история мексиканской Калифорнии

Путь в Месоамерику, который так и не был пройден

Статья посвящена изучению древнейших культур Калифорнийского полуострова. Анализ основан на исследовании археологических памятников материальной и духовной культуры, отраженной в наскальной росписи, петроглифах и геоглифах. Первые следы пребывания поселенцев на территории мексиканской Калифорнии имеют возраст 14 тыс. лет (культура Кловис) и связаны с Аридоамерикой. Культуры проникали с севера непрерывно, хотя последовательность этого процесса еще только предстоит выяснить. Здесь сформировалась культура кочевых и полукочевых групп (культура стоянок-кончero), занимавшихся сбором моллюсков, растений и плодов, прибрежным рыболовством и охотой на морских и наземных млекопитающих. Географическая изолированность полуострова не позволила калифорнийцам установить связи с районами месоамериканских культур.

Ключевые слова. Аридоамерика, археология доисторических культур полуострова Калифорния, наскальная роспись, петроглифы, геоглифы.

DOI: 10.31857/S0044748X0015307-6

Статья поступила в редакцию 15.02.2021.

Полуостров Калифорния — особый регион Мексики. Он — самый северный и удаленный от центра страны, а в наши дни из-за соседства с США — и самый немексиканский. Особенности географии полуострова, отсутствие прямых связей с материковой доиспанской Мексикой, областями месоамериканских цивилизаций делают его самым немексиканским и в этом смысле.

Общеизвестно, административно полуостров Калифорния, получивший название Нижняя Калифорния (в отличие от американской Калифорнии), в 30-х годах XX в. был разделен почти поровну на штаты Северная Нижняя Калифорния и Южная Нижняя Калифорния. Вместе с тем, как историко-культурная и географическая область юга Северной Америки Калифорния

Валентина Ефимовна Баглай — доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения Кубанского государственного университета (РФ, 350058 Краснодар, ул. Ставропольская, 149, <https://orcid.org/0000-0002-6305-5880>, baglayvalent@yandex.ru).

Валентина Баглай

в доевропейский период представляла собой единое целое (независимо от современных государственных или внутренних административных границ), поэтому изучение конкретных ранних культур происходит здесь на основе общей истории и параметров.

СТАРЫЙ СВЕТ ОТКРЫВАЕТ ПОЛУОСТРОВ КАЛИФОРНИЯ

Европейцы появились на территории полуострова в середине XVI в., когда в 1539 г. соратник Эрнана Кортеса испанский мореплаватель Франсиско де Ульоа провел первичное обследование западного и восточного побережий полуострова. Однако до конца XVII в. эти территории мало привлекали испанцев, пока здесь не появились миссионеры — сначала иезуиты, а затем францисканцы и доминиканцы.

К моменту появления европейцев на юге полуострова жили кочими, монки, гуайкура и перику, а на севере — племена разного происхождения: киливи, пайпаи (пай паи), кумеяй, кокопа и квеченые (юма). Кочуя по полуострову, они занимались охотой и собирательством, развивали экономику, связанную с морем. Вместе с тем на севере полуострова климат был более мягкий, поэтому населявшие эту территорию племена киливи, пайпаи и кумеяй вели оседлый образ жизни, также занимаясь охотой и собирательством, а кокопа и квеченые — позже и земледелием в пойме в то время полноводной реки Колорадо [1, pp. 16-23]. В наши дни культуру коренных народов (1% от всего населения) представляют только потомки кочими, гуайакура, перику.

Считается, что перечисленные выше народы не связаны, по крайней мере напрямую, с древними культурами полуострова. Но о древнейшем прошлом коренных калифорнийцев можно судить на основе использования двух источников: материальные артефакты разного рода, касающиеся характера занятий, повседневной жизни древних поселенцев, собранные в результате археологических исследований; калифорнийская наскальная роспись (живопись), в меньшей степени петроглифы, отражающие к тому же духовную культуру.

На полуострове происходило временное и пространственное перемещение культур: в одной археологической зоне встречаются артефакты, принадлежащие разным носителям, что делает важным и одновременно очень сложным их разделение.

АРХЕОЛОГИЯ МЕКСИКАНСКОЙ КАЛИФОРНИИ

Археология и история мексиканской Калифорнии изучалась не столь активно как регионы знаменитых культур доколумбовой Мексики. Тем не менее первым исследованиям культуры древних поселенцев уже более 130 лет. Они связаны с деятельностью голландского антрополога Германа Тен Кате и североамериканца Лаймана Белдинга, которые в 1883 г. изучили пещерные погребения, а также наскальную роспись. В 1889 г. полуостров исследовал французский инженер Леон Диге. Кстати, благодаря их энтузиазму в Музее Человека в Париже и Национальном музее в Вашингтоне появились первые артефакты, принадлежащие культуре калифорнийцев.

Новый этап археологических исследований относится к концу 1920-х годов, когда американский археолог Малcolm Дж.Роджерс собрал в прибрежной зоне некоторое количество артефактов и выделил на их основе черты исторической и культурной схожести между смежными территориями в районе границы США и мексиканской Калифорнии [2, pp. 32-39]. Однако археологические памятники более последовательно стали изучать и научно регистрировать только с 1990-х годов [3, pp. 32-39; 4, pp. 28-33]. К настоящему времени на полуострове зафиксировано 1525 археологических памятников (2017 г.) [4, pp. 14-29]. Понятно, что на формирование особенностей культуры доколониальной мексиканской Калифорнии оказалась влияние природа. Здесь сухой средиземноморский климат с редкими дождями, береговая линия со скалами вулканического происхождения перемежается песчаными пляжами. Внутренние территории полуострова характеризуются гористым рельефом, пустынями, плодородными долинами, ущельями с редкой растительностью (низкий кустарник, агава). Кстати, из-за специфики климата и очертаний полуостров получил в народе название «Сухая рука» [3, pp. 28-33]*.

Следы пребывания первых поселенцев на территории мексиканской Калифорнии имеют возраст около 14 тыс. лет. Сегодня уже установлено, что историческое прошлое полуострова, как и мексиканский Северо-Запад, связаны с Аридоамерикой, включающей юг древней Северной Америки. Как известно, термин Аридоамерика введен американистом П.Киркхофом для обозначения северных и западных областей Мексики, не входящих в культурную сферу Месоамерики. Это — хорошо известная археологическая культура Кловис (11500—10900 гг. до н.э.), культура первых поселенцев Северной и частично Южной Америки. Кстати, генетические исследования погребений, связанные с этой культурой, показали, что ее носители родственны не только современным индейцам, но и некоторым народам Чукотки и Сибири. Культуру Кловис обычно связывают с охотой на плейстоценовую мегафауну, артефактами которой являются каменные наконечники метательных орудий. Позже ее сменила культура Фолсом — охота на бизонов, — когда плейстоценовая мегафауна вымерла.

Двигаясь вдоль тихоокеанского побережья, первые кочевые группы как носители археологических культур Аридоамерики принесли с собой сначала в северные районы полуострова Калифорния артефакты, родственные древнему археологическому комплексу в районе озера Мохаве (11000—8000 гг. до н.э.), США. В мексиканской Калифорнии они представлены каменными орудиями (наконечники, ножи, скребки, топоры) [6, pp. 285; 3, pp. 28-33].

В связи с исчезновением мегафауны как объекта охоты древние поселенцы стали искать новые источники для выживания. Двигаясь вдоль побережья, они обустраивали стоянки, предназначенные для эксплуатации прибрежных и морских ресурсов. На побережье центральной и южной Калифорнии (США), особенно на северных островах Канала Санта Барбара, были обнаружены следы палеокостров, которые подтверждают использо-

* Специальное исследование, посвященное изучению влияния природно-географических условий на характер древних культур [5].

вание ресурсов морской береговой линии в период 12200—11200 гг. до н.э. На двух исследованных стоянках в Бахамар (Хатай, район Тихуаны в Северной Нижней Калифорнии) были обнаружены фрагментированные палеоиндейские каменные артефакты, которые, вероятно, были изготовлены во внутренних районах и затем обменены поселенцами полуострова в качестве ценных предметов и орудий. К данной группе древних поселений относится так называемое Укрытие Скорпионов, расположеннное в 95 км к югу от г. Энсенада в штате Северная Нижняя Калифорния. Данные, полученные еще в 2006 г., доказывают использование костищ для приготовления моллюсков.

Археологические исследования доказывают наличие признаков древних сезонных и временных стоянок, начиная приблизительно с 9000 г. до н.э. и вплоть до прихода испанцев. Обычно они характеризуются наличием фрагментированных раковин (исп. *concha*), поэтому древние стоянки получили название кончero, а связанная с этим древняя традиция стала известна как культура кончero. Это — кочевые и полукочевые группы, экономика которых опиралась на сбор моллюсков, растений и плодов, прибрежное рыболовство и охоту на морских и наземных млекопитающих. Проведенные в последнее время раскопки показывают, что эти стоянки устраивались и использовались, начиная с архаического времени, как на территории современных США, так и Мексики. Примером является комплекс, известный как Ла-Хойя на территории Калифорнии (США) [3, pp. 28-33]. В Ла-Хойе в 1976 г. были найдены два человеческих скелета (мужской и женский) возраст которых — не менее 9 500 лет.

Из недавних археологических исследований в мексиканской Калифорнии следует отметить раскопки в районе побережья у г. Росарито на границе с США. На побережье на глубине около 30 см ученые нашли значительное число фрагментов моллюсков, а также различные литические материалы в количестве 202 единиц, имеющих форму ядра, скребка, и др. Было также обнаружено четыре фрагмента костей млекопитающих. Малакологический анализ останков мягкотелых (моллюсков) позволил предположить, что эксплуатация морских ресурсов осуществлялась в двух вариантах и экосистемах — песчаного пляжа и морской фауны,носимой приливной волной [4, pp. 14-29].

Кроме исследования морского побережья были проведены и археологические раскопки в районе Ла-Торре в 10 км к востоку от побережья и г. Розарито. Здесь также была открыта стоянка-кончero, а среди найденных на месте археологических материалов — кости животных (которые не смогли идентифицировать из-за их плохой сохранности), фрагменты моллюсков,шлифовальные камни, измельчители, скребки [4, pp. 14-29]. Всего было найдено 1723 фрагмента литических материалов, при этом основным использовавшимся древними сырьем был андезит, который можно было собирать на месторождениях вокруг участка, а халцедон, риолит и дацит — за его пределами, что свидетельствует о том, что в поисках нужного сырья группы перемещались за пределы побережья (илл. 1).

Другой заметный археологический проект последних лет реализован у залива Сан-Квентин в 250 км к югу от границы с США в муниципалитете Энсенада [7]. Здесь на границе дюн функционировали уже три экосистемы, в которых жили поселенцы. Помимо уже указанных (песчаный пляж, ресурсы приливной волны) это также окрестности вокруг залива. Археологи обнаружили кости

баклана и пеликана, другие менее ясные орнитологические останки. Впрочем, еще предстоит определить, связано ли их наличие с антропогенными причинами, или они являются собственной фауной этих мест, где науке сейчас известно порядка 150 видов птиц (например, на о. Коронадо).

Археомастозоологические останки представлены главным образом костями морского волка (в большем количестве) и морской выдры (в меньшем). Выявлено также наличие некоторых наземных млекопитающих, среди которых были и кролики [7].

Результаты фаунистического анализа позволяют восстановить картину взаимосвязи ранних поселенцев с морской и наземной экосистемами. Согласно радиоуглеродной датировке артефактов, установлено, что у залива Сан-Квентин поселенцы появились 8 212 лет назад (6 263 года до н. э.), т.е. на тысячу лет раньше, чем считалось ранее. Наиболее активно освоение территории шло в Архаический период (8000—1500 лет до н. э.), а последнее свидетельства полукочевого образа жизни датируются 263 г. до н. э.

В первой половине 2016 г. в г. Ла-Ховита в 35 км к северу от города и порта Энсенада были проведены археологические раскопки (как продолжение работ 1991 г. и 2004—2005 гг.). Раскопанный в Ла-Ховита участок, идентифицированный как кончero, имеет длину 90 м и ширину 30 м и расположен на естественной террасе вулканического происхождения. Раскопки на этом участке показали культурный слой на глубину до 60 см.

Сформировавшийся в результате непрерывного использования кончero и его окрестности обживались в Среднем и Позднем Архаическом периоде (около 5500 — около 1500 г. до н. э.). В то же время в секторе, расположенным к северу от зоны Ла-Ховита, были обнаружены фрагменты глиняных изделий, свидетельствующие, что эти территории были заняты в течение следующего длительного периода, а именно, с 1500 г. до н.э. и вплоть до прихода миссионеров в конце XVII в. [8].

В дополнение к выявленным областям деятельности и разнообразию извлеченных артефактов археологи обнаружили два первичных человеческих захоронения в виде детского и взрослого погребения. Останки были найдены в отличном состоянии, а похоронены они были в соответствии с погребальной традицией, как и в упомянутом выше археологическом комплексе Ла-Хойя Архаического периода (где они были найдены в позе эмбриона в положении на боку) [8].

Как указывалось выше, археологические работы на полуострове Калифорния начались еще в конце XIX в. с исследования Г. Тен Кате и Л. Диге, в том числе погребений. Изучая морфологию останков, ученые пришли к выводу, что для анатомии древних калифорнийцев были характерны удлиненные черепа с высоким сводом. Ученые проявили особый интерес к своеобразной погребальной традиции. Г. Тен Кате и Л. Диге отметили различие между похоронными практиками в северной части полуострова (кремация) и обычаями в остальных районах (трупоположение). Естественно, что изучение погребальной традиции продолжилось и продолжа-



Илл. 1. Овальный шлифовальный

ки представлены главным образом костями морского волка (в большем количестве) и морской выдры (в меньшем). Выявлено также наличие некоторых наземных млекопитающих, среди которых были и кролики [7].

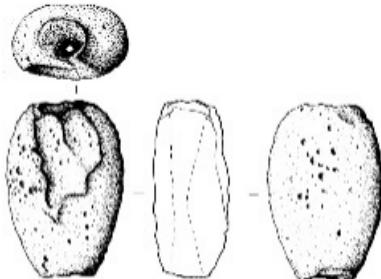
Результаты фаунистического анализа позволяют восстановить картину взаимосвязи ранних поселенцев с морской и наземной экосистемами. Согласно радиоуглеродной датировке артефактов, установлено, что у залива Сан-Квентин поселенцы появились 8 212 лет назад (6 263 года до н. э.), т.е. на тысячу лет раньше, чем считалось ранее. Наиболее активно освоение территории шло в Архаический период (8000—1500 лет до н. э.), а последнее свидетельства полукочевого образа жизни датируются 263 г. до н. э.

В первой половине 2016 г. в г. Ла-Ховита в 35 км к северу от города и порта Энсенада были проведены археологические раскопки (как продолжение работ 1991 г. и 2004—2005 гг.). Раскопанный в Ла-Ховита участок, идентифицированный как кончero, имеет длину 90 м и ширину 30 м и расположен на естественной террасе вулканического происхождения. Раскопки на этом участке показали культурный слой на глубину до 60 см.

Сформировавшийся в результате непрерывного использования кончero и его окрестности обживались в Среднем и Позднем Архаическом периоде (около 5500 — около 1500 г. до н. э.). В то же время в секторе, расположенным к северу от зоны Ла-Ховита, были обнаружены фрагменты глиняных изделий, свидетельствующие, что эти территории были заняты в течение следующего длительного периода, а именно, с 1500 г. до н.э. и вплоть до прихода миссионеров в конце XVII в. [8].

В дополнение к выявленным областям деятельности и разнообразию извлеченных артефактов археологи обнаружили два первичных человеческих захоронения в виде детского и взрослого погребения. Останки были найдены в отличном состоянии, а похоронены они были в соответствии с погребальной традицией, как и в упомянутом выше археологическом комплексе Ла-Хойя Архаического периода (где они были найдены в позе эмбриона в положении на боку) [8].

Как указывалось выше, археологические работы на полуострове Калифорния начались еще в конце XIX в. с исследования Г. Тен Кате и Л. Диге, в том числе погребений. Изучая морфологию останков, ученые пришли к выводу, что для анатомии древних калифорнийцев были характерны удлиненные черепа с высоким сводом. Ученые проявили особый интерес к своеобразной погребальной традиции. Г. Тен Кате и Л. Диге отметили различие между похоронными практиками в северной части полуострова (кремация) и обычаями в остальных районах (трупоположение). Естественно, что изучение погребальной традиции продолжилось и продолжа-



Илл. 2. Чакуак из Сьерры де лас Пинтас

ется до сих пор. В этом отношении интересны погребения в кончero и пещерах на юге полуострова Калифорния в Эль-Кабо. Таковым является погребение в Эль-Кончалито (район г. Ла-Пас). Здесь известно, по меньшей мере, 60 мест погребений. Однако народы, населявшие район залива Ла-Пас (перику и гуайкура), также делали здесь захоронения, поэтому важно определить, кому они принадлежат и каков их возраст [9, pp. 40, 42]. Кроме того, здесь производились и вторичные захоронения (останки выкапывали и хоронили заново с характерными для эпохи погребальными дарами). Эта погребальная практика, возникнув примерно 2300 лет назад, прослеживалась и после испанского завоевания [10].

С точки зрения анализа археологической картины мексиканской Калифорнии интересными артефактами исследований последнего времени являются каменные курительные трубки, которые выделяются среди традиционных предметов этой древней эпохи. Так, во время археологических раскопок 2016—2017 гг., проведенных в Сьерре-де-лас-Пинтас (муниципалитет Мехикали) в лагере-кончero была обнаружена каменная курительная трубка, известная под названием чакуак(о) (исп. *chacuaco*). Чакуак, изготовленный из мягкой породы базальта с пузырчатой структурой, имеет длину 10,5 см, ширину 7 см и толщину дымового канала — от 2 до 2,5 см (илл. 2).

Подобные каменные трубки во время археологических раскопок были найдены по всему полуострову Калифорния. В частности, на тихоокеанском побережье в Сьерре-де-Хуарес радиоуглеродная датировка в отолитах (слуховых каналах) древних рыб, также обнаруженных здесь, позволила косвенно датировать трубку между 1916—1606 гг. до н.э.: возраст в более 3500 лет делает ее одной из старейших из найденных на полуострове.

Трубки-чакуаки часто упоминались в сообщениях испанских миссионеров, американских и английских авторов, включая XIX в. Их описывают как повседневную, терапевтическую и ритуальную атрибутику почти всех коренных жителей полуострова Калифорния. Использовались чакуаки и позже. Так, этнографические исследования, предпринятые в первой половине XX в. в районе, связанном с индейцами юма (квечаны), подтвердили широкое распространение трубок, правда, с использованием тростника или глины. Ученые полагают, что глиняные трубки распространились после появления в этих землях францисканцев и доминиканцев, установления связей и культурного обмена между ранее изолированными группами [11]. Керамические трубки, возраст которых может составлять от 100 до 1000 лет, использовались аборигенным населением и в районах, граничащих с североамериканскими штатами Калифорния, Аризона и мексиканской Сонорой. В отделе археологии музея г. Мехикали хранятся экземпляры трубок, найденных в разных местах региона, однако именно чакуака из

Сьерры-де-лас-Пинтас по форме и «возрасту» до сих пор рассматривается как одна из наиболее интересных.

Таким образом, после того, как кочевые группы расселились на полуострове Калифорния, характер занятий, который был свойственен собирателям и охотникам на мегафауну, изменился, и они стали охотниками и собирателями морской фауны. Здесь сформировалась культура калифорнийских поселенцев, с некоторыми изменениями существовавшая вплоть до XVIII в. [12].

ДРЕВНЕЕ НАСКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Вторая группа памятников и, соответственно, направление исследований в мексиканской Калифорнии — это древняя живопись, сохранившаяся на поверхности вулканических и гранитных скал, стенах пещер [13, pp. 80-81]. Из 1525 упомянутых выше археологических памятников 272 связаны с графическими наскальными рисунками [4, p. 14-29]. Наскальная живопись полуострова Калифорния создавалась в разное время на протяжении более 7 тыс. лет [14, pp. 46-51]. Было установлено, что изображение одной из человеческих фигур в росписи, находящееся в пещере Сан-Борхитас в Сьерра-де-Гуадалупе, было создано 7500 лет назад (т.е. около 5500 г. до н.э.). Это делает его одним из самых древних из известных на сегодняшний день в Америке [14, pp. 46-51].

О наскальных рисунках европейцам впервые стало известно из сообщений иезуитов [4, p. 14], но первое научное исследование относится к периоду 1889—1913 гг. и связано с именем упомянутого выше Л.Диге [3, pp. 33-34]. Кстати, интерес к этим древностям проявил известный американский автор детективных романов Эрл Стенли Гарднер: несколько лет он изучал рисунки, нашел даже ранее неизвестные, а в 1962 г. опубликовал статью о них в популярном журнале *Life*. С тех пор о наскальной живописи написано множество работ.

Из всех археологических объектов полуострова наскальная живопись является наиболее хрупкой. Но в целом для своего возраста она сохранилась хорошо, чему способствуют государственные охранные мероприятия, а также нахождение, как правило, в труднодоступных местах, что предотвращает возможный вандализм [14, pp. 46-51]. Роспись расположена неравномерно, она встречается как в отдельных местах обоих штатов, так и компактно большим массивом, тем не менее, в историко-культурном отношении все ее образцы представляют собой единое целое.

Пример первой группы — наскальная роспись, расположенная в биосферном заповеднике Эль-Вискаино и датируемая периодом 1100 г. до н.э. — 1300 г. н.э. [15]. В Северной Нижней Калифорнии в Руморозе муниципалитета Текате находится роспись, известная Вальесито, которая представляет собой несколько десятков групп наскальных рисунков [16, p. 54]. Эти росписи созданы примерно 3 тыс. лет назад и известны под характерными местными названиями, часть из которых весьма красноречива: Эль Тибурон («Акула»), Ла Куэва дель Индио («Индийская пещера»), Эль Караколь («Раковина»), Лос Селитос (на языке индейцев кумей — *Wittin̄ir*, «Раскрашенный камень»), Эль Хомбрe Энрайсадо («Человек с корнями», здесь антропоморфная фигура дополнена изображением на руках и ногах



Илл. 3. Эль Солстицио (Эль Диаболито).
Румороза

зональные дожди, произрастание кактусов, плоды которых использовались в пищу, и пр.) древними поселенцами оставлена одно-двухцветная роспись с изображением морской и наземной фауны [18].

Следует отметить, что любая живопись, которая встречается на полуострове, так или иначе сравнивается с наскальными рисунками, объединенными под названием Великая (Большая) наскальная живопись (Великая наскальная мураль, *Great Mural Rock Art*), расположенная на границе обоих штатов в срединной (центральной) части полуострова. Великую наскальную живопись составляет целый ряд мест с собственными названиями: Куэва-де-Пальма, Сан-Грегорио, Санта-Тереза, Сьерра-де-Гваделупе, Сьерра-де-Сан-Франциско, Кабо Пульмо, Сан-Хуан, Сан-Борха и др. Впервые о ней сообщил иезуит Франсиско Хавьер в XVIII в. [19, pp. 44-45].

Благодаря своим монументальным масштабам, качеству исполнения, однородному стилю, большому количеству мест, в которых находится Великая наскальная роспись, и хорошей сохранности, она входит в пятерку самых важных доисторических художественных памятников в мире; ее справедливо сравнивают с алжирским Тасили. Одна из наиболее известных росписей внутри Великой наскальной живописи — участок наскальных рисунков в Сьерра-де-Сан-Франциско. В 1993 г. ЮНЕСКО объявило эту роспись объектом всемирного наследия [14, p. 51]. Время создания этих рисунков относят к периоду 1300—1100 гг. до н.э. (илл. 4).

Рисунки делятся на четыре основные категории: антропоморфные (97% изображений), зооморфные, фитоморфные и геометрические [4, p. 14-29]. Иногда на наскальных рисунках изображены животные и люди больше их натуральных размеров.

деталей, напоминающих свисающие корни). Наибольший интерес вызывает роспись, известная как Эль Солстицио («Солнцестояние»), или Эль Диаблито («Дьяволенок»). Здесь наряду с другими изображениями представлена небольшая антропоморфная фигура. Исследователи полагают, что данный рисунок особенно учитывался в ритуальной практике народа кумеяй. Считается, когда 22 декабря солнечные лучи, проникая в пещеру, падали на фигуру, это было маркером солнцестояния, указанием на начало зимы в северном полушарии [17] (илл.3).

Еще один пример — роспись у г. Ранcho Кодорнисес, расположенного в муниципалитете Энсенада в Северной Нижней Калифорнии. Это ранчо находится на высоте 500 м над уровнем моря в пустынной части штата. Здесь в сравнительно благоприятных для жизни условиях (сезонные дожди, произрастание кактусов, плоды которых использовались в пищу, и пр.) древними поселенцами оставлена одно-двухцветная роспись с изображением морской и наземной фауны [18].

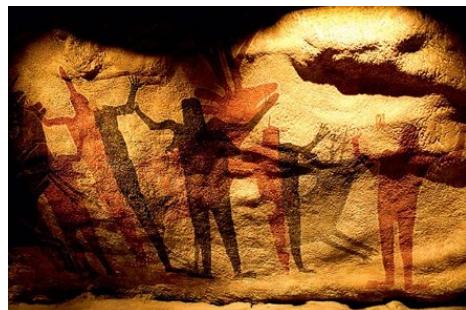
ральной величины (размер фигур — до четырех метров). Нередко новые изображения наносились поверх предыдущих. Реже это делалось с целью изменить, уточнить образ, чаще новые изображения просто наносились на прежние, что в итоге свидетельствует о разновременности их создания.

Наиболее распространенные образы росписей — люди, черепахи, олени, однако встречаются также кролики, птицы, рыбы, змеи, киты и др. Разумеется, есть и обычные для ритуальных росписей фантастические образы. Люди, черепахи, птицы и рыбы нарисованы как в анфас, так и в профиль. Большинство животных запечатлены в движении (например, в момент охоты). На части росписей как люди, так и животные изображены ранеными метательными дротиками (так называемые атлатль).

Здесь можно увидеть как образцы, выполненные с большим мастерством, так и более примитивные. Но и в последнем случае более сложная живописная работа видна в деталях убранства фигур (например, в особых стилизованных головных уборах), указывающих на взаимосвязь образов и очевидной символики, содержащейся в них [14, pp. 46-51]. Изображения являются большей частью силуэтными, но при этом контуры фигур заполнялись орнаментом, к примеру, разноцветными полосами. Некоторые фигуры людей имеют четко выраженные признаки пола. Среди рисунков есть как монохромные, так и многоцветные; в последнем случае преобладают красный и черный цвета, однако встречаются также белый, розовый, оранжевый и зеленый. Все перечисленное позволяет сделать вывод о наличии стилевых особенностей изображений [14, p. 48; 4, pp. 14-29].

Закономерен вопрос, кем были древние художники мексиканской Калифорнии? Поскольку роспись встречается в сотнях мест, а на них изображены тысячи фигур, появившиеся в разное время, часто разной стилистики, можно предположить, что создатели рисунков постоянно перемещались с места на место. Это как раз и соответствует образу жизни групп полуседлых охотников и собирателей морской фауны и плодов растений. Определить этническую принадлежность создателей наскальной живописи чрезвычайно сложно, хотя в некоторых публикациях такие попытки предпринимаются. В частности, некоторые археологи связывали, например, наскальные рисунки в комплексе Комонду на границе обоих штатов с коими, поскольку наскальные рисунки находятся на территории, где исторически эта народность жила длительное время. Есть предположение, что рисунки упомянутой выше Вальесито сделали юма (кечаны), которые проникали в регион полуострова Калифорния с территории современных США.

Попытки собрать данные об авторах, например, традиции Великой наскальной росписи, были предприняты иезуитами, однако населявшие в то время регион индейцы-кочими категорически отрицали свое авторство [20, pp. 62-67]. Индейцы обычно приписывали живопись людям очень



Илл. 4. Наскальная живопись. Сьерра-де-Сан-Франсиско



Илл. 5. Петроглиф с антропоморфной фигурой и декоративными мотивами. Пьедрас Пинтас

большого роста, жившим в горах. Это отсылает нас к широко распространенному мифу о гигантах (великанах), что вполне логично, поскольку некоторые росписи очень большого размера. Чтобы создать подобные огромные фрески, иногда необходимо было взобраться на высоту до десяти метров, что как раз под силу только великанам [20, pp. 62-67]. Кочими утверждали, что между великими были постоянные конфликты, которые в конце концов привели их к взаимному истреблению, а окончательное уничтожение завершили предки кочими. Кстати, как указывалось выше, многие человеческие фигуры изображены пораженными стрелами и копьями [14, pp. 46-51]. Это, впрочем, свидетельствует об обычных для того исторического периода конфликтах в борьбе за территории. Очевидно, что

наскольная роспись создавалась различными группами в разное время на протяжении не менее 7 тыс. лет. Из-за различий в образах и стилистике определить принадлежность тех или иных памятников подобного рода можно лишь приблизительно [14, p. 46; 21].

На полуострове Калифорния представлены и характерные для доисторического времени петроглифы. Учеными Национального Института антропологии и истории (г. Мехико) по данным на 2019 г., зарегистрировано 16 зон с петроглифами [22; 23; 24; 25]. Так, в Южной Нижней Калифорнии в горном районе Сьерра-де-ла-Гиганта, расположенном на высоте до 1600 м, на всем его многокилометровом протяжении, где археологи зарегистрировали около 150 различных памятников, находятся и петроглифы. Там же, в Каньяда-де-ла-Монтоса в 22 км от побережья моря Кортеса, на небольшой площади (30 м x 20 м) высечено несколько десятков петроглифов [26]. Одно из мест, где их особенно много — так называемый Пинтас-де-Крус, где петроглифы встречаются на протяжении до 1,5 км. Примером подобных артефактов являются и петроглифы Пьедрас Пинтас [27, p. 50] (илл.5).

В целом тематика петроглифов во многом схожа с тем же в наскальной живописи. Тем не менее они не всегда расположены в одном и том же месте, поскольку их создавали, по-видимому, с определенными целями. Петроглифы часто находятся у источников воды, они чаще представляют образы, связанные с морской фауной. Как и в случае с наскальной живописью, качество петроглифов разное, равно как и стилистика изображения. Образы, отраженные в петроглифах, бывают абстрактные, геометрические (линии, круги, сетки, звезды), но есть и реалистические изображения (кролики, рыбы) [2].

Датировать петроглифы еще сложнее, чем роспись, поскольку они не содержат органического материала. Их возраст возможно определить путем изучения повторного окисления базальта в канавках, формирующих сам петроглиф. Это процесс очень медленный и зависит, в частности, от содержания железа в базальте, скорости, с которой он окисляется, и количества влаги в окружающей среде. По оценкам экспертов, на полуострове Калифорния повторное окисление в засушливых районах может занять до 3 тыс. лет [14, р. 46-51]. С учетом этого возраста петроглифов, например, в одном из мест, где их особенно много, а именно, в Пинтас-де-Крус, составляет по меньшей мере полуторы тысячи лет [27, р. 50].

Как и в случае с наскальной живописью, возникает вопрос об авторстве петроглифов. Сейчас невозможно определить, были ли они созданы теми же группами, что оставили наскальную живопись, хотя это вполне вероятно.

Еще больше проблем в мексиканской Калифорнии возникает с геоглифами. Из-за больших размеров их, как правило, можно обнаружить только с помощью специальных средств. К сожалению, из-за слабой изученности, информации о геоглифах не так много. А те сведения, которые появляются, еще необходимо уточнять [28]. Так, есть сообщение о геоглифе в сотне километров от Мехикали [29]. В 1987 г. Марвин Петчен во время полета над г. Эль-Мармоль, район г. Энсенада, обнаружил геоглиф. В 1989 г. до него, наконец, добрались по земле, а в 1991 г. вся история его открытия была представлена в одной из публикаций [30].

Итак, калифорнийцы жили в эпоху раннего общества (кочевого или полукочевого) даже к моменту прихода европейцев, не говоря уже о более ранней эпохе. Их материальная культура, основанная на присваивающем типе хозяйства, диктовала те способы добычи средств существования, которые характерны именно для данного типа общества. Эта материальная культура, в частности, способствовала формированию культуры кончero. В музее г. Тихуана среди характерного для подобного рода регионального (краеведческого) материала есть раздел с довольно точным, по сути, названием — «Калифорния до Калифорнии»: посвящен как историческим народам, с которыми встретились испанские завоеватели, так и археологическим культурам — молчаливым свидетелям древнейшего прошлого [31, р. 55].

Набор артефактов, обнаруженных во временных поселениях-кончero, однообразен, здесь нет никаких следов древних городов. Калифорнийцы, находясь в фактической географической изоляции, не испытали внешнего влияния знаменитых древних культур. Словом, полуостров Калифорния — «Сухая рука» — так и не дотянулся до Месоамерики*.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Leon-Portilla M., Historia y formas de la vida en Baja California. *Arqueología mexicana*. México, 2003, vol. XI, N 62, pp 16-23.
2. Dahl F.R. Historia de la arqueología en la península de Baja California. *Arqueología mexicana*. México, 2003, vol. XI, N 62, pp. 33-39.

* Впрочем, в Месоамерику не проникли и культуры других регионов Мексики, в частности, северо-западных областей, но они, по крайней мере, имели некоторые опосредованные связи с месоамериканскими культурами [32, 33].

3. García L.R.F., Ovilla G.J. R. Arqueología de la Costa del Pacífico Norte de Baja California. *Arqueología Mexicana*. México, 2017, septiembre-octubre, N 147. Available at: <https://arqueologiamexicana.mx/mexico-antiguo/arqueologia-de-la-costa-del-pacifico-norte-de-baja-california> (accessed 01.04.2021).
4. Ibarra E.M.F., García J.F.A. De estilos y fronteras: manifestaciones gráfico-rupestres de Baja California. *Arqueología Mexicana*. INAH, México, 2019, N 56, enero (segunda época). Available at: [http://mediateca.inah.gob.mx/repositorio/islando-ra/object/articulo%3A20033_\(accesed 01.04.2021\)](http://mediateca.inah.gob.mx/repositorio/islando-ra/object/articulo%3A20033_(accesed 01.04.2021)).
5. Beltran C.F. La arqueología del holoceno en el corredor costero Colnett – El Rosario (Baja California, México): un análisis orientado a la gestión. Ensenada, Baja California, noviembre del 2009. Available at: cm.ens.uabc.mx/jatay/tesis/posgrado/medio_ambiente_desarrollo/doctorado/Dr C Figueiroa.pdf (accessed 05.04.2021).
6. Fuhita H., Ainis A. Traditions of Early Human Groups in Baja California and Possible Routes for the Peopling of the Peninsula. *Western North American Naturalist* Provo, Utah, 2018, 78(3). Available at: https://www.researchgate.net/publication/329439929Traditions_of_Early_Human_Groups_in_Baja_California_and_Possible_Routes_for_the_Peopling_of_the_Peninsula (accessed 03.04.2021).
7. Ibarra E.F., Ramírez A.G. Nota de investigación arqueológica: Salvamento arqueológico. La Chorera, San Quintín, Baja California, 11 junio, 2018. Available at: <https://arqueologia.inah.gob.mx/?p=1982> (accessed 14.09.2020).
8. Ibarra E.F., Navarro J.Z. Nota de investigación arqueológica: Salvamento Arqueológico Acueducto Rosarito. El Florido, B.C. septiembre, 2020. Available at: <https://arqueologia.inah.gob.mx/?p=2626> (accessed 06.12.2020).
9. Fuhita H. Enterramientos en concheros y cuevas de de Baja California. *Arqueología Mexicana*. México, 2003, vol. XI, N 62, pp. 40-43; Skeletons Shed Light on Ancient Mesoamerican Burial Rituals. Available at: <https://www.telesurenglish.net/news/Skeletons-Shed-Light-on-Ancient-Mesoamerican-Burial-Rituals-20180418-0033.html>, published 18 April, 2018 (accessed 03.04.2021).
10. Conchalito. Ancient Village or Settlement in Mexico. Available at: <https://www.megalithic.co.uk/article.php?sid=24953> (accessed 03.04.2021).
11. Michelini A. P. Nota de investigación arqueológica: Una pipa arqueológica de la Sierra de las Pintas Baja California 5 septiembre, 2017. Available at: <https://arqueologia.inah.gob.mx/?p=1923> (accessed 07.09.2020).
12. Fuhita H., Ainis A. Traditions of Early Human Groups in Baja California and Possible Routes for the Peopling of the Peninsula. *Western North American Naturalist*, Provo, Utah, 78(3), 2018. Available at: https://www.researchgate.net/publication/329439929_Traditions_of_Early_Human_Groups_in_Baja_California_and_Possible_Routes_for_the_Peopling_of_the_Peninsula (accessed 03.04.2021).
13. Dahl F.R., Baja California Sur. *Arqueología Mexicana*. México, 2003., vol. XI, N 62, pp. 80-81.
14. Hambleton E., Lienzo de Piedra. *Arqueología mexicana*. México, 2003, vol. XI, N 62, pp. 46-51.
15. Pinturas rupestres de La Sierra de San Francisco, Baja California Sur. Available at: <https://arqueologiamexicana.mx/mexico-antiguo/pinturas-rupestres-de-la-sierra-de-san-francisco-baja-california-sur> (accessed 29.11.2019).
- 16.. González J.S. El Vallecito, Baja California. *Arqueología mexicana*. México, 2003, vol. XI, N 62, p. 54; El Vallecito. *Mediateca*. INAH, 1999. Available at: <https://mediateca.inah.gob.mx/repositorio/islandora/object/guia%3A32> (accessed 01.04.2021).
17. El Vallecito. *Mediateca*. INAH, 1999. Available at: <https://mediateca.inah.gob.mx/repositorio/islandora/object/guia%3A32> (accessed 01.04.2021).
18. .Michelini A.P. Rancho Codornices: Entre el Estilo Gran Mural y el Abstracto Peninsular de Baja California. Available at: <https://arqueologia.inah.gob.mx/?p=1364>(accessed 28.10.2019).

Доиспанская история мексиканской Калифорнии

19. Martínez L.G. El Estilo Gran Mural en la Sierra de Guadalupe, B.C.S. *Arqueología mexicana*. México, 2003, vol. XI, N 62, pp. 44-45.
20. Patterson J. B. Las misiones de la península de Baja California. *Arqueología mexicana*. México, 2003, vol. XI, N 62, pp. 62-67.
21. Hambleton E. Lienzo de Piedra. Available at: <https://arqueologiamexicana.mx/mexico-antiguo/lienzos-de-piedra> (accessed 29.11.2019).
22. Hallan 16 sitios con misteriosos petroglifos de hace 3 mil años en Baja California. Available at: <https://www.elsoldemexico.com.mx/cultura/hallan-16-sitios-con-misteriosos-petroglifos-de-hace-3-mil-anos-en-baja-california-6295503.html> (accessed 06.04.2021).
23. Encuentran 16 sitios con misteriosos petroglifos de hace 3 mil años en Baja California. Available at: <https://elcomentario.ucol.mx/encuentran-16-sitios-con-misteriosos-petroglifos-de-hace-3-mil-anos-en-baja-california/> (accessed 06.04.2021).
24. Hallados más de 100 petroglifos indígenas en el estado mexicano de Baja California Sur. Available at: <https://www.ancient-origins.es/noticias-historia-arqueologia/hallados-m%C3%A1s-100-petroglifos-ind%C3%ADgenas-el-estado-mexicano-baja-california-sur-003905> (accessed 06.04.2021).
25. Hallan 200 sitios con petroglifos y pintura estilo Gran Mural en el valle de Los Cirios, BC. Available at: <https://www.proceso.com.mx/cultura/2019/4/10/hallan-200-sitios-con-petroglifos-pintura-estilo-gran-mural-en-el-valle-de-los-cirios-bc-223142.html> (accessed 06.04.2021).
26. Mariló T.A. Hallados más de 100 petroglifos indígenas en el estado mexicano de Baja California Sur. Available at: <https://www.ancient-origins.es/noticias-historia-arqueologia/hallados-m%C3%A1s-100-petroglifos-ind%C3%ADgenas-el-estado-mexicano-baja-california-sur-003905> (accessed 01.04.2021).
27. Petroglifos en Baja California. *Arqueología mexicana*. México, 2003, vol. XI, N 62, p. 50.
28. Registran en Baja California 16 zonas con petroglifos. *El Siglo de Torreón*, jueves, 28 de enero, 2021. Available at: <https://www.elsiglodetorreon.com.mx/noticia/1824338.registran-en-baja-california-16-zonas-con-petroglifos.html> (accessed 01.04.2021).
29. Mettler T. Geoglifos de Macahui en el desierto de Mexicali, publicado 21 junio, 2017. Available at: <http://www.esascosas.com/geoglifos-de-macahui/> (accessed 08.04.2021).
30. D. Kier. Petroglyphs, Pictographs, and Geoglyphs. Available at: https://www.bajabound.com/bajaadventures/bajatravel/petroglyphs_pictographs_geoglyphs.php (accessed 02.04.2021).
31. Cotés G.C.A. Centro cultural Tijuana. *Arqueología mexicana*. México, 2003, vol. XI, N 62, p. 55.
32. Баглай В.Е. Исторический Дуранго: между Месоамерикой и американским Юго-Западом? *Латинская Америка*. М., 2018, № 8, с. 77-93 [Baglay V.E. Istoricheskij Durango: mezhdu Mesoamerikoj i amerikanskim Yugo-Zapadom? [Historical Durango: between Mesoamerica and the American southwest?]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2018, N 8, p .77-93 (In Russ.).
33. Баглай В.Е. Археология Соноры: древние культуры северной Мексики и их роль в становлении связей Месоамерики и американского Юго-Запада. *Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. СКФУ*, Ставрополь, 2018, выпуск № 3, 2018, сс. 35-41.[Baglay V.E. Arheologiya Sonory: drevnie kul'tury severnoj Meksiki i ih rol' v stanovlenii svyazej Mesoameriki i amerikanskogo Yugo-Zapada [Sonora's archeology: the ancient cultures of Northern Mexico and their role in connecting Mesoamerica and the American Southwest]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. Nauchno-teoreticheskij zhurnal. SKFU Stavropol'*, 2018, Vypusk N 3, pp. 35-41 (In Russ.).

Валентина Баглай

Valentina E.Baglay (baglayvalent@yandex.ru)

Doctor of historical Sciences, Professor of Kuban State University, Department of foreign regional studies and Oriental studies

Stavropol street, 149, 350058 Krasnodar, Russian Federation

The pre-Hispanic history of Mexican California. The road to Mesoamerica that was never completed

Abstract. The article is devoted to the study of the oldest cultures of the California Peninsula. The analysis is based on the study of archaeological monuments of material and spiritual culture, reflected in rock paintings, petroglyphs and geoglyphs. The first traces of settlers in the territory of Mexican California are about 14,000 years old (Clovis culture) and are associated with Aridoamerica. Cultures have been coming in from the north continuously, although their sequence has yet to be determined. A culture of nomadic and semi-nomadic groups (the conchero camp culture) was formed here, collecting shellfish, plants and fruits, coastal fishing, and hunting marine and terrestrial mammals. The geographical isolation of the peninsula did not allow the establishment of links between Californians and Mesoamerican cultural areas.

Key words: Aridoamerica, archaeology of prehistoric cultures of the California Peninsula, rock paintings, petroglyphs, geoglyphs.

DOI: 10.31857/S0044748X0015307-6

Received 15.02.2021.

К.Р.Буйнова

Марио Варгас Льоса в Советском Союзе

К 85-летию писателя

Данный материал представляет собой публикацию отчета переводчицы Иностранный комиссии Союза советских писателей Тамары Злочевской о пребывании в СССР перуанского писателя Марио Варгаса Льосы в 1968 г., снабженную комментарием исследователя и пояснениями к тексту. Это — первая публикация документа, хранящегося в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Известно, что к концу 60-х годов писатель разочаровался в социализме, и в качестве причин указываются разные факторы — от посещения социалистических государств до пражских событий и реакции на них руководства Кубы. Отчет переводчицы, сопровождавшей писателя, — это редкий источник о визите Варгаса Льосы в Москву, о котором известно не так много. Свидетельство Т.Злочевской, а также анализ переписки между писателем и Иностранный комиссией проливают свет на недоразумения, возникшие у него с советскими институтами в связи с цензурой и с гонораром за роман «Город и псы».

Ключевые слова: Марио Варгас Льоса, «Город и псы», Союз писателей СССР, Пражская весна, отчет переводчика, латиноамериканская литература.

DOI: 10.31857/S0044748X0015308-7

Статья поступила в редакцию 21.03.2021.

Изучению советско-латиноамериканских литературных связей посвящены работы нескольких поколений замечательных отечественных литературоведов, историков и культурологов. Этот интерес абсолютно закономерен: ведь антипод — это всегда интересная призма для исследования собственной культуры. При этом, как правило, в литературных памятниках «другого» мы ищем след, оставленный русским «печатным» словом, будь то художественные произведения, сочинения идеологов марксизма или советская пропагандистская продукция. Напасть же на след реальной встречи сложнее; ее важность тем сложнее доказать, чем меньшими под-

Кристина Романовна Буйнова — кандидат исторических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России (РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76, <https://orcid.org/0000-0002-6983-5212>, k.r.bujnova@inno.mgimo.ru).

Кристина Буйнова

тверждениями мы располагаем о том, что она вообще имела место. Тем интереснее становится публикация архивных материалов, свидетельствующих о развитии культурных контактов на уровне личного общения и непосредственно в рамках межкультурной коммуникации.

О Марио Варгасе Льосе известно, что в юности он был марксистом, но потом разочаровался в этом учении. Известно и то, что он бывал в Советском Союзе. Однако ни визит писателя в 1968 г., ни его — хотя бы косвенное — влияние на разрыв с социализмом в научной литературе не изучены. Мы надеемся, что наша архивная находка станет первой попыткой восполнить эту лакуну.

Варгас Льоса приехал в СССР молодым, но уже сложившимся человеком 32 лет, автором двух произведений, премированных международными наградами. Популярность в СССР он заслужил благодаря роману «Город и псы» (*La ciudad y los perros*, 1963 г.), который был опубликован в 1965 г.¹. Вскоре Союз советских писателей (СП) пригласил молодого «прогрессивного» автора посетить нашу страну. «Прогрессивность» его в глазах СП была связана не только с риторикой «Города и псов», но и с дружбой писателя с Кубинской революцией. Тем не менее Варгаса Льосу нельзя было назвать безусловно лояльным СССР или, как это обычно говорили, «настоящим другом нашей страны»: в 1966 г. он протестовал против процесса над Андреем Синявским и Юрием Даниэлем [2], а в 1967 г. обличал СССР в цензуре и выступил в защиту А.И.Солженицына [3]. Но в СП об этом то ли не знали, то ли предпочитали закрывать на это глаза.

Что же заставило Варгаса Льосу приехать в Советский Союз? Во-первых, он все еще оставался другом Кубинской революции и убежденным социалистом (хотя в 1967 г. его отношения с Кубой начали портиться [4, р. 141–142]). Во-вторых, он относился к той части латиноамериканской интеллигенции, которая после XX съезда КПСС и последовавшего за ним раскола в коммунистическом лагере разделяла тезис о том, что «настоящий социализм» представлен именно в СССР и на Кубе (а не в Китае) [4, р. 142; 6], и ему наверняка хотелось убедиться в этом лично. В-третьих, роман «Город и псы» был опубликован издательством «Молодая гвардия» невообразимым для испаноязычного рынка тиражом в 115 тыс. экземпляров. Для сравнения: с 1963 по 1966 г. перуанские издательства выпустили в совокупности 25–30 тыс. экземпляров; первые шесть изданий этого романа барселонским издательством *Seix Barral* в те же годы имели общий тираж 25 тыс. экземпляров, что отразило фантастическую популярность этого произведения в стране, где средний тираж книги составлял 3 тыс. экземпляров [5, р. 191]. Вне зависимости от представлений Варгаса Льосы о средних тиражах в Советском Союзе, он не мог не быть польщен таким интересом к своему творчеству.

Почему же, в таком случае, его визит был столь коротким (пять дней)? В те годы в СП СССР иностранных писателей обычно приглашали на две недели [7, л. 14]. Но организация поездки велась по переписке, которую преследовал какой-то злой рок: письма то пропадали, то приходили слишком поздно, то писатель уезжал как раз к моменту получения письма или телеграммы, то менял адрес [8, л. 1, 2, 10, 12]. Не дождавшись приглашения, Варгас

¹ Книга вышла в переводе Н.Л.Трауберг и Д.Гарсии; предисловие к роману написал Ф.Г.Светов [1].

Льоса провел отпуск в Пальма-де-Майорке и уже не мог приехать в Советский Союз надолго из-за начала учебного года в Лондонском университете, где он читал лекции.

Досадные проволочки касались не только обмена письмами, но и выплаты писателю авторского гонорара за опубликованный еще в 1965 г. русский перевод «Города и псов». Этот момент заслуживает отдельного внимания. Выплата гонораров иностранным писателям в 50-е и 60-е годы представляла собой целую проблему. Еще в 1955 г. к решению данного вопроса взывал Борис Полевой, курировавший международную деятельность СП: «Мне … много раз доводилось слышать от самых близких друзей, с которыми меня связывают давние добрые отношения и которые в связи с этим разговаривают откровенно, от таких, как Неруда, Зегерс, Садовяну, Лакснесс² — выражения недоумения: западному человеку непонятно, как в стране, где труд является основой жизни, в стране тружеников почему-то трудно получить то, что ты честно заработал и что тебе без всякого напоминания пришлет любое издавшее тебя буржуазное издательство» [9, л. 7].

Судя по переписке с другими латиноамериканскими писателями, проблема своевременной выплаты гонораров не была решена и за десять лет. В письмах Иностранная комиссия продолжала предлагать авторам оплатить их труд при посещении ими СССР. Отдельной проблемой для иностранцев стала оплата гонорара в советских рублях — денежные переводы за границу, тем более в валюте, делались только в исключительных случаях³. Но и в таких исключительных случаях, как, например, смерть писателя, обещанные суммы могли быть и не выплачены⁴. Получившим же гонорар в Москве в рублях ничего не оставалось делать, кроме как потратить его в Советском Союзе⁵.

Варгас Льоса несколько разправлялся о гонораре еще до поездки [8, л. 1, 2]. По утверждению консультанта Иностранной комиссии Нины Булгаковой, деньги были высланы; но за несколько месяцев они так и не добрались до адресата. О недовольстве писателя подобной двусмысленной ситуацией косвенно свидетельствует дарственная надпись в испанском экзем-

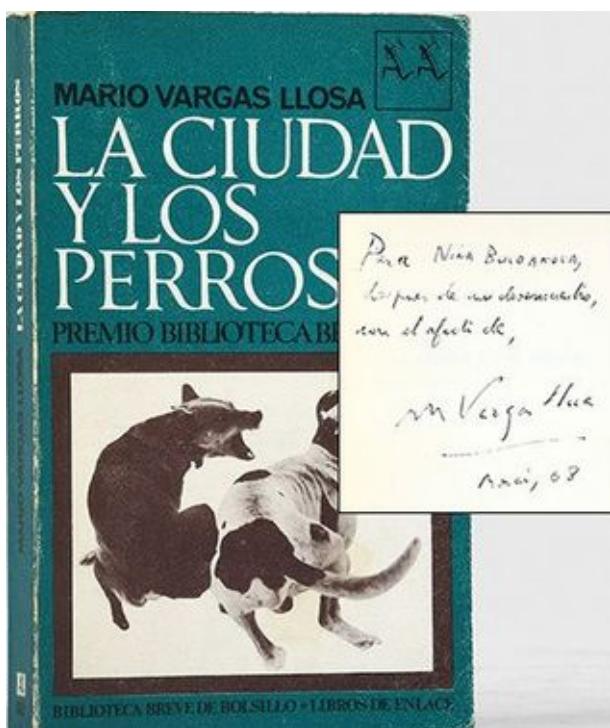
² Пабло Неруда (1904—1973 гг.) — чилийский поэт; Анна Зегерс (1900—1983 гг.) — немецкая писательница; Михаил Садовяну (1880—1961 гг.) — румынский писатель; Халлдор Кильян Лакснесс (1902—1998 гг.) — исландский писатель.

³ Так, в 1964 г. колумбийскому писателю Кабальеро Кальдерону, который «в очень тактичной форме … намекнул на вопросы, связанные с материальной стороной … поездки, связав их с изданием его романа в Советском Союзе» (стыдливый эвфемизм для оплаты билета в счет заслуженного гонорара), ответили в абсурдной формулировке: «…по существующим у нас правилам, в некоторых, исключительных случаях, иностранные авторы произведений, издаваемых в Советском Союзе на русском языке, могут получить свой гонорар, но, конечно, не в иностранных девизах, а в советской валюте на месте, т.е. в Советском Союзе» [10, л. 1].

⁴ Так случилось с гонораром соотечественника Варгаса Льосы, Хулианом Уанаэм (1907—1969 гт.), который умер в 1969 г. от рака. Когда Уанай был в тяжелом состоянии в больнице, его друзья писали в Союз советских писателей письма с просьбой помочь ему и прислать гонорар в иностранной валюте. По необъяснимой причине в коротком резюме по-русски, сделанном на их письме от руки, написано: «Друзья против какой-либо выплаты гонорара Уаная». [8, л. 4-9].

⁵ См., например, отчет о пребывании в СССР Франсиско Колоане в 1964 г.: [11].

Кристина Буйнова



Дарственная надпись Н.Булгаковой на титульной странице испанского издания романа «Город и псы»

пляре «Города и псов», который он подарил Н.Булгаковой при встрече в Москве: «Нине Булгаковой, преодолев [наше] недопонимание, преданный Вам М.Варгас Льоса». Не исключено, что к весне 1968 г. дополнительным стимулом приехать в СССР стало для писателя желание все-таки получить честно заработанное вознаграждение. Из документов не вполне ясно, выдали ли Варгасу Льосе гонорар, когда он приходил в издательство в Москве в мае 1968 г., как утверждает в отчете его переводчица, и если все же выдали, то в полном ли объеме. Так или иначе, по крайней мере часть суммы писателю все-таки прислали переводом [8, л. 10].

Итак, Варгас Льоса находился в Москве с 24 по 30 мая 1968 г. Его пятидневная программа пребывания в Москве включала как культурные мероприятия, так и деловые встречи (см. отчет и программу пребывания ниже). Казалось, что следующего, более продолжительного визита писателя можно было ожидать в ближайшее время. Однако переписка Варгаса Льосы с СП прерывается в конце 1968 г. В последнем письме, отправленном в ноябре на имя председателя Иностранной комиссии Александра Косорукова, он просит поблагодарить Нину Булгакову и переводчицу Тамару Злочевскую, которые сопровождали его в Москве в мае. Через полгода после поездки эти теплые слова в адрес советских знакомых звучали как прощание.

В воспоминаниях 1993 г. Варгас Льоса настаивает на том, что разочарование в практическом воплощении социализма — еще до охлаждения к марксизму — было вызвано его непосредственным опытом пребывания в социалистических государствах — на Кубе, в Советском Союзе и странах народной демократии⁶. Однако его же высказывания 1968 г. [13] свидетельствуют, скорее, о том, что разочарование постигло писателя после ввода советских войск в Чехословакию. Исследователи жизни и творчества

⁶ «Desde mi desencanto con el marxismo y el socialismo — el teórico también, pero sobre todo el real, que había conocido en Cuba, en la Unión Soviética y en las llamadas democracias populares...» [12, p. 113].

М.Варгаса Льосы называют точкой невозврата именно август 1968 г., а также последовавшее вскоре одобрение вторжения Фиделем Кастро: [14, р. 34, 46]; [15, р. 7]; [16, р. 52]. 29 августа он напишет Н.Булгаковой: «В последние дни я много думал о вас [о советских знакомых], о том внимании, которое вы оказывали мне в Москве во время моего визита, в связи с событиями в Чехословакии. Не скрою, что это известие ужасно на меня подействовало, потому что, считая себя другом советской Революции и ее почитателем, я не могу понять, как можно было пойти на такой несправедливый шаг — военное вторжение. Я думаю, что эти события разбили сердце не мне одному»⁷.

...По иронии судьбы, одновременно с известием о советских танках в Праге Варгасу Льосе пришел чек из Советского Союза⁸.

ОТЧЕТ ПЕРЕВОДЧИКА О ПРЕБЫВАНИИ В СССР МАРИО ВАРГАСА ЛЬОСЫ 25-30 МАЯ 1968 ГОДА⁹

М.Варгас Льоса пробыл в Москве всего пять дней. Он не смог воспользоваться приглашением принять участие в пушкинских торжествах, так как должен был выступить в Кембриджском Университете с давно объявленной лекцией (о латиноамериканской литературе) и принять экзамены у студентов Лондонского университета, где он преподавал (Варгас Льоса уже несколько лет жил в эмиграции — сначала в Париже, затем в Лондоне). Этот приезд он считал как бы предварительным, беглымзнакомством с Советским Союзом, намереваясь вскоре вернуться, совершив поездку по стране, многое увидеть и узнать, выступить у нас по радио и в печати.

За время пребывания в Москве Варгас Льоса успел посетить издательство «Молодая гвардия», где он получил гонорар¹⁰ за книгу «Город и псы»¹¹ и беседовал с редактором Л.Беспаловой¹², побывал в Библиотеке

⁷ Перевод мой. — К.Б. [8, л. 10].

⁸ 29 августа 1968 г. Льоса сообщает, что получил денежный перевод неделю назад [8, л. 10].

⁹ Согласно сложившейся в Иностранной комиссии традиции, переводчик, сопровождавший иностранного писателя во время его визита в СССР по линии СП, писал для комиссии отчет о пребывании иностранца. Отчет составлялся в свободной форме для внутреннего пользования в СП. Исходя из общих результатов поездки, Иностранная комиссия могла принять решение о новом приглашении писателя, о расширении сотрудничества с ним (например, заказ перевода произведений на русский язык, интервью советской прессе, подготовка статей для советской печати и т.д.). Отчет о пребывании в СССР Марио Варгаса Льосы написан сопровождавшей писателя переводчицей, сотрудникой Иностранной комиссии СП СССР Тамарой Злочевской [17]. Машинопись, 5 лл. Содержит автограф переводчицы на л. 3.

¹⁰ Информация о получении Варгасом Льосой гонорара за книгу в издательстве расходится с содержанием его переписки с Иностранной комиссией: согласно его письму от 29 августа 1968 г., он получил перевод не раньше середины августа 1968 г. Впрочем, возможно, это была оставшаяся часть суммы.

¹¹ Напомним, на русском языке книга была опубликована в 1965 г.

¹² Лариса Георгиевна Беспалова, (1933 г.р.). Переводчик с английского языка; работала в журнале «Новый мир», издательстве «Молодая гвардия».

Кристина Буйнова



Марко Варгас Льоса и Элла Брагинская в Библиотеке иностранной литературы

иностранный литературы, в музеях М.Горького, Л.Толстого, на ВДНХ, в Кремле, на выставке русского прикладного искусства, в Новодевичьем монастыре, в книжных магазинах, во Дворце съездов на спектакле «Золушка», в театре им. М.Н.Ермоловой на спектакле «Бег» по роману М.Булгакова¹³, в цирке. Писатель также посетил мавзолей В.И.Ленина и могилу Неизвестного солдата. Неоднократно беседовал с Н.Булгаковой¹⁴, встречался с Ю.Дашковичем¹⁵, Е.Евтушенко¹⁶, М.Лукониным¹⁷. Был на приеме у чилийского культурного атташе Р.Диаса¹⁸.

¹³ В 1967 г. булгаковский «Бег» в Московском театре имени М.Н.Ермоловой стал первой московской постановкой пьесы.

¹⁴ Нина Булгакова (точные даты жизни неизвестны) была консультантом Иностранной комиссии по латиноамериканским литературам. Иностранные писатели вспоминали ее с большой теплотой (см. [18, р. 305]; [19, р. 7]. Вероятно, во время одной из встреч в Москве в мае 1968 г. Варгас Льоса подарил ей испанское издание «Города и псов» с дарственной надписью.

¹⁵ Юрий Владимирович Дашкович (1913–?) был заведующим отделом литератур Латинской Америки журнала «Иностранная литература». Переводчица М.И.Былинкина в своих воспоминаниях называла его «главным поставщиком бестселлеров» латиноамериканской прозы: см. [20, с. 170]. О роли Ю.В.Дашковича в принятии решений о публикации произведений латиноамериканских авторов см. [21].

¹⁶ В 1960-е годы Евгений Евтушенко часто участвовал во встречах с иностранными писателями, приезжавшими в СССР.

¹⁷ Михаил Кузьмич Луконин (1918—1976) — советский поэт, лауреат Сталинской второй степени (1949).

¹⁸ Ригоберто Диас Гронов (Rigoberto Díaz Gronow, 1928—1982) — сотрудник Посольства Чили в Москве.

Марио Варгас Льоса в Советском Союзе

Во время беседы в издательстве «Молодая гвардия», где ему были вручены русские экземпляры его книги, Варгас Льоса поинтересовался сделанными в книге сокращениями (о которых ему говорил какой-то испанец в Барселоне) и выразил недоумение и несогласие с такого рода «ампутациями». Он убеждал, что нельзя произвольно обращаться с авторским текстом, где выношена каждая строчка, и сказал, что отказался дать разрешение на издание его книги в Испании именно потому, что там хотели сократить несколько не устраивавших цензуру фрагментов. В дальнейшем он интересовался тем, в какой мере редактор или редакция навязывают автору свою точку зрения и считают ли советские писатели такое положение допустимым. Было ясно, что радость от сознания, что его произведение издано в Советском Союзе и снабжено хорошим, по его мнению, предисловием, омрачена произведенными в нем сокращениями, с которыми он принципиально не согласен¹⁹.

Очень приятное впечатление, по его словам, произвело на него посещение Библиотеки Иностранной литературы²⁰, где он увидел все свои книги, беседовал с сотрудниками (Э.Брагинской²¹ и др.), познакомился с системой работы библиотеки и обещал по возвращении выступить с лекцией о современной латиноамериканской литературе.

Большой интерес вызвал у писателя литературный музей М.Горького, где он провел более трех часов (он предполагал принять участие в горьковских торжествах) и где его сопровождал квалифицированный гид, рассказывающий много интересного о жизни и творчестве Горького.

С таким же интересом посетил В.Льоса и музей Л.Толстого. Ко всему, что он видел в Москве, писатель относился с вдумчивым вниманием, с восхищением отзывался он о балете «Золушка», с удовольствием, как он говорил, просмотрел прославленный советский цирк; вдумчиво проанализировал спектакль М.Булгакова «Бег», высказав мнение, что пьеса интересная, но стилистически делится как бы на две части: трагическую и гротесковую, из-за чего и нарушается политическая и эмоциональная сила воздействия произведения.

При посещении книжных магазинов, где В. Льоса намеревался приобрести произведения советских авторов на испанском или английском языках, он был крайне поражен убогим выбором книг, переведенных на иностранные языки, и недоуменно спрашивал, чем это объясняется и почему мы так плохо пропагандируем нашу литературу. Следует отметить, что подобные высказывания мы слышим от большинства приезжающих к нам иностранных гостей, которые недоумевают, почему в продаже нет интересных книг

¹⁹ Еще до посещения СССР М.Варгас Льоса неоднократно подчеркивал, что считает любую цензуру неуместной, а веру в потенциал любого произведения искусства как инструмента пропаганды — смешной (см. [22, р. 387; 23]). Узнав, что из оригинального текста «Города и псов» при переводе вырезали около сорока страниц из-за «аморального» содержания, в 1967 г. Варгас Льоса потребовал изъять тираж, но получил отказ [5, р. 248].

²⁰ В ВГБИЛ сохранилась фотография этого визита. На фотографии Варгас Льоса и Э.В.Брагинская (см. выше).

²¹ Элла Владимировна Брагинская (1926—2010 гг.), переводчик с испанского языка. О ней см. [24].

Кристина Буйнова

советских писателей и литературоведов старшего и молодого поколения на наиболее распространенных европейских языках.

Из беседы с Ю.Дашкевичем Варгас Льоса с удовлетворением узнал, что журнал «Иностранная литература» собирается опубликовать один из его рассказов²², и согласился побеседовать в редакции о современной испанской и латиноамериканской литературе. Кстати говоря, он является членом жюри литературного конкурса «Библиотека Бреве»²³, который ежегодно проходит в Испании (где он учился²⁴).

Самым неприятным, по словам Варгаса Льосы, был для него вечер у чилийского культурного атташе Р.Диаса, поскольку он ненавидит такого рода сборища и обычно отказывается принимать в них участие, где бы то ни было²⁵. На таких вечерах, говорил писатель, вином стараются развязать людям языки, возможность интересной беседы исключена, и все заканчивается заурядной пьянкой, «а я — трезвенник, и мне все кажется каким-то паноптикумом».

В заключение можно сказать, что Варгас Льоса производит впечатление человека яркой индивидуальности, прогрессивно мыслящего, смелого в своих суждениях и высказываниях (о чем можно судить хотя бы по его речи в Каракасе при получении премии за лучшее произведение латиноамериканского автора за последние пять лет²⁶), скромного, сдержанного и обладающего чувством ответственности — ответственности за то, что он пишет, говорит и делает.

Писатель благодорил Союз писателей за прием и намеревался снова приехать в Советский Союз.

Переводчик
Т.ЗЛОЧЕВСКАЯ

²² Этим рассказом стал «Воскресный день» (*Día domingo*, 1959 г.) в переводе В.Спасской, опубликованный в «Иностранной литературе» в № 10 за 1969 г.

²³ Премия Библиотеки Бреве (*Premio Biblioteca Breve*) — литературная премия, с 1958 г. ежегодно вручается издательством *Seix Barral* (Барселона) за лучшее литературное произведение на испанском языке. Варгас Льоса стал лауреатом «Библиотеки Бреве» в 1962 г., получив ее за роман «Город и псы».

²⁴ Имеется в виду обучение в аспирантуре университета Комплутенсе (Мадрид) в 1958—1960 гг. В 1958 г. Варгас Льоса закончил Университет Сан-Маркос (Лима, Перу), получил стипендию им. Хавьера Прадо и уехал продолжать обучение в Мадрид. [12, р. 239-240].

²⁵ Стоит отметить, что «сборища» у Ригоберто Диаса, который нередко приглашал латиноамериканских писателей в чилийское посольство, вызывали неодобрение и у Иностранной комиссии. В одном из отчетов Нина Булгакова пишет, что Диас имел привычку «намеренно давать … неточную информацию о нашей жизни». [7, л. 15].

²⁶ В 1967 г. роман Варгаса Льосы «Зеленый дом» (переведен на русский Н. Наумовым в 1971 г.) удостоился венесуэльской премии Ромуло Гальегоса за лучший латиноамериканский роман. На вручении премии писатель выступил с «прогрессивных» (по советской классификации) позиций и говорил о том, что «литература скорее умрет, чем поддастся конформизму» (*La literatura puede morir pero no será nunca conformista*), и что когда-нибудь «во всех наших странах, как теперь на Кубе, настанет час справедливости» (*a todos nuestros países como ahora a Cuba la hora de la justicia social*): [25].

Программа пребывания в Москве перуанского писателя Марио Варгаса Льосы в период с 25 по 30 мая 1968 г.

25/V — Приезд из Лондона. Устройство в г-це. Прогулка по Москве. Ужин в СП с т. Булгаковой Н.А. Прогулка по Москве.

26/V — Кремль. Музеи. Выставка русского прикладного искусства. Посещение Мавзолея и могилы Неизвестного солдата. ВДНХ — Монумент «Космос». Цирк.

27/V — Изд-во «Молодая гвардия». Получение гонорара за книгу, беседа в редакции с т. Л. Беспаловой. Музей Л. Толстого. Обед в СП с тт. Булгаковой, Дашкевичем, Лукониным, Евтушенко. Покупки в магазинах. Показ метро. Перевод на испанский предисловия книги Варгаса Льосы «Город и псы».

28/V — Книжные магазины Иностранных языков. Покупки. Обед в СП. Новодевичий монастырь. Спектакль «Золушка» во Дворце съездов. Ужин в чилийском посольстве у Р. Диаса

29/V — Литературный музей М. Горького. Беседа с консультантом музея. Обед с СП. Посещение библиотеки Иностранных языков. Театр Ермоловой «Бег».

30/V — Отъезд в Лондон.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Варгас Льоса М. Город и псы. [М.] Молодая гвардия, 1965, 311 с. [Vargas Llosa M. *Go-rod i psy*. [The Time of the Hero] Moscow, Molodaya gvardiya, 1965, 311 s.]
2. Vargas Llosa, M. Una insurrección permanente [1966]. *Piedra de Toque, tomo I (1962–1983)*. Barcelona: Círculo de Lectores, 2012, 1470 p.
3. Vargas Llosa, M. La censura en la URSS y Alexander Solzhenitsin [1967]. *Piedra de Toque, tomo I (1962–1983)*. Barcelona: Círculo de Lectores, 2012, 1470 p.
4. Roldán, J. Vargas Llosa entre el mito y la realidad: posibilidades y límites de un escritor latinoamericano comprometido. Tectum Verlag DE, 2000, 285 p.
5. Aguirre, C. La ciudad y los perros: biografía de una novela. Fondo Editorial de la Pontificia Universidad Católica del Perú, 2015, 384 p.
6. Jeifets V., Jeifets L. ¿Moscú, Beijing o La Habana? Los conflictos dentro de la izquierda latinoamericana en torno a la lucha insurreccional. *Izquierdas*. Santiago de Chile, 2020, N 49, pp. 2752–2776.
7. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 164. Отчет переводчика о пребывании в СССР Мануэля Рокаса 5–27 мая 1966 г. [RGALI (Russian State Archive of Literature and Art), 631-27-164. Otchet perevodchika o prebyvanii v SSSR Manuelya Rokhasa 5–27 maya 1966 g. [Translator's report on the stay of Manuel Rojas in the USSR on May 5–27, 1966] (In Russ.).
8. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 560. Переписка с Марио Льосом о приглашении его в СССР и выплате ему гонорара. 16 января – 8 декабря 1968 гг. [RGALI, 631-27-560, Perepiska s Mario L'osom o priglashenii ego v SSSR i vyplate emu gonorara. 16 yanvarya – 8 dekabrya 1968 gg. [Correspondence with Mario Llosa about inviting him to the USSR and paying him a fee. January 16 – December 8, 1968] (In Russ.).
9. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 26, ед. хр. 46. Памятная записка Б.Н. Полевого о пребывании советских писателей в зарубежных странах и зарубежных писателей в СССР. 8 января 1955 г. [RGALI, 631-26-46. Pamyatnaya zapiska B.N. Polevogo o prebyvanii sovetskikh pisatelei v zarubezhnykh stranakh i zarubezhnykh pisatelei v SSSR. 8 yanvarya 1955 g. [B.N. Polevoy's aide-

mémoire on the stay of Soviet writers in foreign countries and foreign writers in the USSR. January 8, 1955] (In Russ.).

10. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 26, ед. хр. 4627. Запись беседы сотрудника Юнеско с Кабальеро Кальдероном о поездке в СССР. 22 апреля 1964 гг. [RGALI, 631-26-4627. Zapis' besedy sotrudnika Yunesko s Kabal'ero Kal'deronom o poezdke v SSSR. 22 aprelya 1964 gg. [Minute of a conversation between a UNESCO employee and Caballero Calderon about a trip to the USSR. April 22, 1964] (In Russ.).

11. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 26, ед. хр. 4788. Отчет переводчика о пребывании в СССР Франсиско Колоане с 1 по 6 февраля 1964 г. [RGALI. 631-26-4788. Otchet perevodchika o prebyvanii v SSSR Fransisko Koloane s 1 po 6 fevralya 1964 g. [Translator's report on Francisco Coloane's stay in the USSR from February 1 to February 6, 1964] (In Russ.).

12. Vargas Llosa, M. El pez en el agua. Memorias. Editorial Seix Barral, 1993. 541 p.

13. Vargas Llosa, M. El socialismo y los tanques [1968]. *Piedra de Toque, том I (1962–1983)*. Barcelona: Círculo de Lectores, 2012, 1470 p.

14. Castro De, J.E., Birns N. Vargas Llosa and Latin American Politics. Springer. 2010. 235 p.

15. Duarte, M. Vargas Llosa en Irak: periodismo, guerra e identidad intelectual (2003–2013). *TRANSMODERNITY: Journal of Peripheral Cultural Production of the Luso-Hispanic World*. 2014, № 4(2), pp. 1–24.

16. Köllmann, S. A Companion to Mario Vargas Llosa. Boydell & Brewer Ltd, 2014. 336 p.

17. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 559. Отчет переводчика о пребывании в СССР Марио Льоса 25–30 мая 1968 г. [RGALI, 631-27-559. Otchet perevodchika o prebyvanii v SSSR Mario L'osa 25–30 maya 1968 g. [Translator's report on the stay of Mario Llosa in the USSR on May 25–30, 1968] (In Russ.).

18. Feijoó, S. Viaje a la Unión Soviética. *Islas*, 1967, vol.9, num.2, pp. 83–306.

19. Méndez Capote, Rencé. Crónicas de viaje. La Habana. Ediciones Unión, 1966, 53 p.

20. Былинкина М.И. Всего один век. Хроника моей жизни. М., 2005, 389 с. [Bylinkina M.I. Vsego odin vek. Khronika moei zhizni. [Bylinkina M.I. Just one century. Chronicle of my life]. Moscow, 2005. (In Russ.), 389 p.

21. Дармарос, М. Жоржи Амаду и СССР. Заметки к теме. *Литература двух Америк*. 2018, № 5, сс. 230–282 [Darmaros, M. Zhorzhi Amadu i SSSR. Zametki k teme. [Jorge Amado and the USSR. Notes to the topic.] *Literatura dvukh Amerik*. 2018, N 5, pp. 230–282. (DOI: 10.22455/2541-7894-2018-5-230-282) (In Russ.).

22. Vargas Llosa, M. La censura en la URSS y Alexander Solzhenitsin [1967]. *Piedra de Toque, том I (1962–1983)*. Barcelona: Círculo de Lectores, 2012, 1470 p.

23. Leante, C. Vargas Llosa en La Habana: un recuerdo. *El País*. 01.11.1981.

24. Ella: Статьи и выступления Э. В. Брагинской последних лет; Элле: Венок признаний. М., 2011, 222 с. [Ella: Stat'i i vystupleniya E. V. Braginskoi poslednikh let; Elle: Venok priznaniii. [Ella: Articles and speeches by E. V. Braginskaya in recent years; To Ella: A wreath of appreciations. M., 2011, 222 p.] Moscow, 2011, 222 p.

25. Vargas Llosa, M. La literatura es fuego, 50 años después. *Lee por gusto*. Agosto 2017. Available at: <http://www.leeporgusto.com/mario-vargas-llosa-la-literatura-es-fuego-50-anos-despues/> (accessed 21.03.2021).

Марио Варгас Льоса в Советском Союзе

Kristina R.Buynova (k.r.buynova@inno.mgimo.ru)

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Spanish Language, MGIMO University (Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia)

Pr-t Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation

Mario Vargas Llosa in Soviet Union. Dedicated to Llosa's 85th anniversary

Abstract. The present article is a publication of a report by Tamara Zlochevskaya, a translator of the Foreign Commission of the Union of Soviet Writers, on the stay of the Peruvian writer Mario Vargas Llosa in the USSR in 1968, provided with a introduction by the researcher and explanations to the text. This is the first publication of a document preserved in the Russian State Archives of Literature and Art (RGALI). It's known that at the end of the 60s the writer found himself disappointed in socialism, although the reasons for this disenchantment could be various factors from visits to socialist countries to the Soviet invasion of Czechoslovakia and the reaction of the Cuban leadership to those events. The accompanying translator's report is a rare source about Llosa's visit to Moscow, which we hardly know about. The testimony of T.Zlochevskaya, as well as the analysis of the correspondence between M. Vargas Llosa and the Foreign Commission, shed light on the misunderstandings between the writer and Soviet institutions related with the censorship and author's emolument for the novel "*The Time of the Hero*".

Key words: Mario Vargas Llosa, "*The Time of the Hero*", Union of Soviet Writers, Prague Spring, translator's report, Latin American literature.

DOI: 10.31857/S0044748X0015308-7

Received 21.03.2021.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОЧИТАННОМ

А.Н.Боровков

Важный вклад в российскую латиноамериканистику

Е.Ю.Косевич. Мексика в системе геополитических координат начала XXI века. Москва — Санкт-Петербург. Из-во «Нестор-История», 2020, 312 с.

В рецензируемой книге проанализированы основные тенденции международной деятельности Мексики в первые два десятилетия XXI в., а также наиболее характерные тренды ее социально-политического развития. Автор стремилась показать, что Мексика все более активно подключается к решению проблем мировой политики, где она подчеркнуто занимает самостоятельные позиции. Рассмотрены отношения Мексики с США, со странами Латинской Америки, с Китаем и Испанией, а также возможности расширения связей с Россией, показана позиция Мексики в ООН и перспективы развития ее внешней политики при правительстве Лопеса Обрадора.

Ключевые слова: Мексика, внешнеполитические концепции, США, Латинская Америка, ООН, Китай, Испания, Евросоюз, Россия, Лопес Обрадор.

DOI: 10.31857/S0044748X0015309-8

Рецензия поступила в редакцию 30.01.2021.

Российская латиноамериканистика пополнилась еще одной замечательной монографией — «Мексика в системе геополитических координат начала XXI века», автором которой является относительно молодой ученый, канд. полит. наук Екатерина Юрьевна Косевич. Особенность данной книги состоит в том, что это — первая работа, полностью посвященная внешней политике Мексики. Данная тема изучалась в советской и российской латиноамериканистике, как правило, только в разделах и главах различных монографий и коллективных исследований, где рассматривались комплексные проблемы как всей Латинской Америки, так и Мексики, в частности. В монографии Е.Ю.Косевич впервые в российской латиноамериканистике анализируется исключительно международная деятельность этой страны.

Несмотря на то, что временные параметры определены двумя последними десятилетиями, вопросы, поставленные в книге, рассматриваются в контексте их исторического развития. Кроме того, при раскрытии анализируемых проблем ис-

Анатолий Никитович Боровков — доктор политических наук, руководитель Научно-издательского центра ИЛА РАН, главный редактор журнала *Iberoamérica* (РФ, 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21, <https://orcid.org/0000-0001-8982-7466>, iberoamerica@ilaran.ru).

пользуется мультидисциплинарный подход: внешнеполитические аспекты тесно увязываются с процессами, проходившими в мировой политике, с внутренними экономическими, социальными и политическими проблемами Мексики. По многим темам, о которых идет речь в книге, автором уже было опубликовано немало статей в различных научных журналах, что свидетельствует об определенной апробации сделанных в работе выводов. Несмотря на глубоко научный контент, книга написана хорошим и доступным для широкого читателя языком.

В работе, объемом в 309 страниц довольно подробно и обстоятельно рассматриваются основные направления международной деятельности Мексики. Это — отношения с США и странами Латинской Америки, ее позиция в ООН, связи с Евросоюзом через призму мексиканско-испанских отношений, значение растущего взаимодействия с Китаем, а также с Россией.

Автор не оставила в стороне такое важное явление как «левый поворот» Мексики после победы на президентских выборах 2018 г. Андреса Мануэля Лопеса Обрадора. И хотя двухлетний период его правления не дает достаточного материала для полной оценки его внешнеполитических шагов, Косевич посвятила целую главу рассмотрению того, что уже сделано новым правительством, и попыталась на этой основе спрогнозировать, куда движется Мексика.

Книга состоит из четырех глав, каждая из которых делится на соответствующие разделы. Обращают на себя внимание глубина анализа поставленных вопросов и аргументированность выводов, подкрепленных многочисленными ссылками на официальные документы, статистику, монографии, статьи в периодических изданиях, а также на электронном ресурсе. В книге почти нет ни одной страницы без ссылок на источники. Всего же в списке источников и литературы насчитывается 353 позиции.

Нельзя отказать автору в логичном построении структуры книги. После довольно лаконичного введения она ставит на первое место рассмотрение теоретических аспектов внешней политики Мексики. Этой цели она достигает, анализируя свыше 50 работ известных мексиканских историков, политологов, социологов и экономистов, среди которых такие патриархи мексиканской науки, как Пабло Гонсалес Касанова, Косио Вильегас, Виктор Уркди, Лоренсо Мейер, Марио Охеда, Ольга Пельесер и др., а также бывшие министры иностранных дел Росарио Грин, Хорхе Кастаньеда и Патрисия Эспиноса, возглавлявшие внешнеполитическое ведомство в рассматриваемый период. «Все вышеупомянутые исследователи, — пишет Косевич, — так или иначе вновь возвращались к проблеме автономии, рассматривая ее в качестве инструмента в достижении важнейших для Мексики целей, таких, как экономическое развитие и внутренняя легитимность.... В их работах неизменно подчеркивалось, что главная внешнеполитическая цель Мексики состоит не в демонстрации силы и проявлении контроля действий других участников международной политики, а в том, чтобы посредством своей автономии играть независимую и своеобразную роль в мировом масштабе» (с. 24). Важным, на наш взгляд, является сделанный автором вывод о том, что «Мексиканские исследователи



Анатолий Боровков

особо акцентировали внимание на том, что истинное международное сообщество должно состоять из мозаики народов, которые уважают существующий плюрализм и поддерживают отношения дружбы и сотрудничества» (с. 24).

Характеризуя особенность международной деятельности Мексики в новом столетии, автор цитирует высказывание Р.Грин: «Главными особенностями внешней политики Мексики как в XX, так и в начале XXI в. являются ее защитный характер, а также неизменное соблюдение международно-правовых принципов» (с. 32). Косевич обращает особое внимание на то, что, по убеждению мексиканских политологов, «малые страны, которые являются соседями крупных военных держав, особым значением наделяют именно принцип запрещения применения силы в международных отношениях» (с. 38).

Для понимания особенностей внешней политики Мексики значительный интерес представляет вывод мексиканских ученых о том, что «беспрекословному следованию определенным принципам внешней политики присущ внутренний историзм» (с. 38). И действительно, именно историческая память сыграла определяющую роль в формировании внешней политики Мексики, которая с момента борьбы за независимость испытала на себе вооруженную интервенцию Англии, Испании, Франции и особенно США, захвативших более половины ее территории. Сама жизнь поставила принцип невмешательства во главу угла политики страны, вынужденной долгое время защищаться от внешней агрессии, а независимый внешний курс служит инструментом, позволяющим отстаивать этот принцип в любых обстоятельствах и тем самым сохранять свою политическую самостоятельность при глубокой экономической зависимости, а также использовать внешнюю политику как защиту от посягательств на собственную автономию. Перечисленные принципы составляли основу важнейших внешнеполитических доктрин Мексики, из которых в контексте современной обстановки в мире особую роль играет доктрина Эстрады, провозглашенная в 1930 г. мексиканским министром иностранных дел*.

Вполне логично, что, переходя к анализу конкретных внешнеполитических шагов, автор книги во второй главе концентрирует внимание на отношениях Мексики с США и странами Латинской Америки. При этом Косевич рассматривает их с точки зрения особенностей, присущих этим отношениям XXI в., главной из которых, по ее утверждению, явилось усиление взаимозависимости Мексики и США (с. 49). Важнейшую роль в этом сыграл Североамериканский договор о свободной торговле (НАФТА), который привел к росту товарооборота и инвестиций в мексиканскую экономику, но одновременно — к увеличению внешнего долга Мексики американским банкам и миграции мексиканской рабочей силы в США. Все три мексиканские правительства — Висенте Фокса при Джордже Буше младшем, Фелипе Кальдерона при Бараке Обаме и Пеньи Ньето при Дональде Трампе — строго придерживались духа и буквы договора НАФТА.

Новыми проблемами в двусторонних отношениях, особенно во втором десятилетии XXI в. стало обострение старых: это — рост наркотрафика и организованной преступности, а также беспрецедентный размах нелегальной миграции в США. Автор весьма обстоятельно рассматривает все три аспекта, стараясь показать общее и отличное в решении этих проблем при каждом из трех мексиканских президентов. В качестве дополнения хотелось бы отметить, что при довольно глубоком анализе миграционной проблемы и ее влияния на характер мексиканско-американских отношений автору следовало бы подчеркнуть, что эта проблема возникла не в XXI в. — она существовала давно, поскольку США всегда наряду с легальной миграцией сезонных рабочих использовали

* Суть данной доктрины состоит в том, что Мексика не считает себя вправе заявлять о признании или непризнании новых правительств, поскольку это нарушает суверенитет других народов и дает основание другим правительствам вмешиваться в мексиканские внутренние дела.

нелегальную для удовлетворения внутренних потребностей в дешевой и бесправной рабочей силе. Когда эта потребность возникала, американские власти закрывали глаза на незаконный переход границы и, наоборот, когда эта потребность отпадала, ужесточали пограничный контроль, подкрепляя свои действия антимиграционной пропагандой в СМИ, в том числе и в политических интересах. Ярчайший пример тому — строительство пограничный стены при Д. Трампе и прекращение этого строительства сразу же после его ухода из Белого дома. Хорхе А. Бустаманте, основатель и бывший руководитель мексиканского исследовательского и образовательного Колледжа северной границы (*Colegio de la Frontera Norte*), в беседе с автором этих строк сравнивал мексиканско-американскую границу с крутящимися дверями, ход которых можно ускорить, приостановить, остановить совсем или запустить в обратную сторону.

Важное место во второй главе книги удалено итогам внешнеэкономического сотрудничества в рамках Договора НАФТА. Автор в сжатой форме рисует ретроспективную картину торгово-экономических отношений с США с момента провозглашения независимости Мексики вплоть до конца XX столетия, уделяя основное внимание анализу результатов действия НАФТА и выступая при этом в качестве политолога, хорошо разбирающегося в экономике. Читатель знакомится с положительными и отрицательными сторонами данного договора, а именно: головокружительный рост мексиканского экспортта, несколько превышающего импорт, с одной стороны, и на этом фоне низкий рост ВВП и доходов населения — с другой. Вопрос о причине подобного парадокса остается, по крайней мере в этой части книги, без ответа. Представляется, что здесь автору следовало бы сослаться на коллективную работу Института Латинской Америки РАН «Мексика: парадоксы модернизации» и объяснить, что мексиканский экспорт, главным образом товаров автомобильной промышленности, представлял и продолжает представлять собой продажу собранных в Мексике американских компонентов, импорт которых во многом съедает доходы от экспорта. При этом добавленная стоимость, произведенная в Мексике, — менее 10% от стоимости готовой продукции, а суммарный размер добавленной стоимости, произведенной на сборочных предприятиях, по отношению к ВВП Мексики составлял в разные периоды от 1 до 2%*.

Анализируя мексиканско-американские отношения, Косевич уделила большое внимание информационному фактору, а именно — негативному образу Мексики, формировавшемуся в сознании американского обывателя средствами массовой информации США. В книге отмечается, что «исторически сложилось так, что образ Мексики, распространяемый американскими масс-медиа, сосредотачивался на выявлении именно отрицательных моментов» (с. 92). Автор приводит многочисленные и весьма интересные примеры антимексиканской пропаганды, осуществляющейся через прессу, радио, кинематограф и Интернет, связывая их с происходившими в Мексике событиями. Убедительно показана волна антимексиканской пропаганды, прокатившейся в США в 1980—1990-е годы. Непроизвольно возникает вопрос: а почему в рамках своей политики в латиноамериканском регионе США столь предвзято относятся именно к Мексике? Прямого ответа на этот вопрос в книге нет. Но к нему можно прийти косвенно, поскольку, как уже сказано, автор связывает антимексиканские кампании с происходившими в этой стране событиями. Поэтому позволим себе добавить, что в данном вопросе субъективные факторы переплетаются с объективными. США и Мексику можно сравнить с богатым и бедным соседом. Первый процветает, и в его доме царит благополучие, а у второго постоянно возникают проблемы, которые приводят к неприятностям на прилегающей территории и, соответственно, прямо или косвенно нарушают благополучие богатого соседа. Вначале это была война за независимость, затем — гражданская война между монархистами и республиканцами, а потом надо было

* Мексика: парадоксы модернизации. Отв. ред. член-корр. РАН Давыдов В.М. М., ИЛА РАН, 2013, с. 16.

Анатолий Боровков

оправдывать аннексию Техаса, развязанную войну против Мексики и захват более половины ее территории. Новый повод для нападок на Мексику Соединенным Штатам дали Мексиканская революция 1910—1917 гг. и последовавшие затем национализация иностранных и, в частности, североамериканских компаний, потом долговой кризис 1980-х годов. В 80—90-е годы за антимексиканской кампанией стояло стремление заставить Мексику отказаться от государственного регулирования экономики и навязать ей неолиберальные реформы. Что же касается политической сферы, то либерализация экономики объективно требовала либерализации политики. И здесь, как справедливо отмечает автор, критика американских СМИ сыграла на руку левой и правой оппозиции в борьбе за демократизацию политической системы в стране. Но после того, как были достигнуты экономические и политические цели, новым поводом для нападок послужили усиление оргпреступности и наркобизнеса, а также массовый поток мигрантов через Мексику из центральноамериканских стран.

Отношения Мексики со странами Латинской Америки Косевич рассматривает в контексте экономического и политического взаимодействия с центральноамериканским субрегионом и крупнейшими государствами Южной Америки. Основная идея данного раздела состоит в том, чтобы показать тот поворот, который совершила Мексика в XXI столетии от пассивной к активной позиции в развитии данного взаимодействия. При этом отмечается, что вплоть до конца 70-х годов прошлого века Мексика играла роль одного из экономических и политических лидеров в латиноамериканском регионе. Данное лидерство, а вслед за этим и интерес со стороны мексиканского руководства к активизации отношений с Латинской Америкой были потеряны в связи с долговым кризисом 80-х годов, вступлением Мексики в НАФТА и усилением зависимости по многим направлениям от Соединенных Штатов. И лишь в новом столетии при В.Фоксе и следующих правительствах Мексика, что следует из самого названия раздела, предпринимает «новые попытки сближения с Латинской Америкой». Успех данных шагов наглядно отражен в приведенных таблицах роста внешнеторгового оборота Мексики с латиноамериканскими странами с 2005 г. (с. 125, 126). В то же время в выводах автора читатель сталкивается с явным противоречием: с одной стороны, потеря интереса Мексики к региону объясняется большей ориентацией на североамериканский рынок и усилением зависимости от США, а с другой — Мексика активизирует сближение с этими странами именно в период, когда эта зависимость не уменьшалась, а лишь нарастала все два десятилетия нового столетия. В частности, автор констатирует, что, «начиная с 1994 г., опираясь на полученный опыт запуска североамериканской зоны свободной торговли, Мексика начала активно заключать ряд относительно похожих ССТ с государствами Центральной Америки и андского региона, а также со странами, входящими в МЕРКОСУР» (с. 111). Эта констатация опровергает утверждение о том, что в 90-е годы Мексика потеряла интерес к развитию отношений с Латинской Америкой, о чем говорит следующая фраза: «Однако восстановление роли одного из лидеров, столь очевидной в 1970-х годах, но окончательно утерянной в период президентства Эрнесто Седильи (1994—2000 гг.), заставило Мексику искать новые подходы к сближению со странами Латинской Америки» (с. 109). И еще одно противоречие: на с. 110 говорится, «что в 1990-е годы Мексика играла роль проводника американской политики прежде всего в Центральной Америке» (с. 110). Имеется в виду проводника идеи Общеамериканской зоны свободной торговли (*Área de Libre Comercio da las Américas*, ALCA). А чуть ниже приводится фраза из книги В.П.Сударева: «Именно преимущества доступа на рынки Соединенных Штатов заставили Мексику, наряду с Канадой — другим партнером по НАФТА, — намеренно тормозить обсуждения в рабочих группах вопроса о создании Общеамериканской зоны свободной торговли»* (с. 110). Возникает вопрос:

* Сударев В.П. Две Америки после окончания холодной войны. М., Наука, 2004, с. 95.

так Мексика была проводником или нет? Представляется, что данный парадокс можно было бы объяснить, отделив политику от экономики. Мексика в 80-е и особенно в 90-е годы действительно сменила свою прежнюю роль буфера, амортизатора экспансионистского политического курса США в Латинской Америке на роль проводника американской экономической политики неолиберализма и свободного рынка. Это отвечало интересам не только США, но и Мексики, поскольку позволяло ей несколько ослабить одностороннюю экономическую зависимость от северного соседа и диверсифицировать внешнюю торговлю в условиях возросшего экспортного потенциала, в чем объективно заинтересована любая страна. Центральная Америка, естественно, представляла собой самый близкий и самый легкий объект при достижении данной цели. Как известно, идея ALCA лопнула, как мыльный пузырь, а заключенные Мексикой договоры о свободной торговле остались. Они и сыграли положительную роль в увеличении товарооборота Мексики с Латинской Америкой. Да и вся активизация связей с данным регионом носила преимущественно торгово-экономический характер. Политические отношения теряются среди перечислений торгово-экономических договоров, а поведение Мексики в ОАГ вообще не рассматривается. Это еще раз подтверждает тот факт, что и в новом столетии экономические интересы этой страны в латиноамериканском регионе продолжали доминировать над политическими.

Заканчивая главу о политике Мексики в Западном полушарии, автор книги концентрирует внимание на ее опыте в борьбе с преступностью. Отмечается, что «сегодня Латинская Америка является одним из самых опасных и криминальных регионов нашей планеты» (с. 130), а Мексика при этом занимает особое место, поскольку является «воротами, через которые наркотики из Латинской Америки попадают в Соединенные Штаты» (с. 132). Очень важным, на наш взгляд, представляется попытка Косевич дать теоретическое объяснение данного феномена. В частности, указывается, что рост преступности в XXI в. происходит одновременно с ростом уровня и качества жизни миллионов латиноамериканцев (с. 131). Таким образом, криминал не всегда является прямым следствием бедности населения. Отмечается также, что до сих пор не существует четкого и единого определения таких сложнейших феноменов, как преступность и безопасность, и что каждое государство наполняет эти понятия своим исключительным содержанием. В Латинской Америке, говорит автор, «преступность связывают в первую очередь с феноменом наркобизнеса на различных его стадиях» (с. 131).

В книге дается обстоятельный анализ состояния наркобизнеса и оргпреступности в Мексике, а также мер по борьбе с ними, которые предпринимались властями на протяжении последних 20 лет. Подкрепляя анализ статистическими данными мексиканских источников, автор приходит к выводу, что меры, предпринятые мексиканскими правительствами за анализируемый период, не только не снизили уровень оргпреступности, а наоборот, привели к еще большему ее размаху. Такую же оценку Косевич дает и усилиям правительства Лопеса Обрадора, указывая, что «Мексика остается особой страной, современное состояние общественной безопасности в которой вызывает серьезное беспокойство» (с. 152). Соглашаясь с этим выводом, следует все-таки оговориться, что правительство Лопеса Обрадора, открыто объявившее левый курс и унаследовавшее массу других проблем, поставило, тем не менее, борьбу с оргпреступностью во главу угла своей внутренней политики. Однако два года его пребывания у власти — слишком короткий срок, чтобы оценивать результаты усилий по решению проблемы, усугублявшейся два десятилетия.

В третьей главе, посвященной внерегиональным направлениям мексиканской внешней политики, автор сосредоточилась на четырех основных направлениях. Это — Мексика в ООН, место Китая во внешнеполитических интересах страны, Испания как опора в отношениях с Евросоюзом и резервы оптимизации российско-мексиканских отношений. Характеризуя позицию Мексики в ООН, Косевич

Анатолий Боровков

отмечает, что Мексика, будучи одной из 50-и стран — учредителей этой международной организации, на протяжении более семи десятилетий с момента ее создания активно участвовала в процессе ее развития, «из поколения в поколение неизменно отдавая дань традициям и уважению к принципам международного права» (с. 169). Особый интерес в данном разделе представляет негативное отношение Мексики к своему участию в работе Совета Безопасности, считая, что это «может повлечь за собой втягивание ее в международные конфликты, а занятие мексиканскими дипломатами определенных позиций по конкретным вопросам — привести к возникновению разногласий и спорных моментов в отношениях с Соединенными Штатами» (сс. 157–158). Несмотря на это, Мексика четырежды избиралась непостоянным членом СБ ООН: в 1946 г., с 1980 по 1981 г., с 2002 по 2003 г. и с 2009 по 2010 г. (с. 158). За эти годы она внесла в ООН целый ряд инициатив по поддержанию мира, неизменно отстаивая принцип невмешательства в дела других государств и одновременно используя ООН как «благоприятную среду для своего влияния на построение современного мирового порядка» (с. 169). От себя отметим важную инициативу Мексики, которая в разгар пандемии *COVID-19*, в апреле 2020 г., выступила в ООН с предложением принять резолюцию, призывающую все страны не допустить того, чтобы лекарственные препараты и другие средства борьбы с пандемией, которые будут разработаны, стали привилегией только богатых государств. Эта резолюция была принята 93% стран — членов ООН*.

Отношения Мексики с Китаем рассматриваются в книге в первую очередь с точки зрения торгово-экономических связей, где автор выделяет четыре основных этапа, подчеркивая, что двусторонняя торговля характеризуется значительным дисбалансом в пользу Китая, чей экспорт в Мексику в 5,5 раз превосходит импорт мексиканских товаров в Китай. В результате, как отмечает Косевич, «Китай уже превратился во второй по величине источник импорта для Мексики и третий пункт назначения мексиканского экспорта» (с. 184). В то же время по объему китайских инвестиций, которые за прошедшее десятилетие составили лишь 530 млн долл., Мексика существенно уступает Бразилии (32 млрд долл.), Венесуэле (18 млрд долл.) и Перу (17 млрд долл.) (с. 179). В книге отмечается также существенный рост числа китайских туристов, посещающих Мексику, что хорошо видно на составленном автором графике (с. 187).

В качестве прогноза делается вывод о том, что политика протекционизма, взятая на вооружение США, может побудить Мексику пойти на более тесное сближение с Китаем. В свете прихода в белый дом Джо Байдена этот тезис, видимо, потребует корректировки, поскольку новый президент США стал решительно отказываться от курса своего предшественника. Тем не менее надо признать, что общая логика развития событий объективно побуждает Мексику к более активной диверсификации своих связей с другими странами, и Китай имеет все шансы занять здесь приоритетное место.

Отношения Мексики с Евросоюзом рассматриваются сквозь призму ее связей с Испанией как главной опорой для выстраивания стратегического партнерства с европейскими странами. Даётся краткая характеристика истории отношений между двумя странами. Показано значение Иberoамериканских саммитов на высшем уровне, однако отмечается, что данные саммиты, ежегодно проводившиеся с 1991 г., «так и не стали самостоятельной международной организацией и впоследствии превратились лишь в серию встреч в курортных городах», а после 2014 г. они уже стали проходить раз в два года, что говорит о снижении их значения (с. 196).

* Ya son 179 países los que respaldan propuesta de México en la ONU para evitar acaparamiento de insumos contra coronavirus. Available at: <https://www.infobae.com/america/mexico/2020/04/21/ya-son-179-paises-los-que-respaldan-propuesta-de-mexico-en-la-onu-para-evitar-acaparamiento-de-insumos-contra-coronavirus/> (accessed 18.02.2021).

Подчеркивается, что именно с возвращением к власти в 2012 г. мексиканской Институционно-Революционной партии (*Partido Revolucionario Institucional, PRI*) в лице президента Энрике Пеньи Ньето развитие мексиканско-испанских отношений получило новый импульс. Его юридической основой стало подписание в 2014 г. Плана действий по углублению стратегического партнерства. Перечисляются заключенные между двумя государствами соглашения о сотрудничестве в области культуры, науки, образования, борьбы с организованной преступностью, безопасности, информационных технологий и др. (с. 197-200).

Основное внимание в данном разделе уделено торгово-экономическим отношениям между двумя странами, базирующимся на Соглашении о свободной торговле. На основе данных минфина Мексики Косевич представляет составленные ею графики взаимного экспорта и соотношения торгового баланса. Для Мексики Испания в новом столетии стала вторым иностранным инвестором после США и первым — среди стран — членов Евросоюза (с. 205). «Что касается мексиканских инвестиций в Испанию, то в короткие сроки Мексика стала пятой по объему прямых иностранных инвестиций в Испанию страной» (с. 206). С 2014 г. Мексика заняла первое место среди всех латиноамериканских государств по объему импорта товаров из Испании (с. 204). А Испания в рассматриваемый период заняла шестое место среди стран ЕС и восьмое среди всех стран мира по объему импорта мексиканских товаров (с. 203).

Весьма обстоятельно рассматривая отношения Мексики с Испанией как опорой стратегического партнерства с Евросоюзом, Косевич практически не касается расширения данного партнерства. Данный раздел заканчивается лишь общим выводом о том, что ЕС «не смог выработать единую стратегию продвижения своих интересов в Латинской Америке» и поэтому «именно Испания стремится взять на себя разработку и реализацию долгосрочной латиноамериканской политики, способной предложить выгодные условия для сотрудничества всему Европейскому сообществу» (сс. 208-209). Не желая оспаривать данный вывод, можем лишь сказать, что он звучал бы более убедительно, если бы был подкреплен конкретными примерами и цифрами.

Особый интерес для российского читателя представляет раздел, касающийся российско-мексиканских отношений. Автор книги рассматривает этот аспект с точки зрения возможностей оптимизации этих отношений. В рамках краткого исторического обзора Косевич подчеркивает общность основных этапов исторического развития двух стран и идентичность внешнеполитических взглядов при решении мировых проблем. Большой интерес представляет показанная автором сдержанная позиция Мексики в вопросе присоединения Крыма к России, в вопросе об «отравлении» Скрипалей, по поводу якобы «вмешательства» России в президентские выборы в США в 2016 г., а потом и «вмешательства» в мексиканские выборы 2018 г. От себя добавим, что такое же отношение мексиканские власти продемонстрировали и в связи с шумихой, поднятой вокруг Навального.

В книге отмечается активизация двухсторонних связей, особенно в последнем десятилетии нового столетия, и приводятся конкретные примеры взаимных визитов на высшем уровне, сотрудничества в международных организациях, в торговле, энергетике, включая ядерную, и разведке нефти, в области здравоохранения, авиации, вооружений, туризма, в гуманитарной сфере и др. Данные таблицы свидетельствуют о росте объема взаимной торговли и о явном дисбалансе в пользу России (с. 219). Отмечается, что в последнем десятилетии российские инвестиции увеличились на 400% (с. 218). В то же время Косевич пишет о том, что уровень торгово-экономических и других связей не отвечает имеющимся возможностям, и указывает на ряд конкретных мер, которые необходимо принять на ближайшую перспективу (с. 233).

К сказанному в книге хотелось бы добавить, что самым главным сдерживающим фактором расширения российско-мексиканских торгово-экономических отношений является объективный геоэкономический фактор. Общая граница с са-

Анатолий Боровков

мым богатым и ёмким рынком в мире определяет для мексиканского предпринимателя приоритет в пользу северного соседа. В то же время субъективный фактор, а именно желание ослабить одностороннюю зависимость от США, толкает, в первую очередь государственный бизнес, к диверсификации торгово-экономических связей с Россией, равно как и с другими странами мира.

В последней четвертой главе книги Косевич делает акцент на особенностях формирования внешней политики Мексики при президенте А.М.Лопесе Обрадоре. Несмотря на то, что в ходе предвыборной кампании и после прихода к власти Лопес Обрадор неоднократно заявлял, что «самая лучшая внешняя политика — это политика внутренняя», ясно давая понять, что внешняя политика на данном этапе не является для него приоритетной, автор книги сумела обозначить основные внешнеполитические направления, которые новый президент вынужден был выстроить в ответ на стоящие перед страной внешние вызовы. Это, прежде всего, — пересмотр условий договора НАФТА, массовая нелегальная миграция в США беженцев из Центральной Америки, строительство пограничной стены и ее финансирование, а также напряженность в отношениях с США в связи с расширением мексиканско-китайского сотрудничества в деле сооружения крупных инфраструктурных объектов и налаживанием отношений с левыми правительствами Кубы, Венесуэлы и Боливии. Все эти вопросы довольно обстоятельно рассмотрены в книге.

В качестве отличительной особенности внешнеполитического курса Лопеса Обрадора от предыдущих трех правительств Мексики в новом тысячелетии оказывается реанимация основополагающей внешнеполитической доктрины Эстрады. Со всей решительностью заявив, что Мексика будет неуклонно следовать этой доктрине, новое правительство тем самым проявило твердость по сравнению с предыдущими в венесуэльском вопросе вопреки США и латиноамериканским странам — членам Лимской группы. Говоря о диссонансе голоса Мексики в общем хоре этой организации, Косевич высказывает позицию, которая резко контрастирует с предыдущими положительными оценками политики невмешательства в дела других государств, явно осуждая поведение левого мексиканского правительства. В частности, она пишет, что на фоне поведения других латиноамериканских стран «позиция нового главы МИД Мексики М.Эбранда, призывающая к защите самоопределения народа Венесуэлы и защищающего президента Н.Мадуро, выглядела крайне архаичной, если не сказать неуместной, учитывая плачевые условия, в которых находился венесуэльский народ» (с. 252). Здесь же в качестве подтверждения данного вывода говорится: «Бедственное состояние экономики и «плачевная ситуация», в которой оказался совсем недавно процветавший венесуэльский народ, порожденные Боливарианской революцией, оказались достаточными, чтобы оправдать международное давление на Н.Мадуро, который, размахивая антиимпериалистическими лозунгами, отчаянно цеплялся за власть. Но именно этот важный факт новое мексиканское правительство и отказалось принять во внимание» (с. 252). Получается, что «бедственное положение» народа той или иной страны дает основание другим государствам вмешиваться в ее внутренние дела, осуждать правительства, вводить или поддерживать применение санкций, а там недалеко и до использования силы. Доктрина Эстрады, которая рассмотрена в начале книги, тем и универсальна, что принцип невмешательства и взаимного уважения провозглашается независимо от внутренней политики того или иного правительства, что право поддерживать или отвергать эту политику принадлежит только народу данной страны. Строгое соблюдение этого принципа позволило Мексике не разорвать дипломатические и другие связи с Кубой, несмотря на требования США, решение ОАГ, проамериканскую позицию большинства латиноамериканских государств, и сохранять добрые отношения с правительством Венесуэлы, а также и с левыми, и с правыми режимами других стран. Тот факт, что Лопес Обрадор вновь заявил о доктрине Эстрады как об основополагающем прин-

ципе его внешней стратегии, свидетельствует о том, что в его политике, как справедливо отмечает автор, происходит поворот, отход от линии, проводившейся тремя предыдущими правительствами, которые хоть и не поддерживали агрессивные действия США в отношении Венесуэлы, все же, как и другие члены Лимской группы, осуждали действия венесуэльского правительства Н.Мадуро. Именно бывший президент В.Фокс и его тогдашний глава МИД Х.КастаÑеда обрушились на Лопеса Обрадора с критикой за то, что тот, якобы, не выступает вместе со всеми в защиту прав человека в Венесуэле*.

В следующем разделе главы мы видим иное отношение Косевич к позиции Мексики в вопросе о Венесуэле: «Мексика, отказавшаяся признать Хуана Гуайдо временным президентом и не присоединившаяся к резолюции Лимской группы, стала инициатором «механизма Монтевидео» по урегулированию политического кризиса в Венесуэле. Совместно с Уругваем, Боливией, Никарагуа и странами — членами Карабского сообщества она заблокировала внесение в итоговое заключение контактной группы пунктов о необходимости проведения новых президентских выборов, а также гарантой доставки в страну американской гуманитарной помощи» (с. 282-283).

Следует заметить, что в одном из разделов книги допущена ошибка: на стр. 246 написано, что 1 декабря 2018 г. Лопес Обрадор победил на выборах. На самом деле это — дата его вступления в должность президента, а победа на выборах состоялась в июле того же года, о чем правильно говорится в других разделах работы.

Во втором разделе четвертой главы рассматривается строительство приграничной стены и ее значение для мексиканско-американских отношений. Основной вывод, содержащийся в книге, состоит в том, что принятие Вашингтоном различных заградительных мер во все предыдущие годы никогда кардинальным образом не решало проблему незаконной миграции. Приведенные автором графики наглядно показывают «количество мигрантов, родившихся в Мексике и уехавших в Соединенные Штаты в период 2001—2016 гг.» (с. 266); «число лиц, задержанных на границе между США и Мексикой (2000—2018)» (с. 267) и «количество департиантов, возвращенных на родину в Мексику (2001—2016)» (с. 268). Что же касается намерения бывшего американского президента Д.Трампа возвести вдоль всей границы стену 9-метровой высоты, то автор книги справедливо указывает, что данная инициатива «имеет исключительно политический оттенок» и была проявлена в угоду этнической группе белых американцев, озабоченных потерей своих рабочих мест и снижением уровня заработной платы (с. 272).

В конце книги Косевич пытается дать ответ на волнующий сегодня многих вопрос, «Куда движется Мексика (вместо заключения)». Действительно, страна, пережившая ряд «крутых поворотов» в своей истории, находясь под боком у самой мощной капиталистической державы мира, заявляет сегодня об откровенно левом курсе нового правительства в экономике, политике и социальной сфере, открыто клеймит проводимый с 80-х годов прошлого столетия неолиберальный курс, связывая с ним все худшее, что произошло за это время в стране, и предпринимает шаги по его изменению. Поэтому судьба левого курса Мексики волнует многих.

Косевич выделяет семь основных направлений внешнеполитических интересов Мексики: «содействие интеграции в североамериканском регионе; укрепление сотрудничества со странами Центральной Америки и Карабского бассейна; восстановление эффективного диалога с Южной Америкой; укрепление позиции страны в качестве культурного иbero-американского авторитета; стабилизация союза с Азиатско-Тихоокеанским регионом; активизация и углубление взаимодействия с Европейским союзом; максимальная диверсификация политических и эко-

* Jorge G. Castañeda. Respuesta a Maduro. *El País*. 01.06.2018. Available at: https://elpais.com/elpais/2018/05/30/opinion/1527697947_763990.html (accessed 24. 01.2021).

Анатолий Боровков

номических связей» (с. 276). Применительно к отношениям с США автор предсказывает решительный поворот руководства Мексики в сторону более самостоятельной, по сравнению с курсом предыдущих правительств, политики в целях защиты национальных интересов.

Надо сказать, что прогнозы, сделанные Косевич, базировались, прежде всего, на том, что в период правления Трампа отношения между двумя странами были весьма напряженными, а также на предположении, что тогдашнему президенту США удастся продлить свое правление на следующие четыре года. Принимая во внимание, что новый хозяин Белого дома проводит противоположный курс по целому ряду вопросов, внешняя политика Мексики может быть существенно скорректирована.

В заключение необходимо отметить, что сделанные в ходе данной статьи замечания отражают сугубо личное мнение рецензента и ни в коем случае не умаляют достоинства рассмотренной работы. Выход в свет данной книги вносит заметный и очень важный вклад в развитие российской латиноамериканистики и пополняет ее обстоятельным анализом внешней политики Мексики. Безусловно, в данной работе охвачены не все стороны международной деятельности этой страны; чтобы сделать это, необходимо было бы увеличить объем книги. Но важно подчеркнуть, что автор подробно проанализировала основные внешнеполитические направления деятельности мексиканских правительств в новом столетии. Книга Косевич является большим подспорьем для исследователей разного уровня — от студентов и аспирантов до докторов наук. Работа представляет интерес и для тех, кто интересуется прошлым и настоящим этой уникальной латиноамериканской страны, которая сейчас находится на очередном «круглом повороте» своего исторического развития.

Anatoly N.Borovkov (iberoamerica@ilaran.ru)
Doctor of Political Sciences, Head of publishing center of ILA RAN
Editor-in-chief of journal *IBEROAMERICA*

B.Ordynka Str., 115035 Moscow, Russian Federation

Important contribution to Russian Latin American studies

[Review of the book: Ekaterina Yu.Kosevich. Мексика в системе geopolитических координат начала XXI века. Москва — Санкт-Петербург.
Из-во «Нестор-История», 2020, 312 с., in Russ.]

Abstract. The book examines the main trends in Mexico's international activities in the first two decades of the XXI century, as well as the leading trends in its socio-political development. The author tried to show that Mexico is more and more actively involved in solving the main problems of world politics, where it emphatically takes independent positions. Mexico's relations with the United States, with the countries of Latin America, with China and Spain, as well as the prospects for expanding ties with Russia are analyzed, Mexico's position in the UN is shown and the prospects for the development of its foreign policy under the government of Lopez Obrador.

Key words: Mexico, foreign policy concepts, USA, Latin America, UN, China, Spain EU, Russia, border wall, Lopez Obrador, Donald Trump.

DOI: 10.31857/S0044748X0015309-8

Received 30.01.2021.

А.А.Андреева

Комплексный взгляд на «новые старые» проблемы безопасности «по ту сторону Пиренеев»

Monográfico II. La evolución del pensamiento estratégico desde el Renacimiento. Coord. F.Aznar Fernández-Montesinos y A.González Martín. Araucaria. Revista Iberoamericana de Filosofía, Política, Humanidades y Relacionaes Internacionales, 2020, N 44, 216 p.

В коллективной работе испанских ученых раскрываются вопросы, связанные с эволюцией стратегической мысли в Европе, начиная с эпохи Возрождения. Особое внимание уделяется ее зарождению в Испании в период Золотого века (XVI—XVII) и развитию до настоящего времени. Авторы обстоятельно исследуют современные тенденции в сфере международных отношений и международной безопасности, а также делятся с читателем особенностями адаптации иберийской страны к новым вызовам, возникающим в XXI в. перед государствами — членами НАТО.

Ключевые слова: Испания, Золотой век, стратегическое мышление, современные угрозы безопасности, ядерное разоружение.

DOI: 10.31857/S0044748X0013543-6

Рецензия поступила в редакцию 25.01.2021.

Межгосударственные отношения, движущие императивы внешней политики государств (и государя), военная, дипломатическая и культурная экспансия — все это традиционные темы науки о международных отношениях. Исследования данных феноменов имеют долгую традицию, уходящую корнями в древнейшие времена. Казалось бы, что нового может привнести коллектив испанских авторов в анализ уже устоявшегося категориального аппарата и таких трендов, как geopolитическое и стратегическое мышление, асимметричные войны и наращивание или сокращение ядерных потенциалов? Ведь книг, посвященных этой проблематике, — бесчисленное множество, а безусловными лидерами в этом направлении считаются англосаксонские, французские и шведские исследовательские центры.

Арина Анатольевна Андреева — кандидат политических наук, доцент кафедры Иberoамериканских исследований экономического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН) (РФ, 117198 г. Москва, Миклухо-Маклая ул., 10/2); старший научный сотрудник ИЛА РАН (РФ, 115035, ул. Б.Ордынка, 21, <https://orcid.org/0000-0003-2841-4515>, andevarina@gmail.com).

Арина Андреева

Отличительной особенностью рассматриваемой монографии стало то, что в ее написании участвовала целая плеяда испанских специалистов высокого уровня, представляющих как научную школу стратегической мысли (Испанский институт стратегических исследований), различные школы профессиональной военной подготовки, так и людей, занимающих руководящие посты в соответствующих подразделениях Министерства обороны Испании*. За плечами каждого из авторов — серьезный опыт практической «полевой» работы, исследовательской и преподавательской деятельности.

Перед составителями книги «Эволюция стратегического мышления с эпохи Возрождения» стояла весьма сложная задача — охватить довольно большие временные рамки и одновременно попытаться представить читателю полноценную картину развития института армии в Европе, его роль в современных условиях и работу исследовательских военных центров. Изучение эволюции стратегической мысли в Европе, вклад Испании в ее становление в эпоху Ренессанса дополнены глубоким анализом новых угроз и вызовов, а также устоявшихся подходов по их нивелированию в рамках института коллективной безопасности (НАТО), членом которого является Королевство Испания.

Вместе с тем необходимо отметить и тот факт, что авторы книги представляют на страницах монографии свое особое видение современных трендов мировой политики и военных аспектов, пропуская их через призму нравственных, культурно-ценностных позиций, дополненных богатым историческим опытом Испании. В результате нам предложен весьма интересный и изобилующий любопытными сюжетами взгляд на «старые новые» тенденции «по ту сторону Пиренеев».

За отправную точку исследования была взята эпоха Возрождения. А именно — учение флорентийского политика и мыслителя Никколо Макиавелли (1469—1527 гг.) о власти, этике, войне (и мире), национальном интересе и военной организации. Отдельного упоминания заслуживает приводимый автором данного раздела, Ф.Аснаром, анализ концепта «справедливости». В Средневековье в основе идеи войны лежали религиозные побуждения, а вся политика была пронизана католическими императивами. Но после того, как итальянский ученый поместил категорию войны в рамки политических отношений (как одно из средств проведения политики), этические принципы оказались вытеснены из этого дискурса. Именно поэтому между этикой и политикой он возвел непреодолимую преграду, а состояние мира трактовалось как баланс между военными потенциалами стран.

К весьма интересному выводу приходит Ф.Аснар, когда указывает, что сегодня цель войны — не столько *победить*, сколько *убедить* оппонента во взаимовыгодности победы, даже шире — необходимо убедить в этом и мировое сообщество. Так, идея мира в XXI в. становится центральной, она «канонизируется» подобно средневековым догматам, и вокруг нее создается собственная рефлексия. В конечном счете победитель — это тот, кто смог стать «единоличным собственником» идеи мира. А всех, кто будет противиться заданному плану, заклеймят «врагами мира». Как следствие, пять с лишним столетий спустя соперничество за концепт мира, равно как и этическое наполнение политики, обретают былую значимость.

Не менее познавательным сюжетом является обращение к истокам создания института гражданской армии — идее, которая неумолимым ходом истории была погребена под руинами Флорентийской республики на два столетия после вторже-

* Капитан 2-го ранга ВМФ Федерико Аснар Фернандес Монтесинос, д-р полит. наук; полковник Хосе Пардо де Сантайяна; полковник Хосе Луис Понтихас Кальдерон, д-р.экон. наук; полковник Карлос Хавьер Фриас Санчес, д-р полит. наук; подполковник Луис Andres Барсенас Медина; капитан 1-го ранга Франсиско Бенавенте Мелендес де Арвас; полковник Хосе Луис Кальво Альберто; подполковник Andres Гонсалес Мартин; генерал-майор Энрике Сильвела Диас-Криадо, д-р полит. наук.

Комплексный взгляд на «новые старые» проблемы безопасности «по ту сторону Пиренеев»

ния в 1515 г. испанской пехоты. В XVIII в. французские просветители вдохнут в эту идею вторую жизнь и наполнят идеологическим содержанием. Так, патриотизм станет катализатором соперничества между государствами, начиная с рубежа XVIII—XIX вв. Об успехе нового устройства армии мы знаем из уроков истории: войска Наполеона, состоящие из представителей всех сословий и борющиеся за общую цель, победоносно пройдутся по всей Европе в 1803—1815 гг.

Логика тотальной войны, вдохновленная индустриализацией, крайней степенью национализма, милитаризма, бюрократизацией армии и соперничества между державами, по словам автора второй главы книги Х.Пардо де Сантайяна, привели к катастрофическим последствиям Первой и Второй мировых войн. Однако дальнейшее развитие военных технологий, прежде всего изобретение атомной и водородной бомб, осознание губительности применения оружия массового уничтожения заставили вновь взять под жесткий контроль возможные сценарии военного противостояния и военную стратегическую мысль.

К сожалению, Х.Пардо де Сантайяна не делится с читателем размышлениями о современном упадке контроля над вооружениями и кризисе доверия между ведущими державами, которые, очевидно, находятся по разные стороны баррикад. А ведь современные тенденции к наращиванию ядерных и стратегических потенциалов, гонка вооружений — то, что привело к консенсусу главных акторов мировой политики полвека назад, — похоже, не позволяют говорить о закреплении в долгосрочной перспективе аксиомы об исключительно устрашающей роли военных разработок.

В подтверждение этих тезисов уже в следующей главе К.Х.Фриас анализирует суть популярной сегодня в военной академической литературе идеи об ограниченной ядерной войне. Так насколько справедливыми оказываются выводы о том, что развитие технологий усмирило «дух войны»?

Позволим себе проанализировать выводы и К.Х.Фриаса о том, что при биполярном мире есть стремление к ограничению распространения ядерного оружия, в то время как многополярность провоцирует обратные тенденции. Все пять ядерных держав (США, СССР, Великобритания, Франция, Китай) провели свои первые испытания в эпоху биполярности. Две из трех новоядерных держав (Индия и Израиль) также получили свой статус в этот период. Ядерная гонка между Аргентиной и Бразилией пришла на 1970—1980-е годы прошлого столетия — тоже время биполярности. Четыре страны (ЮАР, Украина, Казахстан и Белоруссия) отказались от своих ядерных потенциалов в переходный период крушения биполярной системы. Действительно, особую обеспокоенность в наше время вызывают ядерные программы КНДР и Ирана — государств, которые в разные периоды времени в официальных документах США неизменно составляли костяк списка стран, именуемого то «осьмью зла», то «странами-изгоями» (*rough states*), — а также угроза попадания ядерного оружия в руки террористов. Тем не менее тот факт, что некоторые государства увеличивают финансирование ядерных программ, следует связывать не столько с отсутствием двух «полицейских», следящих за функционированием созданного ими международного режима, сколько с коллапсом системы международного права, произошедшим из-за того, что так и не был выработан основополагающий инструмент его исполнения — доверие. Так, одни игроки игнорируют резолюции Устава ООН, другие — стремятся встать под «ядерный зонтик», чтобы с его помощью гарантировать неприкосновенность своих границ и внутренней политики. А дальше — как по учебнику теории игр — в отсутствие доверия напряженность будет только возрастать.

Рассматриваемая книга — весьма объемный и интересный коллективный труд. Разбирать текст каждой главы крайне интересно ввиду наличия в нем плодотворных идей для размышлений. Однако мы оставим эту работу будущему читателю и сосредоточимся на самой, вероятно, интересной для российской академической науки части данного труда — вкладу Испании в развитие военной стратегической мысли в исторической рецензии. Оригинальность этого исследования не вызывает сомнений. Найти работы

Арина Андреева

на эту тему, написанные даже испанскими авторами, довольно сложно [1], не говоря о том, что мы столкнемся с той же проблемой, если попытаемся проконсультироваться по этому вопросу с российскими аналитиками.

В XX в. специфика разработок кастильских концепций сводилась к адаптации популярных на тот момент идей немецкой и французской школ. А череда военных неудач на рубеже XIX—XX вв. превратила некомпетентность испанских вооруженных сил в своего рода клише. Могла ли зародиться национальная школа стратегической мысли в кризисные времена, когда страна теряла одну колонию за другой? Не переломил ситуацию и приход к власти генерала Франсиско Франко. Наоборот, академическая составляющая данного вопроса лишь ухудшилась. Позитивные тенденции в этой области наметились в 60—70-е годы, когда был создан Исследовательский центр национальной обороны (*Centro de Estudios de la Defensa Nacional*) и Испанский институт стратегических исследований (*Instituto Español de Estudios Estratégicos*). Два десятилетия спустя будет официально оформлено сотрудничество между гражданскими и военными институтами по совместной научно-исследовательской и преподавательской работе в сфере разработок, связанных с вопросами безопасности и обороны.

«Испанские стратегические исследования никогда не соответствовали уровню влияния страны на политической карте мира в исторической перспективе», — так Х.Л.Кальво начинает свою главу, описывая ее содержание в одном предложении. Автор обосновывает это тем, что расцвет стратегической мысли в Европе пришелся на XVIII—XIX вв. Однако в это время испанская монархия находилась в упадке, причины которого крылись в экономическом опустошении, военных поражениях (вторжение Наполеона 1808—1814 гг., потеря колоний) и острой внутренней политической борьбе.

«Золотой эпохой» для Испании стало время географических открытий и появление целого ряда хронистов, записавших события Конкисты, военных экспедиций в Европе и Латинской Америке. Это — Берналь Диас дель Кастильо и его труды о завоеваниях Новой Испании (Мексики); Франсиско де Херес, писавший о покорении Перу, а также Карлос Колома, Бернардино Мендоса, Педро де Саласар и Херонимо де Торрес и Аги-лера, сосредоточившиеся на европейских и средиземноморских сюжетных линиях.

Весьма интересным представляется тот факт, что труд Н.Макиавелли о государе имел своего испанского предтечу — Альфонсо де Паленсию, который первым написал о собственных наблюдениях, касающихся революции в военном деле эпохи Возрождения. Кроме того, сам флорентинец будет ссылаться на испанскую армию как на образцовую в плане дисциплины и возглавляемую государем, обладающим идеальными качествами полководца и правителя.

Вместе с тем нам кажется важным выделить следующий тезис: с XVI в. неизменной чертой, «национальным оттиском» испанской стратегической мысли станет постоянное обращение к моральным аспектам при интерпретации военных дел*. Даже в XX в., когда испанские авторы будут перерабатывать французские и немецкие военные стратегические подходы, ценностно-моральные категории сохранят свою значимость, а ««философия войны» будет рассматриваться через призму христианского гуманизма.

В заключение отметим, что рассматриваемая работа представляет определенную ценность с точки зрения широты затронутых в ней проблем. Авторы выбрали малознакомый широкому читателю подход, проанализировав историю эволюции понятия госу-

* Хотелось бы вновь указать на превратности фортуны, избирательно запечатлевавшей в анналах мировой истории образы «революционеров мысли». Нам всем хорошо знаком голландский юрист Гуго Гроций (1583—1645 гг.), который считается основателем международного права. Однако, как у Н.Макиавелли был испанский визави А. де Паленсиа, так и у Г.Гроция имелся свой кастильский предтеча — Франсиско де Витория (1486—1546 гг.), писавший об идеях гуманизма и международного права, но несправедливо оставшийся в тени своего коллеги [2].

Комплексный взгляд на «новые старые» проблемы безопасности «по ту сторону Пиренеев»

дарства, суверенитета и выстраивания межгосударственных отношений через призму стратегического мышления. Развитие дальнейших сюжетных линий, связанных с анализом актуальных проблем безопасности, носит исчерпывающий характер. Благодаря доступности изложения и обстоятельному обзору исследуемых тем книга найдет своего адресата как среди неискушенных читателей, так и в профессиональной среде.

Хотелось бы выразить надежду на то, что, ввиду отсутствия должного внимания ученых к развитию испанской политической мысли и непроработанности вопросов, касающихся ее влияния на развитие европейской литературы в эпоху Возрождения и Нового времени [3, р. 3], настоящая монография станет одним из «кирпичиков» монументального проекта по исследованию и переоценке наследия испанских идей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Los estudios estratégicos en España / IEEE, estudios de investigación realizados por la Sección de “Estrategia para la Defensa”. Madrid: Ministerio de Defensa, Secretaría General Técnica, 1993, 158 p.
2. Zaballa L. Vitoria, Grocio y el origen del Derecho Internacional. *Análisis*, Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación. Gobierno de España, junio 2017, N 10. Available at: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/Multimedia/Documents/2017_%20ANALISIS_10.pdf (accessed 21.01.2021).
3. Aznar Fernández-Montesinos F. Del siglo de oro al siglo XXI. Recensión del monográfico: Política y literatura. La razón de Estado en las letras del siglo de oro en Enric Mallorquí-Ruscalleda. Ed. *Documento de Análisis*, 03/2016. Available at: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_analisis/2016/DIEEEA03-2016_RecensionMonografico_FAFM.pdf (accessed 20.11.2020).

Arina A. Andreeva (andevarina@gmail.com)

PhD (Politics), Senior lecturer in the Iberoamerican Department, Economic Faculty, the Russian University of the Peoples Friendship (RUDN)

Mikluho-Maclay Str., 10/2, 117198 Moscow, Russian Federation;

Senior researcher of the Institute for Latin American Studies, Russian Academy of Sciences
B.Ordynka Str., 21, 115035 Moscow, Russian Federation

A comprehensive look at the "new old" security issues "on the other side of the Pyrenees"

[Review of the book: **Monográfico II. La evolución del pensamiento estratégico desde el Renacimiento.** Coord. F.Aznar Fernández-Montesinos y A.González Martín. Araucaria. Revista Iberoamericana de Filosofía, Política, Humanidades y Relaciones Internacionales, 2020, N 44, 216 p., in Spanish]

Abstract: The collective monograph reveals issues related to the evolution of strategic thought in Europe, starting with the Renaissance. Particular attention is paid to its origin in Spain during the Golden Age (XVI-XVII) and its development to the present day. The authors thoroughly study modern trends in the field of international relations and international security, and also share the peculiarities of the adaptation of the Iberian country to the new challenges of the 21st century within NATO.

Key words: Spain, Golden age, strategic thinking, modern security threats, nuclear disarmament.

DOI: 10.31857/S0044748X0013543-6

Received 25.01.2021.

Прием в аспирантуру ИЛА РАН

Институт Латинской Америки РАН объявляет прием в аспирантуру без отрыва от производства на контрактной основе по направлениям подготовки (страны Латинской Америки, Испания и Португалия):

- экономика (38.06.01);
- политические науки и регионоведение (41.06.01).

Аспирант в течение 3—4-летнего срока обучения получает:

- возможность стажировки в ведущих университетах Латинской Америки, Испании, Португалии и США;
- условия для изучения и совершенствования испанского и английского языков;
- доступ к уникальным библиотечным фондам ИЛА РАН и информационным базам;
- возможность участия в крупных международных форумах;
- перспективу трудоустройства в ИЛА РАН.

Прием документов — с 1 по 30 сентября 2021 г.

Прием вступительных экзаменов — октябрь 2021 г. по дисциплинам: философия, иностранный язык, специальность.

Адрес института: 115035 Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16

Телефон для справок: (495) 951-53-23

Факс: (495) 953-40-70

E-mail: congreso-ila@mtu-net.ru, ilaran@ilaran.ru

Для поступления в аспирантуру необходимо представить следующие документы:

- заявление на имя директора института о приеме в аспирантуру с указанием научной специальности;
- личный листок по учету кадров (заполняется в институте);
- научный реферат объемом не более 20-25 машинописных листов (размер шрифта — 14) по теме в соответствии с избранной специальностью. Если имеются опубликованные научные работы по специальности такого же объема, то они представляются вместо реферата;
- копия диплома об окончании высшего учебного заведения (диплом специалиста или диплом магистра) и выписки из зачетных ведомостей;
- 2 фотографии (3x4);
- копия второй, третьей и пятой страниц паспорта.

ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ РАН

реализует свои книги через

Межиздательский дистрибуторский центр при издательстве

Тел.: +7 (499) 135-42-46, +7 (499) 135-44-23

E-mail: urss@urss.ru · <http://urss.ru>

УРСС



- Бобровников А.В. Макроциклы в экономике стран Латинской Америки.
- Испания: траектория модернизации на исходе XX века. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Мартынов Б.Ф. Бразилия — гигант в глобализирующемся мире.
- Латинская Америка: испытания демократии. Вопросы политической модернизации. В 2-х частях. Отв. ред. Чумакова М.Л.
- Испания и Латинская Америка: динамика культурных процессов в конце ХХ — начале ХХI веков. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Мексика: парадоксы модернизации. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены.
- Латинская Америка на пути экономической модернизации. Отв. ред. Симонова Л.Н.
- БРИКС — Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Ермольева Э.Г. Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени.
- Иbero-американская культура: инновационные процессы и государственная культурная политика. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Португалия: эпоха перемен. Отв. ред. Яковлева Н.М.
- Ивановский З.В. Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры (справочник).
- Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама. Отв. ред. Ивановский З.В.
- Латинская Америка на мировом рынке продовольствия. Отв. ред. Яковлев П.П.
- Яковлева Н.М. Португалия: история политической модернизации.
- Современная культура Испании и Португалии: полилог традиций. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. Отв. ред. Сударев В.П., Симонова Л.Н.
- Современная организованная преступность в Латинской Америке и в странах Карибского бассейна. Отв. ред. Мартынов Б.Ф.
- Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций. Отв. ред. Яковлева Н.М.
- Возможности и пределы инновационного развития Латинской Америки. Отв. ред. Симонова Л.Н.
- Политические конфликты в Латинской Америке. Отв. ред. Ивановский З.В.
- Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства.
- Война США против Мексики. Постфактум. Спустя 170 лет.
- Куба накануне смены поколений. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Куба Sí. 60 лет Революции. Отв. ред. Калашников Н.В.
- Иberoамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Давыдов В.М. Перспектива устойчивого развития в новом глобальном и региональном контексте.
- Кодзоев М.А.-М. США — Куба: эхо холодной войны.
- Яковлев П.П. Глобальные головоломки: Иberoамерика в меняющемся мире.
- Испания в новой национальной и международной реальности. Отв. ред. Яковлев П.П., Куракина-Дамир А.А.
- Латинская Америка в системе международных экономических отношений. Отв. ред. Симонова Л.Н.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.



КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации



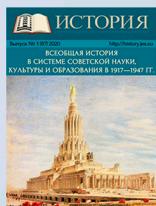
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА



СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА



По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru



НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года



Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук



Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах



Интеграция науки и образования



Бюджетные места



Насыщенная студенческая жизнь



Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

- История
- Философия
- Политология
- Социология
- Международные отношения
- Зарубежное регионоведение
- Востоковедение и африканистика
- Психология
- Культурология
- Археология
- Менеджмент
- Юриспруденция
- Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

E-mail: info@gaugn.ru

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

vk.com/gaugn

gaugn.ru



Уважаемые читатели!

Институт Латинской Америки РАН
планирует в 2021 г. выпустить в свет следующие книги:

- Перспектива устойчивого развития. Про и контра на латиноамериканской почве. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Гордиев узел венесуэльского кризиса. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Никарагуа: эволюция революции. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*

По вопросам приобретения через систему «Книга почтой»
обращаться в Институт Латинской Америки
(E-mail: iberoamerica@ilaran.ru, факс 953-40-70);
в Издательство УРСС (тел: (499) 135-44-23, E-mail: urss@urss.ru),
а также в магазины:

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 925-2457); «Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242); «Аргумент» (м. Университет, 2 гум. корп. МГУ. Тел. (495) 939-2206); Киоск МГИМО, Пр-т Вернадского, 76; «Фаланстер» (Малый Гнездниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21); Киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (8-964-630-14-34)

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА
ежемесячный научный и общественно-политический
журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110358 от 02.03.1993 г.)

Адрес редакции журнала «Латинская Америка»: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21;
тел. (495) 951-01-67; факс (495) 953-40-70; e-mail: revistala@mtu-net.ru